

В номере:**Главный редактор –**
*И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ***Шеф-редактор –**
*С.Г. ЗАМЛЕЛОВА***Зав. редакцией –**
Г.В. МАМОНТОВА
*galina-mamontova@mail.ru***Ответственный секретарь –**
В.И. РУСАКОВ
*pechat-vr@yandex.ru***Художник-верстальщик –**
*Р.А. ВОДЕНИНА***Редактор-корректор –**
*Н.Б. АЛЕКСЕЕВ***Редакция:**
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111**Рукописи и отзывы**
принимаются по e-mail:
*pechat-vr@yandex.ru***Электронная версия:**
www.velykoross.ru

Слово главного редактора3

ЮБИЛЕИ*Светлана ЗАМЛЕЛОВА*
«Я не политический деятель, а литератор...»
К юбилею М.А. Булгакова4**ПРОЗА***Александр ПРОХАНОВ*
Видение «Сталин». Глава из романа14*Екатерина ГЛУШИК*
Две сестры единственного сына42*Эвелина АЗАЕВА*
Рассказы54*Василий ПОЛЯКОВ*
Два рассказа91*Валерий РУМЯНЦЕВ*
Рассказы108*Юрий ПОКЛАД*
Бакарди-ром133*Евгения ПОЛЯКОВА*
С чего начинается Родина?151*Юлия АЛЕКСАНДРОВА*
Два рассказа161*Галина БУРДЕНКО*
Потеря179*Виктор МОСЕНКОВ*
Два рассказа187*Наталья ПУНИНА-ОРЛОВА*
Два рассказа190**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ***Николай ПЕРЕЯСЛОВ*
«Устроить мир по правде и любви...»21**ПОЭЗИЯ***Борис ВИЛЕНСКИЙ*
«Мы все для неба рождены...»26

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЪ**
№2(40) 2021

Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:

С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 23.07.21.

Формат 70x108/16.

Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 1000 экз.

Заказ Н-4369

Отпечатано

в цифровой типографии

«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta

ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.

Тел.: (495) 926-63-96,

www.bukivedi.com,

info@bukivedi.com

Василий ЛОВЧИКОВ
Домой, в Россию38

Светлана ГОРОШИЛОВА
«Любить и верить мы пришли на землю...» 50

Юрий ЯХОНТОВ
Остаться самим собой104

Надежда ОХРИМЕНКО
«Где этот край, дорогой, синеокий...»118

Виктор КАШКИН
«Что за поэт, когда не хулиган...»129

Пётр ГУЛДЕДАВА
«Любовь – это повод для вечного
спора...»149

Тамара ПОТЁМКИНА
Переключка времён.....154

Евгений ХАВАНОВ
Россия, встань и иди!157

Сергей ГАЗИН
К золотым небесам.....166

Инесса ИЛЬИНА-ФЁДОРОВА
«Весенний праздник, неба синева...»169

Элла КУЗНЕЦОВА
Многоцветье нежности176

Татьяна ЦАРЁВА
«И чуда ждать...»184

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Николай КАРТАШОВ
Его слово возбуждало русское чувство.
Пштрихи к портрету публициста и издателя
Михаила Каткова (1818–1887).....32

ДРАМА

Юрий БОГДАНОВ
Горбун. Драматический этюд.....121

ПАМЯТЬ

Нина БОРИСОВА
Встречи на дороге к храму171

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

Бывает так, что появление литературного произведения настолько актуально, что остаётся только изумляться такому «попаданию в цель». Выход в свет романа Александра Проханова «День» напоминает о важном и наводит на размышления. Каждый раз, вспоминая драматические дни противостояния в октябре 1993 года, мы пытаемся заново осмыслить значение тех уже далёких событий с позиций дня сегодняшнего. При всех противоречиях, в той ситуации была определённость: по одну сторону баррикад были «мы», по другую – «они», и в этом смысле всё было ясно. После трагической развязки на протяжении многих лет нашему народу, под видом «примирения», навязывалась моральная легитимизация предательства. Памятная доска Маннергейму (быстро демонтированная, благодаря общественному мнению, но «оставившая осадок»), «ползучая» реабилитация коллаборационистов, антисоветизм как практически официальная основа действительной государственной идеологии, – всё это, а также многое другое подобное, подаётся сегодня в качестве необходимых факторов «примирения». Деморализующая ложь этой мертворождённой концепции фактически питает разобщённость народа, загоняя болезнь внутрь. Дошло до того, что сегодня порой сложно определить, кто «свои», а кто «чужие». Тогда, в 1993-м, в этом смысле было проще...

Журналу «ВЕЛИКОРОССЪ» исполнилось 10 лет. На протяжении всего этого десятилетия журнал неукоснительно следовал своей изначальной линии – отстаиванию и утверждению интересов Российского государства, укреплению единства нашего многонационального народа, представлению талантливых произведений литературно-исторического содержания и патриотической направленности. На том продолжаем стоять.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2021

© Авторы, 2021

К 130-летию М.А. Булгакова (1891–1940)

«Я не политический деятель, а литератор...»

Время от времени в комментариях под той или иной статьёй можно встретить один и тот же вопрос к автору: «Зачем вы об этом пишете? Надо писать о том-то и том-то». Конечно, надо. Но написать сразу обо всём невозможно. Поэтому приходится выбирать и отдавать предпочтение какой-то одной теме. Вот, например, в мае 2021 г. исполнилось 130 лет со дня рождения выдающегося русского писателя, одного из самых значительных представителей русской литературы XX века Михаила Афанасьевича Булгакова. Мимо этой даты пройти нельзя. Однако писать и читать в сотый раз о том, что родился Булгаков в Киеве, участвовал в Гражданской войне, потом осел в Москве, – пожалуй, не очень-то увлекательно. Тем более всегда любопытно не просто пересказать биографию, но и найти нечто такое, что связывало бы личность из прошлого с днём сегодняшним, что было бы созвучно нынешней жизни. Применительно к Булгакову сложно обойти вниманием тот факт, что имя его, с некоторых пор, упорно пытаются политизировать. И делают это люди, в разное время называвшие себя то диссидентами, то демократами, то либералами. Началось всё ещё до выхода на экраны исключительно талантливого, но весьма тенденциозного и не вполне, по замыслу, булгаковского фильма «Собачье сердце».

Например, М.О. Чудаковой уж так хотелось сделать Булгакова своим, «белым», что она даже приписала ему побег из «красного» Киева на юг, к Деникину. То есть повернула дело так, что не деникинцы, завладевшие Киевом осенью 1919 г., мобилизовали врача Михаила Булгакова, как, впрочем, и многих других врачей; а сам он, ещё до прихода деникинцев в Киев, покинул город с единственным желанием – примкнуть к Добармии. Но – увы. Предположения Мариэтты Омаровны так и остались предположениями. Биографами Булгакова доказано: будущего писателя, как военнообязанного, мобилизовали деникинцы.

Светлана Георгиевна Замлелова – родилась в Алма-Ате. Окончила РГГУ. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Автор книг прозы «Гностики и фарисеи» (повести и рассказы), «Посадские сказки», «Блудные дети» (роман), «Исход» (роман) и др. Автор переводов французской и болгарской поэзии. Кандидат философских наук (МГУ им. Ломоносова), автор философской монографии «Приблизился предающий... Трансгрессия мифа об Иуде Искариоте в XX–XXI вв.» Отмечена Благодарностью Министра культуры РФ.

Живёт в Сергиевом Посаде.

Достаточно открыть какое-нибудь позднеперестроечное издание Булгакова, чтобы обязательно натолкнуться в предисловии на утверждение, что-де без Сатаны не разгрести навороченного большевиками, для демонстрации чего и понадобился писателю образ Князя мира сего. И тут же Булгакова изображали мучеником, чуть ли не жизнь посвятившим борьбе с тоталитаризмом и затравленным этим самым тоталитаризмом не иначе как до смерти. Будто бы гнала и преследовала советская власть писателя Булгакова как врага и контрреволюционера. А писатель Булгаков в ответ изображал советскую власть и её представителей «в виде зверине». А то и просто как исчадий ада. В самом прямом смысле.

Помимо серьёзных и необыкновенно интересных исследований творчества и жизни Булгакова за последние тридцать лет появились не менее многочисленные политизированные труды и записки, посвящённые писателю. Цель этих трудов и записок – доказать почтеннейшей публике, что Булгаков советскую власть не принимал и презирал, в чём и должен служить примером для соотечественников. Стоит признать, что цели своей эти старатели достигли, прочно вбив во многие головы ассоциативную связь между Советами и дуэтом Шариков-Швондер. Помнится, на одном вечере, посвящённом юбилею публикации «Мастера и Маргариты», автору этих правдивейших строк довелось наблюдать за некой театральной дамой, посвятившей своё выступление политическим взглядам писателя. «Никогда! – взволнованно воскликнула дама, сверкнув глазами и задрвав подбородок. – “Никогда” – так начинается роман “Мастер и Маргарита”. Так вот, никогда Михаил Афанасьевич не принимал советской власти!» Доказать это, судя по всему, представлялось для дамы чрезвычайно важным. Наверное, тем самым она хотела сказать, что раз уж такие люди советской власти не принимали, то куда уж нам, убогим. Подобный психологический приём используется для доказательства бытия Божия в церковных брошюрах, перечисляющих знаменитых верующих и тем самым намекающих, что-де не вам, сирым, отрицать признанное великими.

Дама на юбилейном ве3993чере, потихоньку впадая в экзальтацию, закончила своё выступление призывом вернуть православного царя и заявлением, что того же, вне всяких сомнений, хотел и Михаил Афанасьевич. Подобного же взгляда на писателя придерживаются зачастую и те, кто вовсе не грезит православным царём, а советский период воспринимает как органичную и лучшую часть истории России. Скорбный труд авторов политизированных трудов и записок не пропал втуне – из творчества и биографии Булгакова успешно соорудили знамя антисоветизма.

По сей день, говоря о русской литературе XX в., многие литературоведы не упускают случая подчеркнуть, что были писатели советские, такие как

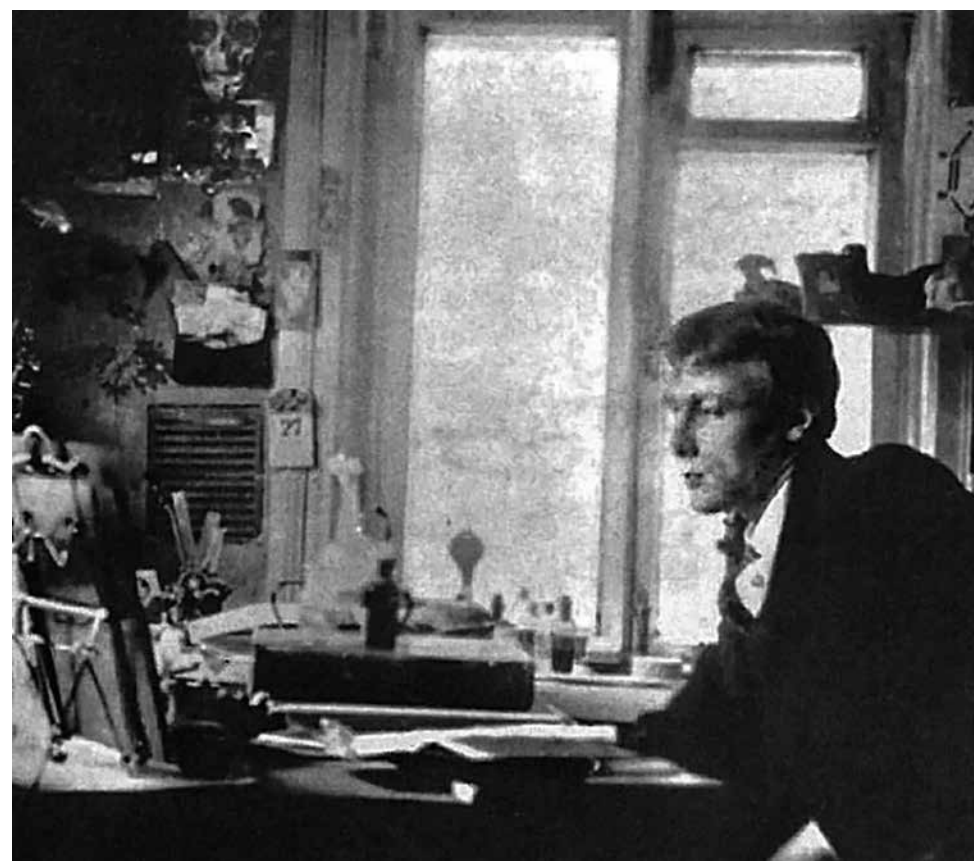

1928 г.

В. Маяковский, Д. Бедный, Н. Островский, а были антисоветские, как например, М. Булгаков.

Действительно, судьба писателя и драматурга М.А. Булгакова складывалась непросто. При жизни не вся проза его печаталась. Пьесы то ставились, то вдруг запрещались к постановке, а то и вовсе не допускались к сцене. Работа в театре тоже не задавалась Зато методично критики поносили его не просто грубо, а порой и вульгарно. Сам Булгаков подсчитал, что из 301 отзыва на его произведения 298 были ругательными, принявшими, по слову самого писателя, «характер неистовой брани». В самом деле, некоторые остряки, например, изощрялись в описаниях предполагаемого расстрела Булгакова, считая, очевидно, это смешным.

Уже в отчаянии, доведённый до нервного расстройства, он неоднократно обращался и к А.М. Горькому, и к М.И. Калинину, и к А.С. Енукидзе, и к начальнику Главискусства А.И. Свидерскому, и к И.В. Сталину, и к Правительству СССР с просьбой либо дать возможность работать в стране, либо позволить уехать за границу. Но интонация этих обращений говорит о том, что писатель не столько нуждался в отъезде, сколько в защите от зарвавшихся и распоясавшихся коллег. В письме Горькому от 28.09.29. Булгаков пишет: *«Все мои пьесы запрещены, нигде ни одной строки моей не напечатают, никакой готовой работы у меня нет, ни копейки авторского гонорара ниоткуда не поступает»*. А чуть раньше – в июле 1929 г. он писал Свидерскому:

Эту фотографию в семье Булгаковых называли «Миша-доктор». 1912 год.

«Ни одна строка моих произведений не пройдёт в печать, ни одна пьеса не будет играть, работать в атмосфере полной безнадежности я не могу, за моим писательским уничтожением идёт материальное разорение, полное и несомненное». Свидерский обращался по поводу Булгакова к секретарю ЦК ВКП(б) А.П. Смирнову, призывая помочь писателю, который *«хочет работать с нами, но ему не дают и не помогают в этом»*. Смирнов, в свою очередь, обратился в Политбюро, заявив в сопроводительной записке, что *«в отношении Булгакова наша пресса заняла неправильную позицию»*. Высказался он и по поводу дневников Булгакова, которые при обыске изъяли у писателя сотрудники ОГПУ. *«Нельзя пройти мимо неправильных действий ОГПУ по части отобрания у Булгакова его дневников»*, – написал Смирнов.

Как видим, каких-то особых указаний «сверху» травить Булгакова не было. Искать причины этой травли в «Манифесте коммунистической партии» или в «Декрете о земле» было бы, наверное, странно. Говоря словами самого писателя, *«разве Карл Маркс запрещает»* ставить пьесы Булгакова в театре? *«Где-нибудь у Карла Маркса сказано, что «Бег» не может идти в Художественном? «Кому это нужно? Угнетённым неграм? Или португальским рабочим?»* В том-то и дело, что никакого вреда Революции произведения Булгакова принести не могли, что и признавал, к примеру, самый пролетарский из всех писателей – Горький. Да и Сталин в ответ на жалобы литераторов по поводу «Дней Турбиных» предлагал написать более талантливую идеологически выдержанную пьесу, а не запрещать Булгакова. Зато, судя по всему, Булгаков здорово мешал менее одарённым коллегам, которые в подобных случаях всегда клевали и будут клевать конкурентов.

Самое парадоксальное, что первыми «антисоветским писателем» Булгакова назвали его современники – А. Авербах, Б. Алперс, И. Безыменский, В. Билль-Белоцерковский, Вс. Вишневский, Г. Горбачёв, В. Киршон, М. Кольцов, О. Литовский, Вс. Мейерхольд и многие другие. Не представители власти, а в основном писатели, стремившиеся, по своему обыкновению, быть святее папы Римского. Известно, например, что на требования литераторов запретить пьесу «Бег» к постановке Политбюро ответило отказом и признало необходимым лишь отложить работу с пьесой. Да и то в связи с убийством бывшего генерала Добрармии Я.А. Слещова, ставшего, как известно, прототипом Романа Хлудова в «Беге». Слещов был убит в разгар битвы за «Бег», что породило версию о связи этого преступления с травлей Булгакова. По поводу же обвинений Булгакова в «правом» уклоне Сталин ответил писателям, что считает такую постановку вопроса в корне неверной, поскольку всевозможные уклоны могут иметь отношение только к партийным делам, к политике. Но *«применять эти понятия к такой непартийной и несравненно более широкой области как художественная литература, театр и пр.»* было бы неправильно. Впрочем, Сталин в письме Билль-Белоцерковскому всё же назвал «Бег» явлением антисоветским, поскольку в том виде, как она была написана автором, пьеса вызвала симпатию *«к некоторым слоям антисоветской эмигрантщины»*, а стало быть, пыталась оправдать или полуоправдать белогвардейское дело. Но если бы Булгаков добавил к написанному изображение *«социальных пружин Гражданской войны в СССР»*, возражений бы насчёт постановки не было. Горький отзывался о «Беге» как о *«превосходнейшей комедии»*, как о пьесе *«с глубоким, умело скрытым сатирическим содержанием»*. За постановку «Бега» выступал и Свидерский, утверждавший, что *«такие пьесы лучше, чем архисоветские»*.

1935 г.

Но «Бег» всё же запретили, причём Сталин оповестил МХАТ, что уступить пришлось под напором писательской общественности.

Что касается «Дней Турбиных», то Сталин, как известно, был полностью на стороне Булгакова и снова сдерживал натиск литераторов, требовавших запретить ставить его на сцене. Кстати, обсуждение Сталина с украинскими писателями булгаковской пьесы само по себе достойно театральной постановки:

– Чего вы хотите, собственно? – восклицал утомлённый спором Сталин.

– Мы хотим, чтобы наше проникновение в Москву, – настаивал начальник Главискусства Украины А. Петренко-Левченко, поддерживаемый голосами из зала, – имело бы своим результатом снятие этой пьесы.

Это буквальный диалог из стенограммы встречи, показывающий, что украинские писатели нарочно *проникли* в Москву, чтобы добиться запрета булгаковской драматургии. Сразу видно «кровавого тирана» и «зашуганных» деятелей искусства.

Одно дело, когда публикации или постановки запрещают из-за боязни наказания сверху, и совсем другое, когда то же самое происходит по настоянию снизу. Вот и получается, что называя сегодня Булгакова «антисоветским писателем», его исследователи встают на позиции РАПП, смотрят сквозь окуляры Авербаха и поют в унисон с Безыменским, написавшим «Открытое письмо» МХАТу и настаивавшим, что Булгаков «*чем был, тем и останется: новобуржуазным отродьем, брызжущим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы*». Кстати, «бессильная слюна» – это вполне в духе современной премиальной литературы. Так вот, сказать, что поэт Безыменский написал ерунду, значит ничего не сказать. Но ту же самую ерунду, только с обратным знаком, взахлёб повторяют и сегодня.

Безыменскому, опубликовавшему своё письмо в «Комсомольской правде» (14.10.26.) ответил читатель Н. Рукавишников: «*По-моему, критики далеко не правы. А Безыменский со своим письмом к Художественному театру даже смешон. <...> Критика забыла, что пьеса показана на пороге 10-й годовщины Октябрьской революции <...> что зрителю порядочно-таки приелись и косматые попы из агитки, и пузатые капиталисты в цилиндрах*». Стоит ещё добавить, что кое-кто из критиков, поносивших Булгакова, настаивал на сдаче в архив то Пушкина, то Гоголя, то Чехова. Была ли это борьба за чистоту идеи? Едва ли. Скорее всё та же зачистка профессионального пространства, о которой впоследствии напишет Булгаков в «Мастере и Маргарите», изобразив страдания поэта Рюхина перед памятником Пушкину.

Но всё же если смотреть на ситуацию из дня сегодняшнего, уместно ли вообще утверждать, что Булгаков не любил пролетариата? Так ли уж близок писатель к тем, что называли себя впоследствии «диссидентами»? И почему

именно об этом хочется сказать в дни булгаковского юбилея? Да потому что Булгаков – писатель глубокий, сложный, но при этом необыкновенно светлый. Писатель, желавший творить по вдохновению, а не на заказ, ценивший свободное творчество и презиравший приспособленчество. «*Я горячий поклонник этой свободы, – писал он, – и полагаю, что если кто-нибудь из писателей задумал бы доказывать, что она ему не нужна, он уподобился бы рыбе, публично утверждающей, что ей не нужна вода*». Это философ, сатирик и мистик. Темы, которые разрабатывал он в своём творчестве, не связаны с политикой, он вообще сторонился политики. Его темы – поэт и власть, созидатель и разрушитель, творец-интеллигент и дикий невежда... И неважно, какая власть на дворе. Все эти, с позволения сказать, бинарные оппозиции существовали, существуют и будут существовать во все времена, при любом политическом строе и любой экономической модели. Вот и выходит, что если Булгаков исследует природу творчества, ответственность науки или подвижничество любви, он предстаёт мыслителем, пытающимся найти ответы на вечные и, по слову Достоевского, «проклятые вопросы». Но если вместо всего этого писатель подспудно борется с советской властью, держа фигу в кармане, он оказывается не более чем фельетонистом-куплетистом, балующимся побасенками на злобу дня.

«*Вы душиите театр!* – кричал И.Я. Судаков на заседании Главреперткома, запретившего «Бег» к постановке. – *Надо просто уметь читать то, что написано автором*». Но, к сожалению, чуда не произошло. За сто лет «читать то, что написано автором» многие так и не научились. Зато отлично научились искажать факты и манипулировать именами ради смутных и сиюминутных целей. На Булгакова при жизни насакивали коллеги-завистники и не шибко образованные, трусоватые чиновники, работавшие по принципу «как бы чего не вышло». После смерти на Булгакова накинута политизированная, а порой и просто экзальтированная поклонники, стремящиеся доказать, что кумир их тоже был диссидентом (православным, монархистом... – нужное подчеркнуть). И началось: притягивание за уши, самодеятельная герменевтика, откровенные привирания...

В итоге современные поклонники писателя не просто навели тень на его облик, но и всемерно поспособствовали тому, что в представлении многих соотечественников он оказался лживым, лицемерным и озлобленным фельетонщиком.

Признав, например, версию М.О. Чудаковой о «белых» или монархических убеждениях Булгакова, придётся признать, что писатель был человеком непорядочным и легковесным. Ведь что получается? Если метнувшийся в 1919 г. убеждённый монархист Михаил Булгаков пишет в 1920 г.: «*Что ты думаешь? Что народу хорошо живётся? Что он не знает, куда деваться от счастья и довольства? Ты видел нашу бедноту, которая живёт хуже рабов? Наших женщин, которые тоже бессловесные рабыни? Всюду непроходимая темнота и невежество...*» («Сыновья муллы»), то что же можно сказать об этаким монархисте? Возможно, современному россиянину и сложно это понять. Но тогда, в 1920 г., то есть 100 лет назад, подобный разброд в убеждениях мог значить только одно: человек этот – подлец. И те, кто сегодня записывает его в монархисты или просто в «белые», по простоте своей не замечают, что наносят ему оскорбление за оскорблением. Что Мариэтта Омаровна временами очень уж увлекается в своих исследованиях Булгакова, желая видеть его близким себе по воззрениям, отмечалось не раз. В частности, Л.М. Яновская удивлялась, как это Чудакова не замечает, что сама же

бросает тень на облик покойного писателя своими фантазиями. Но оказалось, что Мариэтта Омаровна не одинока в наведении тени.

А зачем, будучи монархистом и убеждённым ненавистником советской власти, подался он после всех своих мытарств по югу России в Москву с одной-единственной целью: осесть и работать? Зачем, когда коллеги его, действительно новую власть не принимавшие, уезжали из страны и на Восток, и на Запад? А ведь мысли об эмиграции являлись и были подкреплены отъездом двух братьев писателя. Значит, хотел бы – уехал. А значит, не хотел. Конечно, «Сыновья муллы» – это был один из первых драматургических опытов Булгакова. И сам он впоследствии издевался над наивной и прямолинейной пьесой. Но всё-таки автором был именно он. И никаких оснований обвинять его во лжи и лицемерии нет ни у кого.

А можно ли представить оппозиционера и диссидента, искренне радующегося достижениям ненавидимой им власти? Ну никак не вяжется Булгаков, славословящий восстановление Москвы, а значит, и страны в целом, в начале 20-х, с ненавистником власти, занимающейся этим восстановлением. И опять же: либо уж придётся признать искренность и честность Булгакова, а заодно отказаться от ярлыка «антисоветского писателя», либо согласиться, что Булгаков – лицемер, зато порадоваться его тайному недоброжелательству по адресу большевиков.

Да, Булгаков язвителен и остроумен. Но какой же сатирик – а он и сам называл себя сатириком – может обходиться без этих качеств? Разве И. Ильф или Е. Петров не язвительны в обличении порядков 20-х годов? Сатира – классово нейтральный жанр. Сатирик, высмеивающий пороки советских людей или советского общества, не становится автоматически антисоветским писателем. Хотя бы потому, что утверждать, будто советская система лишена была каких бы то ни было недостатков, может только бездумный фанатик. Правда, В.И. Блюм заявлял тогда в «Литературной Газете», что «*всякий сатирик в СССР посягает на советский строй*».

Что касается изображения «белогвардейщины», то опять же: «надо просто уметь читать то, что написано автором». Мысль о крушении старого мира, причём крушении неизбежном и неотвратимом, отчётливо выражена и в «Белой гвардии», и в пьесе «Дни Турбиных», и в рассказе «Ханский огонь». О своём отношении к революции Булгаков говорил неоднократно – и образно в беллетристике и драматургии, и прямым текстом, как, например, в знаменитом письме Правительству СССР от 28.03.30. Приведём несколько цитат из этого письма, касающихся отношения Булгакова к Революции.

По поводу пьесы «Багровый остров»: «*Советская пресса, заступаясь за Главрепертком, написала, что “Багровый остров” – пасквиль на революцию. Это несерьёзный лепет. Пасквиля на революцию в пьесе нет по многим причинам, из которых, за недостатком места, я укажу одну: пасквиль на революцию, вследствие чрезвычайной грандиозности её, написать НЕВОЗМОЖНО. Памфлет не есть пасквиль, а Главрепертком – не революция*».

По поводу сатиры: «*Чёрные и мистические краски, <...> в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта, яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране и противопоставление ему излюбленной и Великой Эволюции, а самое главное – изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызывали глубочайшие страдания моего учителя М.Е. Салтыкова-Щедрина*».

По поводу изображения «белых»: «*...Изображение интеллигенции как лучшего слоя в нашей стране. В частности, изображение интеллигентско-дворянской семьи, волею непреложной исторической судьбы брошенной в годы Гражданской войны в лагерь белой гвардии, в традициях “Войны и мира”*». Такое изображение вполне естественно для писателя, кровно связанного с интеллигенцией. Но такого рода изображения приводят к тому, что автор их <...> получает – несмотря на свои великие усилия **СТАТЬ БЕССТРАСТНО НАД КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ** – аттестат белогвардейца-врага».

По поводу политики: «*Я не политический деятель, а литератор <...> всю мою продукцию я отдал советской сцене*».

Итак, Булгаков признаёт величие Революции, но не верит, что в такой отсталой стране как Россия, с таким неграмотным и невежественным населением она сможет принести желаемые плоды. А потому он и уповает на Эволюцию, на мирное и постепенное развитие, на просвещение и культуру. А то, над чем он смеётся, вовсе не связано с Революцией – над тем же смеялись и до её свершения. Потому Булгаков с горечью отмечает в том же письме, что пресса СССР даже и не подумала обратить на это внимание, поспешив накинуться на него с обвинениями. При этом он всячески подчёркивает, что несмотря на своё мнение, он прежде всего писатель, а не политик и хотел бы заниматься литературой, творчеством, а не агитацией и пропагандой, хотел бы остаться, что называется, «над схваткой». Что вовсе не означает его враждебного отношения к социализму и советской власти. Кстати, после этого письма Булгакову позвонил Сталин, благодаря чему писателя взяли на работу во МХАТ.

Так какие же основания у нас не доверять Булгакову, сомневаться в правдивости написанного им, считать, что он кривит душой и пишет не то, что думает? Да никаких. Приписывание писателю каких-то иных воззрений, отличных от того, что он сам о себе написал, есть не что иное, как выдача желаемого за действительное. И плюс к этому – оскорбление памяти писателя.

Русскую революцию он считал явлением закономерным на том этапе истории, да и вообще органичным для русской цивилизации. Революция стала апофеозом всех бывших прежде крестьянских войн, восстаний и смут; силой, объединившей недовольных, униженных и оскорблённых и повлекшей их в новый, только ещё зарождающийся мир. Причём рождающийся, как и всё новое, в муках и крови. Глубина писателя Булгакова, среди прочего, обозначена приятием и пониманием сложных, не до конца постижимых, порой не очень-то симпатичных явлений. Попытка же записать Булгакова в антисоветчики только принижает его дарование, упрощает его талант, низводя с уровня философского на уровень фельетонный или, можно сказать и так, обывательский. Тот уровень, когда постижение мироздания и его суровых, не всегда понятных человеческому уму законов, сводится к комфортным условиям существования. Да, Булгаков воспевал удобство и уют. Но это лишь образы в его творчестве, символизирующие мирную жизнь и противопоставленные стихии. Кто же спорит: «лучше быть сытым, чем голодным, лучше жить в мире, чем в злобе». Но никто не станет оспаривать тот факт, что в истории бывают периоды потрясений. А стоит ли спорить с пророком Иезекиилем, задолго до Рождества Христова предупреждавшим: «*Сними с себя диадему и сложи венец; этого уже не будет; униженное возвысится, и высокое унижится*» (Иез 21:26)?..

Сложно сказать, так ли уж блажен тот, «кто посетил сей мир в его минуты роковые». Важно, что такие минуты время от времени наступают в истории

человечества. Причём всякий раз человечество само подготавливает наступление этих минут. А затем начинается происходить необратимое и не всегда человеку подвластное. Конечно, можно отмахнуться от этих минут и начать проклинать движущую их силу. А можно заняться осмыслением, поиском закономерностей и причин. Для второго нужна мудрость и вдумчивость, способность и желание прислушиваться к хору светил и голосу мироздания. Для первого – ничего не нужно. В нашем случае те, кто ничего не слышит и слышать не желает, кто кроме комфорта не ценит вообще ничего, пытается низвести до своего уровня человека чуткого и вдумчивого, для которого Революция стала не дележом имущества (Шариков: «Взять всё, да и поделить»), а «хором светил и волн морских, ветров и сфер» (В. Ходасевич). Вслед за Блоком Булгаков слышал музыку Революции, потому и писал о её грандиозности. И это не просто нарядные слова. Это попытка выразить невыразимое, обозначить то, что движет стихией бунта, заявить о сложности явления, не сводимого к шариковским схемам. Кстати, ссылаться на Шарикова как на типичного революционера могут только те, кто и сам подобен Шарикову, кто в разное время то примазывался к Революции, то оплёвывал её, но одинаково Революции не понимал и не слышал её музыки.

Чтобы уразуметь отношение к Революции Булгакова, стоит читать последовательно. Сначала «Белая гвардия», «Дни Турбиных», «Ханский огонь»; а уж затем – «Роковые яйца», «Собачье сердце». Сначала – о сломе старого и наступлении великого нового, о ненависти к большевикам и постепенном преодолении этой ненависти, сменяющейся упованием, как на единственную силу, способную укротить стихию. А уж затем – о тех, кто примазался к этому новому, кто налип на днище корабля Революции. Сначала образом грозной, неумолимо надвигающейся силы стал часовой с бронепоезда «Пролетарий» – замёрзший, усталый, оборванный человек с голубыми глазами «в снежных космах ресниц». Человек, который не дрогнет, не уснёт и не струсит. Затем появляются образы Клима Чугункина и Шарикова, руководимого Швондером – коллективный образ невежества, карьеризма и стяжательства, мутный поток, способный захлестнуть Революцию и поглотить голубоглазого часового вместе с его винтовкой и бронепоездом «Пролетарий».

И всё же о чём бы ни писал Булгаков, злоба дня интересует его отнюдь не в первую очередь. Все его герои играют свои роли на сцене Вечности, а не на ярмарочной площади. Хоть порой отголоски ярмарки и врываются на эту страшную сцену, отвлекая на себя внимание читателя. Но читателю всегда стоит помнить, что восприятие таких авторов, как Булгаков, сопряжено с трудом. Читать Булгакова, чтобы не пускаться потом в рассуждения о фельетонах, стоит внимательно и сосредоточенно, обращая внимание на множество деталей и образов. Только так можно увидеть отсылки, например, к Лермонтову и Пушкину в «Белой гвардии» и заглянуть в глубины романа. Ведь стоит только заметить аллюзию к Лермонтову в сцене с часовым у бронепоезда, как весь роман начинает звучать иначе. *«Играла Венера красноватая, а от голубой луны фонаря временами поблёскивала на груди человека ответная звезда. Она была маленькая и тоже пяттиконечная».* «И звезда с звездой говорит...», – вспоминаем мы и вот уже видим, что этот юный и ясноглазый, стойкий большевик обращён именно к Вечности, а роман написан не ради злобы дня и даже не ради истории.

И только так, внимая деталям, можно понять, почему уже в другом романе Пилат всё-таки отправил на казнь Иешуа, чего именно испугался и почему

разгневался на первосвященника. А также почему из всех персонажей московских глав Воланд не дурачит лишь Мастера и Маргариту и почему только Мастер и Маргарита сразу же узнают Воланда. Л.М. Яновская отмечала, что мимо философской подоплёки романа можно пройти, увлечшись сатирой, а можно «бесконечно идти вглубь ассоциаций» и размышлять над вопросами, волнующими автора. А вопросы эти ни много ни мало – смысл жизни, любви и творчества. Но если признать, что «Мастер и Маргарита» – это роман об ужасах тоталитаризма, обличающий «зверства» Сталина, то философское и сложное произведение, стремящееся выразить невыразимое, посвящённое тайнам бытия, постепенно превращается в большой фельетон, агитирующий против Советов за православного царя, а Булгаков – из мыслителя и мистика, сатирика и психолога, в задорного фельетониста.

И, наконец, что принципиально отличает писателя, не принимающего современного ему мироустройства, от того, кто примирился с окружающим или принял его безоговорочно? Конечно, вера в будущее и образ этого будущего в творчестве. У Булгакова такой образ был. И связан он с просвещением, изжившим дикость и невежество, злобу и зависть, воровство и ложь, желание вредить ближнему и заниматься доносительством. Ярче всего это показано в пьесе «Блаженство» – первоначальном варианте «Ивана Васильевича». Поиск образа будущего начат Булгаковым в рассказах, в романе «Белая гвардия». В пьесе «Блаженство» показано по-настоящему новое общество, обновлённое человечество. Герои из Москвы XX в. попадают в Москву XXIII – в 2222 год. Здесь тоже социализм, а может быть, даже коммунизм. И даже есть Совнарком. Один из пришельцев заявляет: «Социализм совсем не для того, чтобы веселиться». Но в XXIII в. люди как раз таки веселятся, пока к ним не попадают гости из века XX. Пьеса отчасти навеяна рассказом Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека», с той лишь разницей, что Булгаков не сообщает читателю, изменились ли люди XXIII в. после общения со своими дикими предками. И всё же рассказ Достоевского, в отличие от пьес Булгакова, никто не предлагает читать как манифест против власти. Но получается, что разрабатывая одну и ту же тему, Достоевский выступает обличителем человеческих пороков, а Булгаков – обличителем власти. То есть Достоевскому дозволено быть мыслителем, а Булгакову литературоведы опять отвели роль фельетонщика.

Да, судьба что у самого Булгакова, что у его произведений непростая. Бесконечные запреты, клевета и оскорбления при жизни, ложные толкования и политические манипуляции после смерти. Его трагедия в том, что не вмешиваться писателю в политику, «стать бесстрастно над красными и белыми» не получалось и сто лет назад, не получается и сегодня. Быть может, к XXIII веку люди наконец поумнеют.

1936 г.

Видение «Сталин»

Глава из романа

Ночью шумело, громыхало по крышам, било по карнизу, хлестало по стёклам. Вдруг тяжело ухало и катилось, унося с собой зеркальную вспышку. Я просыпался, видел забрызганное, в зеленоватом свете окно, гаснущую лиловую вспышку. Засыпал, чувствуя, как совершаются за окном в весеннем московском ливне таинственные перемены, охватывая комнату, где я спал, шкаф со стеклянными вазами, где продолжала держаться небесная вспышка, чёрный ковёр, на котором вдруг загорались красный и синий узоры. Сквозь молодой сон я чувствовал, как что-то меняется и во мне, возрастает, пользуется ночью, чтобы совершить во сне чудесные перемены.

И утром – счастливое пробуждение, свет в глаза, умытый блеск окна, водянистое пятно солнца на стене, книжный шкаф, где в сумраке горят тусклым золотом кожаные корешки старинных книг, неразборчивые голоса мамы и бабушки в соседней комнате, где готовят завтрак, берегут мой сон в праздничное майское утро, когда не надо через силу вставать, собираясь в школу, а можно нежиться в постели, предвкушая огромный светлый день, распахнувший мне свои объятия.

Боже, как преобразился за окном тополь, вчера нелепый, корявый, с кривыми ветвями, чуть опушённый туманной зеленью, в которой розовели нераспустившиеся почки. А сейчас сплошь изумрудный, сокрывший своим великолепным шатром переулочек, фасад соседнего дома с лепниной, старую колокольню, что смотрит из-за тополя сиреневой нежной и печальной красотой, какой светятся старые разорённые церкви.

Быстро встать, ополоснуться водой из медного крана, сесть с мамой и бабушкой за круглый стол, залюбоваться чудесной глазуньей: чёрная сковородка, разлитый млечный белок, яркие, выпуклые, золотые желтки. Свежая булка в деревянной хлебнице с вырезанным снопом, косой и

Александр Андреевич Проханов – писатель, поэт, публицист, общественный деятель. Родился в 1938 г. Главный редактор газеты «Завтра». Председатель Изборского клуба. Член Высшего творческого совета Союза писателей России. Живёт в Москве.

цепом. Сладкий обжигающий чай с крутящимися чайниками. Поцеловать торопливо маму и бабушку, и в новой вельветовой курточке, такой нарядной, свежей, выскочить из дома на улицу. Вдохнуть и опьянеть от густого влажного воздуха с запахами древесных соков, мокрой земли, железных, омытых дождём крыш, с духом тяжёлых булыжников мокрой мостовой. Найти под тополем сбитую ливнем веточку с зелёными листиками, липкими клювиками раскрытых опустевших почек. На пальцах останется клейкое пятнышко, долго пахнущее чудесной горечью громадного дерева.

Наш Тихвинский переулок вымощен булыжником. Ему не хватило асфальта. Ночной ливень смыл с мостовой всю пыль, грязь, зимнюю ржавчину, и камни просияли, как самоцветы. Алые, золотые, голубые, зелёные, таинственно фиолетовые, блестяще серебристые. Они казались глядящими в небо разноцветными глазами. Эти округлые валуны были принесены в переулок древними ледниками с далёких гор, искусством мастера-великана уложены во всю длину переулка, как мозаика. По ним в былые времена цокали подковы лошадей, стучали обода карет и пролёток. Теперь изредка продребезжит грузовик, прошелестит на упругих шинах легковушка.

Эти случившиеся за ночь перемены: распутившийся великолепной зеленью тополь, раскрывшая изумлённые глаза мостовая, колокольня, из серой, изнурённой нищенки ставшая весенней красавицей в сиреновом платье, – все эти перемены случились и со мной. Вчера хмурым вечером печальный, о чём-то неясно горящий, я ложился в кровать, ночью слышал ливень, озарялся летучими молниями и утром встал радостный, обожающий, с лёгкостью молодого весёлого тела.

В переулке было пусто, просторно, но там, где он вливался в Новослободскую, что-то двигалось, шевелилось, густо темнело, вспыхивало. Раздавался ровный шум, музыка. Первомайская демонстрация вязко тянулась от Савёловского вокзала по Новослободской, по улице Чехова, к Пушкинской площади и там, сливаясь с другими потоками, двигалась к Красной площади, к мавзолею, на котором стоял Сталин. И всё это бесщётное многолюдье терпеливо тянулось к мавзолею, чтобы показаться Сталину, прошествовать перед ним нескончаемой колонной, исполненной силы и радости.

– С вечера стоишь? – мой закадычный друг Владка Лебедев насмешливо окликнул меня, появившись внезапно из туманного солнца влажной зелени, блестящего самоцветами переулка.

– Тебя дожидаюсь, – я был рад ему, принял дружеский удар кулака в плечо. Видел близко его круглое яркое лицо с мягкими, чуть оттопыренными губами, серые пушистые брови, из-под которых упрямо смотрели голубые, слегка навязат, глаза с самоцветными искрами. Мы оба оканчивали седьмой класс. Я, Олег Муравьёв, считал Владку другом, признавая в этой дружбе его превосходство, охотно уступал ему первое место в наших увлечениях, восхищался его напором, сообразительностью, лёгкостью, с какой он получал отличные оценки по самым трудным предметам, обгоняя в успеваемости всех в классе.

– Пойдём с народом, – Владка кивнул на мерно шумящую гущу, – посмотрим Сталина.

– Не далеко ли идти?

– Была бы цель.

Он говорил убеждённо, я с ним соглашался, будто у него были опыт и знание, мне недоступные. Иногда я ему возражал, но очень скоро сдавался, чувствуя в нём уверенность и волю, каких мне не доставало.

Мы поднялись по переулку к Новослободской, и мимо нас густо, ровно плыли лица, флаги, портреты, транспаранты. Вязкая медленная толпа без начала и конца шумела, шаркала по асфальту, затягивала песню, которая тонула в другой, переливалась в третью. Люди были праздничные, надели лучшее. Мужчины казались посвежевшими, молодцеватыми, басили, подмигивали, цепляли женщин, а те хохотали, похорошевшие, озорно откликались. Не было в людях тусклой будничности, угрюмой суровости, какие заметны на улицах, в очередях, в трамваях, во дворах. В первомайской колонне люди светились, радовались своей общности, шли на смотрины, хотели быть красивыми, жизнелюбивыми.

Я смотрел, как проплывает мимо красный транспарант с надписью «Хлебозавод имени Микояна», и другой – «Московский станкоинструментальный институт». Глядя на первый транспарант, я вспомнил запах тёплого хлеба, который всегда доносился из-за железнодорожных путей у Савёловского вокзала. А глядя на второй, представил немецкий танк на внутреннем дворе института, и студентов, залезавших в стальные люки подбитой машины.

– Давай пристроимся, – Владик потянул меня, желая протиснуться вглубь колонны. Но мужчина с красной повязкой преградил нам путь:

– Чужих не пускаем.

– Да мы свои.

– Вот и ищите своих, – и грозно выставил нас из колонны.

– Пошли вперёд. Как черепахи плетутся. Впереди пристроимся.

Мы заскользили по тротуару, обгоняя медлительную колонну.

Небо было синее, весеннее, без облачка. Кирпичная стена Бутырской тюрьмы сочно краснела, нависая над чёрной, тягучей колонной. Я подумал, что узники за этой стеной – грабители, воры, мошенники, – слушают из своих камер музыку, возгласы, ровный, как море, шум толпы.

Обгоняя колонну, миновали Палиху с булочной на углу, где продавали тёплые, с хрустящей корочкой бублики, усыпанные маком.

Остался сзади гастроном, который бабушка называла «Куртников», по имени прежних хозяев. На его закопчённой стене кафелем было выложено: «Бакалея».

Слева осталась Селезнёвка с пожарной каланчой и маленьким прудом, из которого взлетали утки и ярко-зелёные, синие, с золотыми головками селезни. Там же, за домами, укрытая в деревьях, пряталась действующая церковь «Новый Пимен», как её называли. Путь к ней указывали смиренные женщины в платочках, несущие веточки вербы, кульки с куличами. Я не был в ней ни разу. Хотя влекло к себе суровое, древнее, из пушкинских поэм, имя «Пимен». Меня останавливала странная запрещающая сила, которая откладывала это посещение на другое время, когда я буду готов к встрече с таинственным и сладко влекущим.

Садовая, через которую валила колонна, была пустой, без машин, просторно и солнечно уходила в обе стороны, блестя окнами высоких домов, изумрудной зеленью скверов. У Садовой заканчивалась часть города, которую я считал своей. Здесь обрывались мои прогулки. Достигнув шумной, блистающей, переполненной машинами и огнями Садовой, я поворачивал вспять, возвращался в свой район, близкий к окраинам. Там дома, переулки, дворы были обжиты, с особым людом, неповторимость которого была трудно выражима, но отличала его от жителей московского центра.

Улица Чехова, по которой мы приближались к Пушкинской площади, не была чужой. Из окна трамвая я любовался красивыми особняками, высоким, с шершавыми колоннами, домом, о котором бабушкин брат, дед Николай, сказал: «Очень недурственная архитектура». Многие годы спустя, проезжая мимо этого дома, я вспоминаю деда Николая, его костлявую укутанную в хлипкое пальто фигуру, впалые щёки и язвительный рот, в котором дымила папироса. Он был офицером на русско-турецкой войне, награждён «золотым оружием», отсидел в лагерях и появился в нашем доме измождённый, полный желчи, затевая частые ненужные ссоры в трамваях, в очередях, давая выход копившемуся в нём ядовитому негодованию.

– Давай встраиваться, дальше будет труднее, – Владка высматривал в колонне прогал, куда было можно скользнуть. Две молодые женщины несли розовые шары, которые болтались на весеннем ветру. Им было хорошо, из-под беретов смотрели свежие лица, бегали шаловливые глаза. Они нравились идущим рядом мужчинам. Подмигнули нам.

– Сюда, – сказал Владка. Мы юркнули в колонну, спрятались в её глубине. Старались поймать шаг, чтобы нам не наступали на пятки.

Перед нами возник мужчина с красной повязкой. Его розовое после недавнего бритья лицо было не строгим, мягким.

– Вы куда, пузыри? Кто такие?

Я был готов послушно покинуть колонну, пугливо поглядывая на начальственную повязку. Но Владка, глядя восторженными синими глазами, вдруг запел: «Мы красная кавалерия, и про нас былинники речистые ведут рассказ».

Он искоса взглянул на меня, я понял, что должен делать. «О том, как в ночи ясные, о том, как в дни ненастные мы грозно, мы смело в бой идём!» – подхватил я. И оба звонкими, истовыми голосами восторженно пропели: «Веди, Будённый, нас смелее в бой! Пусть гром гремит, пускай гроза кругом, гроза кругом. Мы – беззаветные герои все, и вся-то наша жизнь есть борьба».

Мы пели так заливисто, с такой гвардейской удалью, что дежурный с повязкой махнул рукой и оставил нас в колонне.

Мы плыли в могучей, медленной реке. Она казалась тёмной, люди были в неярких одеждах. Отсутствовали цветастые галстуки и платки. Словно никто не хотел выделяться, не желал красоваться, сливаясь в общий послевоенный цвет. Яркими оставались портреты в руках демонстрантов. Лица вождей выглядели молодыми, сочными, ордена у них на груди пламенели. Вокруг портретов особенно густо скопилось алого, сияющего. Рядом со мной плыло лицо Берии с чёрными симпатичными усиками, в очках. Кольхались Молотов, Микоян, Каганович, остекленело глядя поверх толпы, где им что-то виделось. Портрет Сталина был вдвое крупнее. Френч с бриллиантовой звездой, фуражка с нарядной кокардой, знакомое, с седеющими усами лицо, чуть прищуренные глаза. Раму, окружавшую портрет, украшали яркие бумажные розы. Сталин был красивый, родной, седоусый, знакомый по множеству портретов, висевших в детском саду, школе, поликлинике, размещённых в учебниках, газетах. Этот, окружённый розами, походил на другие, но мягкая ткань, на которой он был написан, чуть вздрагивала от ветра, и лицо казалось живым.

Я осматривался. В колонне женщин было гораздо больше мужчин. Молодые, по две, по три, зыркали на шагавших рядом мужчин, громко и беспричинно смеялись, голосисто и воодушевлённо пели. Те, что постарше, среди

песен и возгласов, оставались спокойными, молчаливыми, с тихой вдовьей печалью на лицах, так похожих на мамино родное лицо.

Мужчины несли портреты, держали древки транспарантов. Рядом шагал безрукий, с пустым рукавом. У другого лицо рассекал лиловый рубец, делавший рот кривым, так что не закрывался золотой искусственный зуб.

Окружённый взрослыми, сбитыми в колонну, я вдруг почувствовал свою затерянность, незначительность и ненужность. Моя жизнь казалась стиснутой, слиплась со множеством других жизней, потеряла свою неповторимость. Это испугало меня. Но эта же толпа, поглотившая мою жизнь, наделяла меня силой, делала огромным. Я был великан. Толпа принадлежала мне. Её хвост терялся за Савёловским вокзалом среди депо и заводов, а голова выходила на Красную площадь. И всё это был я. Праздник был в мою честь. И хотя среди портретов отсутствовало моё лицо, но это меня славили песни и возгласы. Весь весенний, краснознамённый праздник был устроен ради меня.

Владка шагала поодаль, крепко ступая, поворачивая к соседу плечо. Что-то ему втолковывала, взмахивала рукой. Сосед был взрослый, но слушал внимательно, как если бы Владка рассказывал что-то важное, ему досель неизвестное. Владка умел разговаривать с людьми, заинтересовывал их, и мне с моей застенчивостью было до него далеко.

Колонна из улицы Чехова изливалась на Пушкинскую площадь, изгибалась, втягивалась в Пушкинскую улицу, спускаясь к Дому Союзов.

Я увидел другую колонну – чёрную, тяжёлую, изукрашенную флагами и портретами, она текла по улице Горького через площадь вниз, к Манежу. Мы с Владкой перебежали в эту колонну. Она казалась торжественней, сулила скорую встречу с тем, кто стоял на мавзолее среди кристаллических блестящих уступов.

Пушкинская площадь всегда рождала у меня тёплое умиление. Была знакома с детского сада, когда бабушка, держа мою маленькую руку в пёстрой варежке, вела меня к фонтану, полному истоптанного снега, на ёлке качались огромные хлопунки и снежинки, с деревянной, политой водой горки, по чёрной наледи с визгом катились и падали дети и взрослые, а продавщицы мороженого, толстые, со свекольными лицами, замотанные в платки, доставали из сундуков на колёсиках твёрдые, как камень, пачки сливочного.

Мы без приключений проникли в колонну, которая вязко топталась у «Известий» и кинотеатра «Центральный». По фасаду «Известий» бежала игривая строчка из множества мигающих лампочек. На фасаде кинотеатра красовалась реклама нового фильма. Лихой усач взмахивал саблей, хмурил грозные брови, а вокруг рекламы среди бела дня бледно горели лампы.

– Если спросят, кто мы, отвечай: «Отбились от Второго часового завода», – Владка предусмотрел возможные осложнения, проводив глазами удалявшийся транспарант с нарисованными часами.

От Пушкинской улица Горького парадно спускалась вниз, мимо магазина «Армения» с угловой башней, где высилась белая статуя физкультурницы, её парящие в небе крепкие бёдра и алебастровые круглые груди. Отсюда марш колонны становился быстрее, из громкоговорителей неслась громоподобная музыка, гуще краснели флаги, больше становилось портретов Сталина, всё тот же китель с алмазной звездой, седеющие усы, прищуренный взгляд. Цель, к которой стремилась колонна, была близка, торопила. Уставшие за долгое шествие люди приободрились. Громче звучали здравицы. Шире становился шаг.

Я чувствовал эту влекущую силу, таинственную волю, реющую в весеннем небе среди флагов и цветов. Я отдавался этой воле, счастливо повиновался.

Елисейевский гастроном слабо дохнул ванилью и чем-то горьковатым и грустным. Так пахнул наш стеклянный домашний буфет, сохранивший запахи жизни, которой давно не стало. Лишь раз я заглянул в Елисейевский и был поражён сказочными палатами, сусальным золотом, яркими росписями, среди которых вот-вот появятся богатыри, царевны, волшебники, а царские яства – остроносые осетры, разноцветные фазаны, копчёные окорока – уже выставлены в стеклянных витринах.

Москва была прекрасна. Прекрасными казались нарядные дома с балконами. Величаво гарцевал на коне Юрий Долгорукий. Таинственно, как самоцвет, вращался в глазнице на фасаде телеграфа голубой глобус.

Портреты над толпой казались парусами, в них дул весенний ветер, и они несли нас к заветной и уже близкой цели.

Манежная площадь распахнулась ликующе, залитая солнцем, с красной кремлёвской стеной, белым сахарным Манежем, янтарным дворцом, где каждое окно окружено чудесным каменным кружевом.

«Да здравствует наш великий вождь и учитель товарищ Сталин!» – неслось звонко и восторженно над толпой. И колонна радостно откликалась раскатистым «Ура!». «Да здравствует отец всех народов земли Иосиф Виссарионович Сталин!». По колонне катилось рокошующее «Ура», как волны, которые ревуще сталкивались, разлетались, угасая вдалеке, и вновь возвращались, вздымались громогласным валом.

Я кричал со всеми. Мог кричать во всё горло, и никого не удивлял мой крик. Он тонул в общем грое, среди раскрытых ртов, блестящих глаз, трепещущих флагов. Какое счастье – вливать свой крик в ликующие, сотрясающие небо возгласы.

Я был со всеми, один из многих, незнакомых и вдруг ставших родными людей. С ними было чудесно. С ними я был готов совершать невероятные подвиги, превозмочь великие труды, идти на бой и умереть, как умер в бою за Сталинград мой отец, посвящая свою жизнь и свою героическую смерть вождю. И вождь, тот, что посылал в бой моего отца, ждёт меня, высматривает в людском море, хочет поведать что-то, предназначенное мне одному.

Владка кричал, как и я. Прикладывал ладони ко рту, чтобы звук был громче. Я заметил его шальной взгляд. Казалось, его восхищала сама возможность безнаказанно кричать.

Мы перетекли Манежную площадь, приближаясь к кирпичному островерхому Историческому музею. Стали омывать его справа, вдоль тенистой кремлёвской стены. Другая колонна от Дома Союзов, как мохнатая гусеница, ползла по Манежной, огибая Исторический музей слева. Обе колонны, попав на Красную площадь, сливались и текли мимо мавзолея во всём кипящем бующем многолюдье, приветствуя стоящего на трибуне вождя.

Под ногами заблестела брусчатка. В тени Исторического музея чёрная, с металлическим блеском, она походила на чешую огромной каменной рыбы. Я ступал на неё, слыша, как вздрагивает эта рыба. Вместе со мной ступало множество ног, обутое в ботинки, бутсы, сапоги, женские туфли, парусиновые, начищенные мелом тапочки. Я думал, что мои ботинки ступают след в след тем бойцам, что шли парадом сорок первого года и растворялись бесследно во въюжных полях Подмосковья.

Мы выходили на площадь. Синие ели торжественно темнели вдоль малиновой зубчатой стены. Внезапное солнце ослепило. Площадь, солнечная, бушующая, плескалась, гудела, ахала. Все лица обратились в одну сторону, туда же тянулись руки, флаги, цветы, жадно смотрели глаза. Солдаты с винтовками стояли в ряд, сдерживая натиск толпы. Штыки на винтовках блестяли. То один, то другой загорался на солнце. Казалось, на плече у солдата вспыхивает голубая звезда.

Мы достигли мавзолея. Колонна редела, захлёбывалась, влеклась туда, за блестящую сталь штыков к мавзолею, где стоял вождь. Я стремился его увидеть, но меня оттесняли. Загораживали спинами, затылками, флагами. Я метался, желал пробиться, чувствовал, как меня пронесет мимо, и Сталина заслоняет плотная живая стена. И сейчас случится невосполнимое горе, неутешное несчастье, меня унесёт с площади, и я не увижу вождя.

На одно мгновение толпа разомкнулась. В тонкий исчезающий прогал я увидел мавзолей в розовом блеске, шлифованные уступы, и на верхнем уступе – Сталин. Он был в тёмном френче, драгоценной каплей мерцала звезда, краснела на фуражке кокарда, на бледном лице виднелись серые усы, под которыми улыбался рот. Правая рука была поднята и слабо махала.

Он исчез, заслонённый толпой, но этого было достаточно, чтобы от Сталина ко мне прилетел волшебный луч, высветил меня, словно я был из стекла, и остался во мне навсегда. Тогда на площади Сталин поцеловал меня, и этот поцелуй я чувствую всю жизнь. Сталин присутствует во мне, как огонь в лампе, как чудесный мираж, розовый, голубой, трепещущий на граните мавзолея. Счастливый, я спустился с колонной мимо Василия Блаженного. В синем небе он казался великолепным весенним букетом небывалых цветов и бутонов. Достигнув набережной, колонна рассыпалась, рассосалась, растворилась в солнечной Москве.

Мы с Владкой шли по гранитной набережной, глядя, как по солнечной реке бежит трамвайчик, оставляя серебряный след.

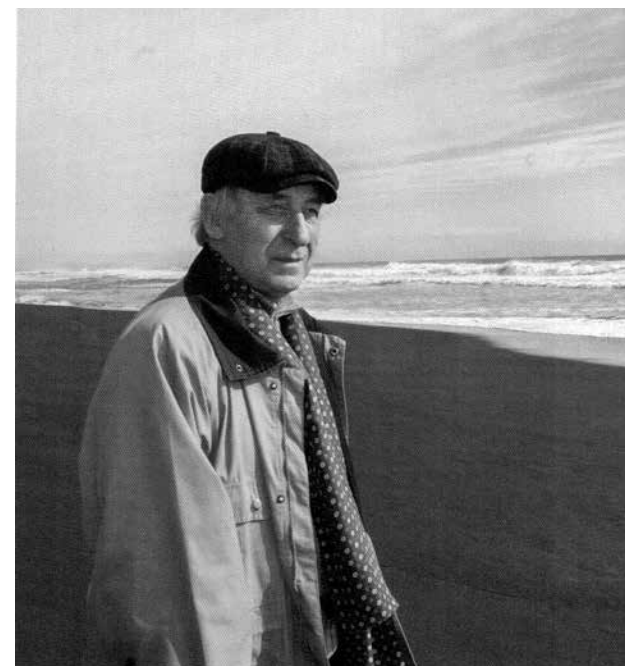
– На портретах он краше, – задумчиво произнёс Владка. Я не ответил. Всё чувствовал сердцем пронзивший меня луч, поцелуй Сталина.

«Устроить мир по правде и любви...»

Геннадий Викторович Иванов относится к тому кругу поэтов, творчество которых надо читать не по отдельным его стихам и даже не по газетным или журнальным подборкам, а желательнее сразу в полном объёме – по такой, например, книге, как сборник его избранных стихотворений «Горит костёр», выпущенной в конце 2020 года в столичном Редакционно-издательском доме «Российский писатель». Эта книга не только даёт впечатление о подлинном размахе поэтических способностей этого автора, но ещё и открывает перед читателями истинную глубину его души и восприятие им окружающего мира. Потому что поэтическими образами и метафорами владеют сегодня многие из тех, кто называет себя русскими поэтами, а вот способность открыть перед читателями просторы своей души и Родины – даётся далеко не каждому.

Николай Владимирович Переяслов – родился в 1954 г. Поэт, критик, прозаик, переводчик стихов. Член Союза журналистов Москвы, Международной Федерации журналистов, Международной Ассоциации писателей и публицистов. Член Славянской литературной и артистической Академии (Болгария, Варна). Работал шахтёром в Донбассе, геологом в Забайкалье, журналистом в Тверской области, директором Самарского отделения Литературного фонда России. Окончил заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького. Автор свыше 40 книг различного жанра, а также огромного количества публикаций в газетах, журналах и альманахах России, Беларуси, Казахстана, Грузии, Болгарии, США, Германии и других стран. Лауреат литературных премий и конкурсов. Награждён Почётной грамотой Министерства культуры РФ. Живёт в Москве.

Первое, что бросается в глаза при погружении в книгу Геннадия Иванова, это его искренняя любовь к малой родине – тем русским деревням и городкам, где прошли его детство и юность, а также той церкви Спаса в Бежецке, где ему на грудь когда-то повесили маленький блестящий крестик:

*В этой церкви меня крестили.
Здесь мои земляки уповали.
Рядом с церковью мама в могиле.
В этом храме её отпевали.*

*В этой церкви уютно и просто.
С ней отрадно могилам погоста...*

Стихи о родной русской земле и русских людях – это основа поэтического творчества Геннадия Иванова, который с особенной пронзительностью начал вдруг осознавать, что самыми важными для него являются такие простые вещи, как поле, небо, река, сад, деревенские люди, дети, церкви и, что самое важное, – Бог. И он пишет о своих простых, но очень важных для него человеческих чувствах: «Я люблю деревенские улицы – / Где гуляют заботливо курицы, / Где окошки глядят друг на друга / И всё близко – до речки, до луга...» А в стихотворении о есенинской родине селе Константиново он говорит: «Обыкновенное селение, / Поглуше многих на Руси. / Гусей и уток поколения / Гуляют шумно по грязи. / Здесь песни в воздухе не носятся / И ничего такого нет, / А всё же здесь когда-то осенью / Родился истинный поэт...»

Ну, а в стихотворении «Тимониша» (родовая деревня Василия Ивановича Белова) он пишет: «На свете на белом, на небе ли – / Отрада в душе и покой! / Тимониша. Белые лебеди / Летят над беловской избой...»

Или же вот стихотворение «Родина», которое просто невозможно миновать, не проникнувшись его теплотой и любовью, её поистине целебным, материнским дыханием: «Родина... Свет за окошком. / Родина... Вьюга впотьмах. / И на болоте морощка, / И на просторе – размах. / Родина... Лист придорожный. / Родина... В беге времён – / Родина... Замысел Божий, / Что ото всех утаён».

А вот ещё, какое прекрасное, простое, лёгкое и вместе с тем глубокое стихотворение, посвящённое жителям вымирающих русских деревень! Геннадий пишет о них не просто мимоходом, а как о своих самых родных и любимых бабушках: «Деревенских старух поздравляет Господь с Новым годом. / Ах, какие открытки прислал – погляди на окно: / неземным серебром нарисованы виды природы, / виды местности той, что увидеть потом суждено...»

Невозможно пройти, не вздохнув с тоской, мимо чудесного стихотворения о крестьянках, прядущих в своих избах лён. Читая его, понимаешь, какие сказочные нити связывают поэта с судьбой нашего великого народа-труженика:

*Где крестьянки лён прядут?
Только в памяти придут
Из какого-нибудь года,
Где в избе полно народа.
Там крестьянки лён прядут.
Там и пляшут, и поют.
Пашни там благоухают.
В сени ласточки влетают.*

*Там их гнёзда, там их детки.
Там и я сидел на ветке.
Там всё рядом, там всё близко.
Там луна сияла низко.
Там и гуси, там и галки...
Где же, где же эти прялки?
Так уж было суждено –
Прялки на небе давно...*

Геннадий Викторович не ищет в поэзии каких-то фантастических вывертов и необыкновенных метафор, главное для него – увидеть и услышать красоту и тишину русской земли, осознать свою необходимость в этом мире, а также направленную к нему доброту окружающего мира. Не гонясь ни за Евтушенко, ни за Вознесенским, ни за Высоцким, он пишет о том, что было в его личной жизни, что происходило с его друзьями и близкими, что сделалось частью его собственной судьбы.

А что было с его долгой судьбой? Что стало с его жизнью?

Всё это отчётливо выражается в его простых, но прекрасных стихотворениях, таких, как: «Иду пешком из Ханино в Слепнёво, / Иду тележной узкой колеёй, / Я знаю жизнь и горькой, и суровой, / Но нынче это в недрах, под землёй. // Всё где-то там до времени таятся / И жутко машет острою косою. / А здесь – ромашки, ветер на пшенице, / И я иду в рубашке и босой!..» Или же, как сказано в другом его стихотворении: «Вот проехали Кашин, до милого Бежецка / Остаётся немного. А там уж, а там – / Хоть недолго в лучах буду радостных нежиться, / Признаваться в любви буду многим цветам». А то ещё в таком стихотворении о бане, в котором Геннадий говорит: «Ковш Большой Медведицы над баней. / Отдышаться вышел я на снег... / Где-то должен после всех скитаний, / После всех исканий и метаний / Отдышаться в мире человек».

Но отдышаться от клокочущей жизни нелёгкого двадцать первого века невозможно даже в принципе, а если бы и хотелось отсидеться от всех передряг в какой-нибудь ветхой деревушке, то жизнь всё равно вытащит нас на свет через все бездорожья и колдобины, и протащит по всем побережьям и рекам, перелескам и горам, городам и республикам. Книга Геннадия Иванова – это неистощимый перечень населённых и географических пунктов нашего обширного Отечества, часть из которых на сегодняшний день уже перестала принадлежать к великой Российской Федерации. «Привыкаем жить без Украины. / И теперь, быть может, навсегда / Нам чужие степи и долины / и Днепра широкая вода», – с горечью пишет поэт об отходе от нас нашей родной республики. Да и только ли это произошло с Украиной? «Ушла от нас Прибалтика», – отмечает в одном из стихотворений Геннадий, а в другом добавляет: «За храмы на душе тоска, / за Днепр обидно. / И этой дикости пока / конца не видно».

Но есть ещё, к счастью, огромные просторы нашей необъятной Родины, черты которой не могут хотя бы мимоходом не отразиться в русской поэзии.

Да и только ли об одной нашей России идёт речь? Здесь Волга и Кавказ, Хибинны и Сибирь, Америка и Рейхстаг, Донбасс и Башкортостан, Север и Охотское море, Хунзах и Гуниб, Нил и Молога, Уфа и Кандалакша, Байкал и Беслан, Владивосток и Питер, Белое море и бухта Провидения, Красная площадь и ледяная Арктика – всё это оказалось запечатлённым в поэтической книге Геннадия Викторовича Иванова, чтобы мы помнили, что является нашей Родиной и из чего она собирается. И что нам следует делать в этой жизни далее, о том ему подсказывает Арктика, а он затем говорит об этом в своих стихах нам:

*Душа познала, что это такое,
Когда тоску восторгом утоля,
Глядишь вперёд, на поле ледяное,
На белый мир с надстройкой корабля!..*

*...Ещё часы не пущены как будто,
Ещё творенье мира предстоит.
Ещё душа не знает о минутах –
От бренности гнущей не болит.*

*Ещё тут всё свежо и незнакомо,
Ещё не искупались мы в крови –
Ещё как будто можно по-другому
Устроить мир – по правде и любви.*

Вот о том, как этот мир нужно устроить, чтобы всё было по правде и любви, поэт и пытается уяснить, опираясь на мудрость нашего народа и заветы нашего Бога. Ведь мы и сами должны понимать, что, если Господь устроил нашу жизнь именно так, а не иначе, то в этом кроется некий великий смысл. Потому-то одного из нас Он сделал в его жизни художником, другого – слесарем, третьего – солдатом, четвёртого – крестьянином, пятого – лётчиком. «Стою перед огромным стогом, / И навевает строки он. / Зачем Канары, если Богом / Я послан в Бежецкий район? // И неуместен скучный ропот, / Где всё – моё, где всё мне впрок. / Здесь я – пророк, на этих тропах, / А в тропиках – я не пророк».

Поэзия Геннадия Иванова удивительным образом соединяет в себе тоску по поводу исчезновения русских деревень и счастье от встречи с землёй, на которой прошло его детство, печаль от вида зарастающих травмами опустевших дворов и обветшавших коровников и вера в то, что жизнь однажды возвратится в эти места и зазвенит здесь звонко смех весёлых ребятишек. «Тоску былую песней не измерить. / Печально и теперь гляжу окрест. / Но всё же, всё же продолжаю верить, / Что Бог не выдаст и свинья не съест».

Стихи Геннадия Иванова необычайно легки и свободны, не обременены тем, чем перегружают свои рифмованные произведения многие из современных поэтов, стремящиеся пленить воображение читателей лихо закрученными метафорами. Строки Геннадия просты и без труда проникают в душу любителей поэзии, они напрямую соединяют человека с окружающим его миром и витающим над всеми Богом. Эти стихи надо бы разучивать в школах, чтобы люди входили в жизнь, понимая, зачем они явились на этот свет и чем они всем и всему в нём обязаны: «Мы всем должны – и бабочкам, и пчёлам. / Мы всем должны – и травам, и цветам. / Всему земному – городам и сёлам. /

И вечности, сопутствующей нам. // Мы должники – и как же расплатиться? / Кто красками, кто словом, кто числом. / Но главное, но главное – смириться, / что Божье всё, а не твоё кругом».

Книга Геннадия Иванова обладает таким необыкновенным свойством, что её хочется постоянно перечитывать и цитировать строки из неё для тех, кто с этими стихами ещё не знаком. В каждом его стихотворении есть такие строчки, а то и целые строфы, которые сами просятся для их принародного озвучивания. Это, к примеру, такие из них, как следующие:

«Наша память – это тёплый ветер, / По цветам бежит и по пшенице».

«Была такая лёгкость и беспечность, / И к сердцу не примешивался страх. / Река текла. И жизнь текла. И вечность / Текла куда-то в Божьих берегах».

«Теперь свобода – как потрава, / и все деревни – под откос».

«Поэзия – последняя инстанция, / когда уже ничто не помогло».

«Из жизни нашей стали исчезать / Слова: присяга, подвиг, верность. / Мы стали в межеумье зависать. / Какой-то низкой стала современность».

«Ни тропаря, ни кондака не зная, / Стою стыдливо, слушаю, молюсь. / Я за тебя молюсь, родная Русь. / Не может стать бесовскою святая».

«Ложимся, закрыв свои вежды. / Проснёмся в хоромаш Отца. / Земля – это берег надежды. / Надейся и верь до конца...»

А некоторые стихотворения Геннадия Иванова хочется декламировать целиком, потому что они настолько цельны и несут читателю мировоззрение автора, что дробить их на части просто невозможно. Как, например, стихотворение о разговорах с рожью:

*Со мною разговаривает рожь.
Колосья шепчут, что уходит лето,
Что скоро поле всё пойдёт под нож...
И вспомнилось из Нового Завета –*

*Что мы колосья тоже, и придёт
Великий срок последней самой жатвы,
Снопья свезут на Божий Обмолот,
И будет всё, о чём читали жадно.*

*И будет всё, о чём читали впрок,
Что страшно и таинственно, и дивно.
Но так должно быть. Милосерден Бог.
Мука́ и мука – это неразрывно.*

*Со мною разговаривает рожь.
Колосья шепчут, что уходит лето.
По сердцу зябко пробегает дрожь –
То дрожь любви из Нового Завета.*

Книга стихов Геннадия Иванова «Горит костёр» является одной из лучших поэтических книг в России последнего времени, и широкое знакомство с ней было бы очень полезным для многих любителей русской поэзии.

ПОЭЗИЯ

Борис ВИЛЕНСКИЙ

Борис Семёнович Виленский – родился в семье офицера-фронтовика в 1951 г. Жил в Баку, Одессе, Киеве, Кировограде. С детства мечтал о море, но поступил в строительный техникум. Служил на флоте. После службы работал на строительстве крупных промышленных объектов в Кировограде. В Москву попал по комсомольской путёвке на олимпийские стройки. Без отрыва от работы учился в институте. Окончил курсы журналистики при МГУ. Был членом литстудии «Звезда», которой руководил поэт Сергей Каратов. Автор многих книг, сборников, альманахов, журналов и газет. Кроме поэзии, пишет прозу и публицистику. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

«Мы все для неба рождены...»

Храм Иоанна Предтечи

Мой храм затерян в закоулках
Московских улиц и дворов,
Где эхо отдаётся гулко,
Как средь затерянных миров.

Здесь, как туман в сыром распадке,
Век девятнадцатый застрял.
Ещё хранит свои порядки
Заветной памятью квартал.

Здесь нет неоновых огней.
И говорю я: «Слава Богу,
Что есть хоть пара фонарей
Чуть освещающих дорогу».

Но есть другой природы свет –
Невидимый, неугасимый...
Иду за ним в потоке лет,
Простой молитвою хранимый.

Пантеистическое

Из города, где дым и сталь,
Где целый день снуют машины,
Я унесу свою печаль
В поля, в туманные лощины,
На берега больших озёр,

В непроходимые лесные чащи,
Где тихо радуется взор,
Где филин из ветвей тарацит
Свои огромные глаза
И, ухнув весело и страшно,
Ворвётся в небо, как гроза,
И воздух крыльями распашет.
А где-то деловитый ёж
Зафыркает от возмущенья,
Сороки учинят галдёж,
И целый лес придёт в движенье.
Подняв ветвистые рога,
Олень застынет осторожно,
Потом ударится в бега,
Как вездеход по бездорожью.
Лесная жизнь полна забот:
Гнездо, дупло, нора, берлога...
А в них всегда раскрытый рот,
И затаённая тревога.
Здесь нет ни денег, ни интриг
И никому не светит слава –
Здесь каждый день и каждый миг
На жизнь отстаивают право.

Как много в памяти событий,
Что преподнёс двадцатый век,
И как распутать эти нити,
Где каждый узел – человек?

История – судеб сплетенье,
Эпох смешенье и времён,
Пристрастий, мод и прегрешений
Под шелест множества знамён.

Но как бы ни менялись флаги,
Эмблемы, гимны и герба,
Не на мелованной бумаге
Творилась русская судьба,

А на полях больших сражений,
Где в бесконечности снегов
Легло немало поколений
Родных и близких, и врагов.

Порой проигрывая битвы,
Мы всё же брали верх всегда
Словами искренней молитвы,
Строкой духовного труда,

Бессмертной кистью богомаза
Или прорывом в небеса,
Где звёзд горячие алмазы –
Разящей вечности глаза.

И если нам не лгут пророки,
И если вера в нас сильна,
Из прошлого возьмём уроки,
Как чашу полную вина,

И выпьем до последней капли,
И в голову не стукнет хмель –
Земля, наш голубой кораблик,
Не сядет никогда на мель.

Иван Фёдоров

Отшельник иль простой мирянин,
Что чувства плотские гасил,
Он веру в Бога выше знаний
Своим искусством возносил.

Он знал, он ведал силу Слова
И потому верстал набор
Самозабвенно и сурово,
Порою ночью, словно вор.

За ним недремлющее око
Поставил тайно Ватикан,
Чтоб грамоту пресечь с востока,
Где правил грозный царь Иван.

С Московией давнишни споры
Всегда враждебных латинян,
Они бросали жадно взоры
На земли древние славян.

О! Пуще пушек и стрельцов
Они боялись просвещенья –
Его не победишь свинцом,
Ведь Слово рождено священным.

Но их усилья бесполезны,
Чтоб русский дух перебороть.
И слово русское из бездны
Вдруг обретало кровь и плоть.

По ухабам дорог, что раскисли,
Я иду, спотыкаясь, скользя,
Но тревожные, трезвые мысли
Говорят: расслабляться нельзя.

Я и так напряжён до предела:
Только тронь – зазвеню, как струна...
Видно, веком мне душу задело,
Да изранило сердце сполна.

Земля впитала кровь и пот,
В ней остывал металл горячий.
Но жизнь всегда своё возьмёт
И цену каждому назначит.

Когда-нибудь умру и я.
И на краю дороги пыльной,
Как прах земного бытия,
Я лягу под холмом могильным.

Он порастёт потом травой,
В себя мои, впитавши соки,
И будет небо над землёй
Таким же синим и высоким.

А ночью упадёт звезда –
Для неба малая потеря –
И дата Страшного суда
Придёт как плата за безверье.

Ещё я с прошлым не порвал,
А в будущее дверь закрыта.
Зияет времени провал.
И кто успел – наворовал
Себе из общего корыта.

Я драться в свалке не мастак –
Избрал другое поле битвы.
Мне стыдно драться за пятак,
Когда владеет миром мрак
И бытие острее бритвы.

Нас ждёт разруха и война:
Все силы тьмы уж наготове.
Мы их узнаем имена,
Когда хлебнём беды сполна
И поплывём по морю крови.

Как жаль, что нет такой деревни,
Где я на свет родиться мог,
Где у просёлочных дорог
Забрался бы в пахучий стог,
Иль слушал леса шёпот древний.

А по утрам хор петушиный
И колоколец тихий звон
Ввергал бы душу в сладкий стон...
Но мне достался город-слон,
Бездушный, как его машины.

Как жаль, как жаль... И все же корни
Выносят соки из глубин
В простор заоблачных вершин,
Где чёткий журавлиный клин
И ласточек полёт проворный.

Мы все для неба рождены,
Но связь потеряна с землёю,
И неизведанной тропею
Идём и тащим за собою
Мы чувство тяжкое вины.

Излейте душу забулдыге,
Коль станет вам невмоготу,
Или заройтесь глубже в книги,
Подобно тихому кроту,
И докопайтесь в них до смысла,
Будь он наивен иль жесток.
В календаре мелькают числа,
Но жизни не указан срок.

Над крышами антенны, как кресты,
И с высоты – вокзал, как на ладони,
Вот по асфальту ветер быстро гонит
Позёмку и газетные листы.

Мертвящий свет вокзальных фонарей
Высвечивал пустынные перроны,
И в тупиках облезлые вагоны
Покорно ждали участи своей.

Вот чей-то шаг раскатисто и гулко
Ночную взбудоражил пустоту
И, уходя куда-то в темноту,
Терялся в лабиринте переулка.

Я всё гляжу в замёрзшее окно,
Перебирает память наши встречи:
Прощальный взгляд, опущенные плечи...
Но прошлое растаяло давно.

Его слово возбуждало русское чувство

Штрихи к портрету публициста и издателя
Михаила Каткова (1818 – 1887)

1 августа 1887 года царь Александр III получил печальное известие о смерти публициста и издателя Михаила Каткова. Знавший его лично, он тут же направил вдове усопшего Софье Петровне телеграмму соболезнования. В ней говорилось: «Вместе со всеми истинно русскими людьми глубоко скорблю о вашей и Нашей утрате. Сильное слово покойного мужа Вашего, одушевлённое горячею любовью к Отечеству, возбуждало русское чувство и укрепляло здравую мысль в смутные времена. Россия не забудет его заслуги, и все соединяются с Вами в единокорнейшей молитве об упокоении души его».

В те дни многие газеты вышли в свет с многострочными некрологами, посвящёнными Каткову. В частности, газета «Санкт-Петербургские ведомости» писала: «Утрата, какую несёт Россия, неопределима; она теряет не только первоклассного журналиста, создавшего политическое значение русской печати, но и центральный ум, который в критические минуты собирал вокруг себя здоровое общественное мнение и указывал ему прямой путь».

...Михаил Никифорович Катков, публицист, издатель, литературный критик родился 1 ноября 1818 года в Москве в семье мелкого чиновника. Он рано лишился отца. Мать, не имевшая возможности его содержать, вынуждена была поместить сына в Преображенский сиротский институт. «Ребёнок учился хорошо, – вспоминала Т.П. Пассек, автор мемуаров “Из разных лет, из жизни дальней”. – В умных чертах маленького мальчика меня поражали глаза его, – бледно-голубые, до крайности прозрачные, временами точно с изумрудным отливом и со взором до того как бы погружённым внутрь самого себя, что не знаешь, что в нём таится».

Николай Александрович Карташов – родился в 1957 г. на Белгородчине. Окончил Воронежский государственный университет и Новосибирское высшее военно-политическое общеобразовательное училище. Проходил службу в Вооружённых Силах и правоохранительных органах. Автор и составитель более 20 книг, среди которых «Мытари», «Верую в верность», «Солдаты казны», «Служивый народ», «Станкевич», «Жизнь Станкевича», «Крамской», «Ватутин», и других. Секретарь Союза писателей России. Член правления Московской городской организации Союза писателей России. Удостоен государственных и общественных наград. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат Государственной премии РФ им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Живёт в Москве.

Через некоторое время Михаил был переведён в Первую московскую гимназию, а затем в пансион известного профессора М.Г. Павлова, который успешно окончил в 1834 году. В том же году юноша стал студентом словесного отделения Московского университета.

Учёба в университете не представляла для Каткова трудностей. Целеустремлённый, настойчивый, он легко осваивал предметы. Его блестящие ответы на экзаменах поражали даже почтенных профессоров. «Что болтаетесь? Пойдите и послушайте, как Катков отвечает», – ставил его в пример студентам тогдашний инспектор Московского университета П.С. Нахимов (брат легендарного флотоводца – Н.К.). И те послушно шли, выстраиваясь в очередь.

На студенческой скамье юноша приобщился к философии. Как известно, в то время молодёжь особенно увлекалась Гегелем и Шеллингом. В Москве центром философской мысли являлся литературно-философский кружок Николая Станкевича, у которого каждый вечер собирались поклонники германской науки и германской поэзии. В кружок Станкевича Катков влился в начале 1837 года, но с его главой он познакомился несколько раньше. Личность лидера кружка, знатока германской философии, его буквально покорила. Станкевича он считал своим учителем и духовным наставником. Его влияние как человека глубокого ума, большого обаяния и благородного сердца на нравственное и умственное воспитание юноши было огромно.

Спустя годы Катков так напишет о своём наставнике: «К Станкевичу как нельзя более идёт слово поэта: Gemeine Naturen zahlen mit dem was sie haben, schone – mit dem was sie sind (Вульгарные натуры платят тем, что у них есть, прекрасные – тем, что они есть сами). В этом человеке заключалось что-то необыкновенное, обаятельное, живо говорившее и тогда, когда он молчал. В нём была сила, приводившая в связь и согласие самые разнородные элементы».

Каткову шёл девятнадцатый год. Худощавый, бледный, с пытливыми светлыми глазами, он, как и Станкевич, носил длинные волосы. Они часто ему мешали, и Михаил непрерывно старался откинуть их руками назад. Тогда такая мода была в молодёжной среде, особенно среди студентов. Своими шевелюрами они хотели показать свой либерализм.

Но в кружке Станкевича встречали не по одежке, а по уму. «Катков читает “Эстетику” Гегеля и в восторге от неё, – писал В.Г. Белинский М.А. Бакунину. – Славный малой – он далеко пойдёт, потому что уже и теперь у него убеждение в мире с жизнью. Голова светлая, сердце чистое – вот Катков». В другом письме тому же адресату Белинский прибавляет: «Катков имеет один недостаток – он очень молод, а кроме этого, он один из лучших людей, каких только встречал я в жизни». Характеристика более чем точная.

В 1838 году Михаил с отличием окончил университет, получив степень кандидата словесных наук. А через год успешно сдал ещё и магистерский

экзамен. В том же, 1839 году, известный издатель и редактор А.А. Краевский пригласил Каткова на работу в редакцию журнала «Отечественные записки», доверив ему вести в журнале весьма важный библиографический отдел. Для Михаила это было, можно сказать, счастьем, поскольку участие в журнале сулило ему заработок. На тот момент материальное положение нашего героя оставляло желать лучшего. Иными словами, нужда песенки пела.

Катков с огромным желанием взялся за перо. Высокую оценку за свой труд он получил, сделав перевод статьи немецкого писателя Варнгагена фон Энзе о Пушкине. Затем перевёл «Ромео и Джульетту» Шекспира и «Рэдклифа» Гейне. Но известность Каткову принесли две статьи: «О русских народных песнях» и «О сочинениях графини Сарры Толстой».

«Солнце озарило дивное зрелище, озарило дивную монархию, какой ещё не видало человечество, – восторженно писал он в статье “О русских народных песнях”. – Откуда, как возникла она? Каким чудом так внезапно, так неожиданно из хаоса и мрака явился этот исполинский организм, атлетически сложенный, раскидавшийся своими мощными членами во все концы мира? Каким чудом вдруг без труда и развития сочленилось и образовалось это ужасающее своим громадным объёмом целое, проникшее собою с беспримерною силою все свои части, до бесконечности разнородные, и связывающее их в неразрывном единстве государства, предназначенного свыше управлять кормою человечества?» В конце статьи Катков заключает, что русскую историю следует разъяснять философским путём и что одним из самых важных источников подобного разъяснения является народное песенное творчество.

Вторая статья была посвящена творчеству семнадцатилетней поэтессы графини Сарры Толстой. О даровании юной поэтессы, впадавшей в экстаз и ясновидение, очень высоко отзывался сам корифей русской поэзии Василий Жуковский. Катков тоже дал волю своему тогдашнему поэтическому настроению, щедро использовал яркие эпитеты: «Таинственный ужас объемлет душу в час полуденного затишья, когда природа, переполненная обременительными силами, будто ждёт кого-то и не дожждётся, в дремучем сумраке леса деревья с вопросом помахивают своими махровыми вершинами; в чудном шуме, в котором сливаются фантастический шелест листьев и говор ночных насекомых, слышится вздох, и непонятно грустью подёрнуты спящие воды... Обаяние ли это призраков, болезнь мечтательной души или полусумрачное откровение высшей действительности, мерцание иной жизни?»

Авторитетный Белинский после прочтения статей молодого автора тут же напророчил ему хорошее будущее. «Я вижу в нём, – писал критик В.П. Боткину, – великую надежду науки и русской литературы. Он далеко пойдёт, далеко, куда наш брат и носу не показывал и не покажет».

Первый наш критик не ошибся в своём предсказании. Катков станет одной из самых уникальных по своим масштабам фигур русской общественной мысли XIX века. Более тридцати лет ни один сколько-нибудь значимый вопрос социально-политической или культурной жизни России не оставался без внимания Каткова, оказывавшего нередко существенное влияние на ход событий. Вот лишь некоторые ключевые этапы жизни и деятельности «борца за русскую правду» и «носителя русской государственной идеи», как называли тогда Каткова в общественных и политических кругах России.

В 1851 году Катков становится редактором газеты «Московские ведомости». Газета под его руководством стала одной из самых читаемых. За

несколько лет тираж газеты поднялся с 7 до 15 тысяч, что свидетельствовало о популярности издания.

Спустя пять лет, в 1856 году, Катков начинает издавать ещё и журнал «Русский вестник». К сотрудничеству в журнале он привлёк целую плеяду писателей нового времени. Достаточно сказать, что на страницах «Русского вестника» были опубликованы романы «Отцы и дети» Ивана Тургенева, «Война и мир» и «Анна Каренина» Льва Толстого, «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», «Бесы» Фёдора Достоевского, «На ножах» Николая Лескова. Сегодня эти произведения являются классикой русской литературы, её золотым фондом.

Надо заметить, Катков платил и хорошие гонорары своим авторам. К примеру, Лев Толстой получал 500 серебряных рублей за авторский лист (24 печатных страницы. – Н.К.), а его аванс составлял 10 тысяч рублей. Щедро редактор оплачивал труд и других литераторов. Тираж у «Русского вестника» тоже был солидный – 5700 экземпляров, он уступал лишь журналу «Современник», издаваемому Некрасовым.

В январе 1863 года в Польше, входившей тогда в состав Российской империи, вспыхнуло восстание. Его организаторы преследовали цель восстановить Речь Посполитую в границах 1772 года. О разыгравшейся кровавой трагедии газеты не писали, словно воды в рот набрали. И только «Московские ведомости» Каткова стали своего рода трибуной политической журналистики, с которой во весь голос зазвучал страстный призыв к обществу сплотиться вокруг царя и Отечества. В дворянской среде тогда многие сочувствовали восставшим и не ждали от властей решительных действий. Однако Каткову удалось переломить настроения «растленной» интеллигенции, побудить царя «власть употребить», поскольку «мятеж везде мятеж, где бы он ни вспыхнул». Печатное слово сыграло свою решающую роль и помогло России выйти из политического кризиса, а Катков приобрёл не только авторитет издателя, но и влиятельного политического деятеля.

В последующие годы роль и политическое влияние Каткова в обществе ещё больше выросло, но своего пика оно достигло в период правления Александра III. Именно он оказывал идеологическую поддержку контрреформам нового царя. Как известно, эти реформы были направлены на стабилизацию социально-политической жизни России после либеральных реформ предыдущего царствования.

Редакция «Московских ведомостей», располагавшаяся в Москве на Страстном бульваре, по сути, стала неформальным «правительственным центром», где не только обсуждались, но и вершились государственные дела, вплоть до решения кадровых вопросов. В частности, целенаправленная критика газеты министра финансов Н.Х. Бунге привела к тому, что он вынужден был уйти в отставку.

Катков являлся сторонником сильного государства, в котором должны быть единые законы, единый государственный язык, единая система управления. При этом Михаил Никифорович не отрекался от других «племён и народностей», входящих в состав страны. Он, наоборот, всячески поддерживал их право на знание родного языка, соблюдение своих традиций, религий и обычаев.

В своих выступлениях Катков постоянно подчёркивал, что «слабое государство, не способное ни обороняться, ни управляться, не жалеют, а презирают и добивают». Знали ли об этом правители России 90-х годов прошлого

века? Вряд ли, поскольку в результате их либеральных реформ Россия не могла ни обороняться, ни управляться... А никогда не испытывающий к нам тёплых чувств Запад всеми силами пытался не только расчленив страну, но и добить её. Только приход к власти государственников удержал Россию от развала, сделал её вновь мощной державой.

Вообще, Катков, хотя и вышел из кружка «западников» (а кружок Станкевича считают таковым), никогда не оглядывался на Запад. Записка Михаила Никифоровича царю, в которой он предупреждает об опасности политического «заигрывания» с Германией, тому подтверждение. «Всемилоостивейший государь, – писал Катков Александру III. – Ввиду твердой воли ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА вести наше Отечество путём самостоятельной политики, князь Бисмарк употребляет все усилия, чтобы затормозить это движение и продлить свою фальшивую диктатуру, которая и возможна только при отсутствии самостоятельной, свободной в своих решениях России. Освобождение русской политики отнюдь не угрожает опасности Германии; но Россия, свободная в своих действиях, ставит Германию на её место, отрезвляет её, избавляет её от демона властолюбия, который столько же губителен для неё самой, сколько опасен для других. Этот демон внушает нынешнему руководителю новосозданной империи тысячу хитростей и уловок, для того чтоб чем-нибудь связать Россию».

И далее:

«...Зло это исчезнет само собою, как только в Европе выступит во всём величии самостоятельная Россия, независимая от чужой политики, управляемая лишь своими, ясно сознаваемыми, интересами. Могущество России, её величие так всеми чувствуется, что достаточно ей стать во всём самою собою, чтобы смутить и парализовать всякую вражду, ободрить и оживить всё дружелюбное, поднять авторитет России, возбудить к ней доверие. Не потребуются ни напряжений, ни кровавых жертв. Достаточно будет заявления очевидной для всех твёрдой решимости ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА сохранять полную свободу действий при соответственном направлении нашей дипломатии. Быть же обязанною чужой помощи в улажении каких-либо затруднений – это было бы новым унижением России, это значило бы скрыться под покров чужой силы, которая и сама только тем сильна, что держит нас в своей зависимости, что подчиняет себе тем или другим способом Россию. Всякое содействие, какое бы ни оказал нам Бисмарк на Балканском полуострове, будет истолковано, – и он сам постарается это сделать, – как новое доказательство слабости России и могущества Германии. Особенно было бы опасно принимать помощь от политики, которая вся состоит из коварств, какова политика Бисмарка. Чем будем мы свободнее от неё, тем будет безопаснее для нас. Бисмарк сам будет создавать для нас затруднения, с тем, чтобы фальшиво улаживать их. Под видом покровительственной помощи, которую он нам вызовется оказать, он незаметным образом вовлечёт нас в серьёзные затруднения и потом оставит нас расправляться с ними. Не так ли было во всём ходе дел, который привёл нас к войне в 1877 году?..»

Однако не всем была по нутру позиция Каткова, человека, искренне любящего свою матушку-Россию, свой многонациональный народ. Идеологические противники из лагеря либералов на все лады охаивали его идеи и взгляды, приклеивали ему насмешливые и презрительные прозвища типа «громозвержец Страстного бульвара», «будочник русской прессы», «жрец мракобесия», «проповедник сикофанства»...

К примеру, историк и публицист П.В. Долгоруков так писал о своём оппоненте: «...вечно беснующийся Катков, которому непременно нужно вечно лаять и всегда кого-нибудь кусать, который в своих наездах всегда идёт далее самого даже правительства и всякого, кто не разделяет его мнения, объявляется государственным преступником и даже изменником отечеству».

Незадолго перед смертью Каткова его недруги «постарались», чтобы он был скомпрометирован и в глазах царя Александра III. А дело было в письме президенту Палаты депутатов Франции Шарлю Флоке, авторство которого клеветники приписали Каткову. Высочайшим повелением Михаила Никифоровича вызвали в Санкт-Петербург и «поставили на вид», а по сути, лишили всех привилегий. И лишь после смерти Каткова выяснилось, что он к этому подмётному письму не имел никакого отношения. К чести царя, он признал свой опрометчивый шаг, сказав, что Катков «попал под горячую руку».

Безусловно, произошедшие события ускорили смерть Каткова, хотя к тому времени он уже тяжело болел. Умер Михаил Никифорович 1 августа 1887 года. Хоронили его с большими почестями. Гроб был поставлен в церкви основанного им Лицея Цесаревича Николая. На подушечках из красного бархата лежали награды – ордена Святой Анны 1-й степени и Святого Владимира 2-й степени, которых тайный советник (соответствует воинскому званию генерал-лейтенант) Катков был удостоен за заслуги перед Отечеством.

Отпевание было совершено там же митрополитом Московским Иоанникием в присутствии многочисленного духовенства, а также министра народного просвещения И.Д. Делянова, генерал-губернатора князя В.М. Голицына, других официальных лиц.

«Дивное поистине зрелище! – говорил в надгробном слове московский митрополит Иоанний при отпевании покойного Каткова. – Человек, не занимавший никакого видного высокого поста, не имевший никакой правительственной власти, делается руководителем общественного мнения многомиллионного народа; к голосу его прислушиваются и иностранные народы и принимают его в соображение при своих мероприятиях. Редко кому выпадала на долю такая завидная участь!»

У гроба с покойным неотлучно находилась его многочисленная семья. Мало кто знает, но у Михаила Никифоровича было девять детей: три сына и шесть дочерей. После отпевания траурная процессия проследовала мимо редакции «Московских ведомостей» к церкви Алексеевского монастыря, где прах покойного был предан земле.

В заключение хочется сказать, что в последние годы пробудился огромный интерес к наследию Каткова. Переиздаются его книги, возобновлён в формате газеты выпуск «Русского Вестника». Ежегодно проводятся «Катковские чтения», участниками которых являются политики, философы, историки, писатели, священнослужители, то есть те, кому небезразлично настоящее и будущее России. Звучит на этих вечерах и имя его друга Николая Станкевича.

ПОЭЗИЯ

Василий ЛОВЧИКОВ

Василий Дмитриевич Ловчиков – родился в 1935 г. в городе Воронеже. В 1957 г. окончил Высшее военноморское инженерное радиотехническое училище в г. Гатчине. С 1957 по 1964 гг. служил в Военно-морской и Дальней авиации (ДА) на разных должностях. В 1967 г. окончил Военно-дипломатическую академию (ВДА). Работал в Москве, за рубежом и в ВДА. Кандидат военных наук, доцент, академик Международной академии духовного единства народов Мира. В настоящее время – профессор Военного университета МО РФ. С 2000 г. член Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии. Автор 24 сборников стихов и поэм. За литературную деятельность награждён шестью медалями, в том числе: Владимира Маяковского, Михаила Лермонтова и Александра Пушкина.

Живёт в Москве.

Домой, в Россию

С чего начинается Родина?

С чего начинается Родина?
С родителей, – скажет любой,
Связавших, что ясно всем вроде бы,
Гражданством тебя со страной.
Три истины без искажения
Нельзя подменить и отнять
У всех, это: дату рождения,
Страну, где родился, и мать!
Они всем судьбою предписаны,
Их можно формально сменить,
И всё же, от всех независимо,
Без них всем на свете не жить.
Грузин, что в России родился,
Конечно ж, по маме грузин,
Но, как бы к родне ни стремился –
Российский судьбой гражданин.
Душа всем нам Богом даётся,
А с ней: Мать и Родина-Мать,
И этим цель жизни куётся:
Чем Бог наградил – не терять!

В тисках ностальгии

Вдали от родимого тына,
Невольница воли чужой,
Грустит одиноко рябина
Средь пальм, подпирающих зной.
Не в радость земли плодородье
И вечного лета тепло.
Ей помнятся: звон половодья,
В сутробах родное село,
Короткого лета объятья
И осени яркий наряд,
Когда её сёстры и братья
Багрянцем заката горят.
И чуждый уклад не приемля,
Она с ним затеяла спор,
Одна с октября до апреля,
Как дома, роняет убор!
И преданно более века
Всё грезит Россией своей,
И холодом белого снега,
И стайкой родных снегирей...
Я сам был в тисках ностальгии,
Был узником боли и грёз,
И в трюме из милой России
Невольнице снега привёз!

Российский край

Эдем – швейцарская земля:
Сверкают серебром вершины,
Цветут альпийские поля,
Ликут горные стремнины.
Лесов зелёных кружева –
Блеск декораций скал и склонов,
А изумрудная трава –
Ковёр для королевских тронов.
Природный рай швейцарских Альп –
Приют для вычурных туристов:
Здесь меркнут горе и печаль
В объятьях праздности игристой.
Но я из этих мест спешил,
Без размышлений и сомнений,
В свой край, которому служил
Как летописец сам Есенин,
Воспев не знающих границ:
Простор лесов, степей безбрежных,
Приют для перелётных птиц,
Раздолье для метелей снежных.

Спешил и я в свой русский край,
Влюблёнными воспетый всеми,
Который променять на рай
Так не хотел Сергей Есенин!

Домой, в Россию

Много стран в своей жизни проехал,
Много дивных чудес повидал,
Но нигде тех раздолий и снега,
И рябин, как у нас, – не встречал.
Колесил по дорогам Китая
От Харбина до южных границ,
«Тадж-Махал» – клад индийского края
Процедил через сито ресниц.
В разноцветьи тюльпанов голландских,
Словно в куцах Эдема, витал;
По плечам серпантинов швейцарских
Размотал не один перевал.
Был в плену вернисажа Монмартра,
Поглощая с восторгом Париж;
У «Ла Скала» – легенды-театра
Брал на память обрывки афиш.
Любовался красой Сингапура,
В Эмиратах арабских потел...
Но везде, уж такая натура,
Я домой – я в Россию хотел!..

.....
Своих путей не выбирая,
Немало стран я посмотрел,
Но из красот чужого рая –
Домой, в Россию, я хотел.

Возвращение на Родину

Родной земли коснулся самолёт,
Преодолев большое расстоянье,
Окончен зарубежья эпизод
И ожиданий с Родиной свиданья.
Иду через кордоны, не спеша,
Не огорчают ни жара, ни слякоть;
Так стосковалась по Руси душа,
Что не стыжусь при встрече с нею плакать.
Повсюду свой приветливый народ,
Родная речь со всех сторон несётся.

Душа, встречаясь с этим всем, поёт,
И сердце от волненья чаще бьётся.
Россия милая! Желанный отчий край,
Для всех открытый, всех принять готовый –
Меня, как сына верного, встречай и знай:
Я рад домой живым вернуться снова!
Святая Русь, любимый дом родной,
Я к вам стремлюсь всегда и отовсюду,
Везде себя я вижу сиротой,
Мне нет нигде без Родины приюта!

Родина

Россия милая, люблю тебя до слёз!
Люблю твои поля, твои леса и реки,
Багрец рябин и белизну берёз,
Пленившие однажды и навеки!
О, мой народ! Поклон душе твоей –
Доверчивой, надёжной, терпеливой,
Снискавшей славу стойкостью своей
На поле брани и над мирной нивой.
И ты, земля, вскормившая народ,
Которым невозможно не гордиться,
Цвети и знай, что богатырский плод
На скудной почве не родится!
Ты, богатырь, люби, храни, как мать,
Ту часть земли, что Родиной зовётся!
Её любить – всего себя отдать
И даже жизнь, если придётся.

Две сестры единственного сына

Он увидел этого мальчика, когда со службы с флота вернулся. Первый раз увидел. И если бы они с его матерью остались вместе, совсем другая была бы жизнь у этого мальчика, который так смешно потягивался, выгибал спинку, распеленованный, гукал. И всегда улыбался. Сколько Павел помнит своего мальчика – он всегда улыбался. Павел даже не знает, плакал ли тот вообще. Первый раз увидел сына, когда у того первый зуб прорезался. А в следующий раз – когда уже выпали все. И вот такой, не старый ещё мужик, но беззубый, он приехал к отцу, чтобы сказать, что ненавидит. Ненавидит! Его грудным бросил. Матери жизнь испортил. Та вынуждена была с алкоголиком жить, чтобы у него, Гришки, был хоть какой-нибудь отец. Мать так рассердилась, так обиделась на Павла, что даже ему, Гришке, дала фамилию отчима, с которым, собственно, и в брак не вступала, потому что муженёк смылся, и даже найти его, чтобы развестись, она не могла. А устраивать поиски через милицию ей было стыдно: что ты за женщина, если от тебя мужик так без оглядки бежал – с милицией приходится искать?

А настоящий отец его, Гришки, на край света умотал от семьи, вишь, как хорошо устроился.

Павел столько о себе услышал от сына, которого узнал сразу – он очень похож был на Лиду, его жену, его первую любовь. За всю жизнь столько плохих слов не слышал. А ведь такие этапы прошёл! От рабочего-мастера-начальника цеха до нынешнего положения. На этом пути и ты – крепкими словами честишь, и тебя трёхэтажными эпитетами вознаграждают. Наверное, если такие слова слышишь от единственного сына, их сила возрастает раз в сто, сила ненависти, в них вложенная. Вот и кажется – за всю жизнь такой чести-нечисти не достаивался.

Две дочери у Павла. И один сын, вот он – не по годам старый, измученный, желчный, беззубый. Ведь разыскал. Приехал, чтобы злость свою выплеснуть. Так и сказал: не хочу в могилу уносить

Екатерина Фёдоровна Глушик – родилась в Ижевске, окончила филологический факультет Удмуртского государственного университета, работала учителем русского языка и литературы в школах родного города и группы советских войск в Германии (ГСВГ). Автор 10 книг прозы и публицистики. Лауреат премии «Эврика» за книгу рассказов «Простые разговоры». Лауреат премии «Лучшая книга года» (2006) за книгу «Беседы о Сталине», дипломант премии им. А.Н. Толстого, победитель конкурса журналистских работ «Беларусь – Россия. Шаг в будущее».

Живёт в Москве.

ненависть к тебе, чтобы она и в гробу меня, трупа бездыханного, выедала, как всю жизнь ест. Не хочу, чтобы ты и дальше наслаждался роскошью, не зная, что тебя родной сын ненавидит.

Павел уже не помнит, когда были ситуации, в которых он бы растерялся или спасовал. А тут оторопел. Надо сказать, что сама встреча произошла странно, удручающе даже: Павел выходит из машины, ему до дверей заводууправления – два шага шагнуть, а ему наперерез бросается потрёпанный мужичишка. Водитель выскочил, схватил того. Из здания охранник выбегает. И почти заломали нападавшего, как подумали о мужике. А тот кричит: «Здорово, папа! Отлично сына встречаешь!»

Вот тут Павел на него глянул – Лида. Её лицо в мужском исполнении.

– Отпустите, – приказал работникам. – Здравствуй, Гриша, пойдём.

Секретарша онемела, когда он в приёмной с опципаным сифоном появился. Это Павел потом услышал, как та по телефону кому-то говорит: «Полный подоконник! Приходит и тащит какой-то опципаный сифон». Вот и не юная уже дама, с образованием, но такие словечки иногда у неё! Где берёт? И как собеседники понимают друг друга в таком разговоре?

Оказавшись в кабинете, Гриша и смутился, и ещё больше обозлился, стал отцу выговаривать, почти скороговоркой, словно боялся, что его и отец не дослушает, и придут охранники да вышвырнут. А Павел не перебивал, на эту ненависть сына досадовал скорее, а не огорчался. И чем больше сын говорил, тем отец едва не до слёз досадовал. Ну совсем другая жизнь могла бы быть у этого милого мальчика, мальчика красивого – ведь он на Лиду похож, в которую Паша влюбился и робко признался ей, девочке из соседнего двора. Она, как красивым избалованным девочкам полагается, фыркнула, тряхнула волосами, которые летом выгорали до цвета спелой ржи, и пошла, неумело виляя задом, подражая старшим девочкам, бывалым барышням, зная, что он смотрит вслед. Виляла, чтобы ещё больше очаровать этой своей влекущей женственностью. И очаровала ещё больше, это да.

Павла забрали в морфлот – три года службы. Он, конечно, и не надеялся, что Лида писать ему будет. Тем более, ждать. Она с ним не дружила, не встречалась. Но всё-таки послал письмо, через сестру. Просил Лиде передать, чтобы уверенным быть, что адресату в руки попало. Сестра передала, но Лида не ответила.

А когда Павел на побывку приехал, то Лида, которую он случайно встретил в тот же день, сама первой поздоровалась. Вечером позвонила ему. Он, как опшаренный, из дома выскочил, когда она позвала погулять. На второй день проводил её, а она в квартиру пустила. Её родители в деревню уехали... Павел самым счастливым на свете был в эти оставшиеся до конца «побывки» дни. Чуть в дезертира не превратился – так не хотел от своей Лиды уезжать. Да ещё почти полтора года служить!

Когда она написала, что беременна, Павел растерялся и обрадовался: сейчас-то она точно за него замуж выйдет. Жениться его не отпустили. Потому что в плавании были. Но вернулся из армии – женился. Сын, Гришуля, как его стал называть, уже с зубками папу встретил. Его милый мальчик, фотография которого у Павла всегда с собой была. Он у ребят и кличку получил – папа по-флотски. У него единственного в команде, кроме офицеров, конечно, ребёнок. Папа по-флотски.

Ушёл в армию – Лида родила. Прибыл – на Лиде женился. А она какая-то нервная всё время. Всем недовольна. Живёт у своих. Хотя родители Павла к

себе её сразу звали, как узнали, что беременная. Павел очень не хотел в примаки идти, тем более, тёща на него с досадой смотрела. Для своей Лидусюси она, завзалом ресторана, не такую партию задумывала. Но как бы смирялась. И Павел много времени у своих проводил, Лиду уговаривал к ним перейти. Та – ни в какую. Не очень правильно это: она – у своих, он – у своих в основном, только ночевать в дом жены приходит.

Павел хотел в институт поступать. Лида взвилась: а кто будет семью содержать? К матери в ресторан официантом устроишься. Она тебе как завзалом лучшие столики будет выделять. А Павел представить не мог, что он, морской волк, будет половым, человеком из ресторана, с подносом бегать, пьяным угождать. Не хватало этого! Он Лиде говорил, мол, на заочный можно, а пока – на заводе, вон – проходная напротив дома. Жена ему: хочешь там студенток лапать?

С чего взяла? Он её так любил! Вот что значит – свет клином сошёлся. Никого, ничего не надо – только Лида. А она всё какая-то нервная, недовольная. Устаёт с ребёнком, конечно. Но сколько он ни уговаривал, ни убеждал, что если переедут к его родителям, то все помогать будут: и мама, и бабушка, и сестра, – Лида – ни в какую!

А через полгода заявила: ты мне чужой человек, мы – чужие люди. Ты там, на флоте своё гулял. Моряки в разных портах гуляют... От кого нахваталась – чужие люди? Если ребёнок – какие чужие люди? И как военный моряк может по портам гулять? Такие строгости от начальства! Да и в зарубежных портах кто с бедным моряком загуляет, даже если бы замполит сказал, мол, гуляйте, матросы, на здоровье, с чуждым развращённым элементом.

Павел ушёл к своим – просто немоте стало в примаках жить, изводили: тёща пилит, жена фыркает, к себе не подпускает, тещь-подкаблучник только тем и помогает, что зовёт, мол, пойдём выпьем. Павел уехал к тётке в Магадан. Не хотел не то, что в соседнем доме с Лидой жить, а даже в одном городе. Ему казалось, что у той кто-то есть, и он представить не мог, что увидит жену с чужим человеком. Он так любил Лиду!

Тётка в Магадан после школы отправилась, по комсомольской линии. Да так и осталась. И Павел – так и остался. Его родители скоро переехали со старой квартиры – от завода получили в качестве улучшения жилищных условий, и о своём сыне Павел почти ничего не слышал. Лида вскоре после того, как они разбежались, не разведясь при этом, стала с каким-то мужиком жить и заявила, что у Гриши – новый отец. Его не надо нервировать рассказами ещё о каком-то папе. Он маленький, пусть у него будет один папа.

На разводе не настаивала. А деньги на содержание сына велела присылать почтовыми переводами на главпочтамт. Павлу было неловко развод требовать, если она этого не хочет. Может, одумается. Он её любил. Первая обида от того, что его выгнали, прошла. И когда вспоминал своего милого мальчика, его пухленькие ручки в складочках, словно перевязанные верёвочками, то очень тосковал. Зарабатывал хорошо, на помощи сыну не экономил. Тётка, оставшаяся одна после того, как дочь уехала в Норильск, а муж умер, не жалела для Павлика ничего и настояла, чтобы тот не заочно, а очно учился, перевёлся на дневное отделение. Помогала ему даже с денежными переводами сыну. А Павел и сам подрабатывал. Чертежи делал на заказ, разнорабочим трубил по вечерам. И у него к окончанию института была отличная практика и героическая характеристика.

Он даже жениться не мог – он же не разведён. На письма, посылаемые на главпочтамт, Лида не отвечала. Но обратно они не приходили. Значит, она их забирала. С родителями своими она разъехалась, новый адрес её он не знал. Никаких координат. Через милицию ему разводиться не хотелось. Неприятно было. В том смысле, что он не может найти жену, чтобы расстаться официально. Один раз как-то она ему ответила. Тогда он её позвал в Магадан, мол, любит, здесь хорошо, красиво. Она писала, что устроилась в буфет при железнодорожном вокзале, и это место только дура может бросить и уехать к чёрту на кулички. За такие места зубами держатся. Она почему-то приписала ещё, что как дураком был, так дураком и остался. Он даже видел, какое у неё было выражение лица, когда она это писала – презрительно-важное. С Павлом она всегда вела себя, как красивая избалованная девочка. А он и такую любил.

Семью завёл на последнем курсе института. Таня тоже оканчивала вуз – Тюменский медицинский, приезжала в Магадан к бабушке. На танцах в ДК познакомились. Переехала потом в Магадан – распределение сюда взяла. Сошлись, в те годы это вообще небывало: он – в браке с одной женщиной, а живёт без регистрации с другой. Дочь родилась. Но Таня была такая отличная девчонка, что ни на чём не настаивала: живём дружно – и хорошо. Но всё-таки заочно Павел развёлся, когда вторая дочь родилась и он стал директором прииска. Мало того, что квартиру давали на семью, а он как бы тут жил официально без семьи, потому ему, даже директору, только однокомнатная полагалась, и им приходилось снимать жильё – в прекрасном доме сталинской постройки на улице Ленина. Но к тому же жена сказала: не дай Бог, что случится. Ведь твоими наследниками будут эта Лида-гнида (так первый раз её назвала) и сын. А мы – ни при чём. Развели. Но деньги он продолжал посылать сыну щедро. Таня это даже поощряла, говорила, что ребёнок за мать не отвечает.

И когда они с Таней заключили брак, им дали прекрасную квартиру тоже в шикарном доме, где у них в соседях были люди, отсидевшие срок, но не уехавшие на Большую землю. Удивительно. А какой тут был театр! Культурное пространство бурлило. Они считали Магадан культурной столицей Советского Союза, такая тут была насыщенная жизнь!

Сколько Павел ни просил, Лида ни разу не прислала фото сына. Отправлял ей свои фотографии, чтобы показывала Грише. Но едва ли она это делала. А после того, как развелись официально, она, видимо, фамилию сменила. Потому что даже через адресное бюро он не мог её найти. Вернее, он хотел найти Гришу, когда тому исполнилось 18, и как человека, получившего паспорт, позвать к себе. Сказать, что у него есть семья – отец и сёстры, что он может во всём рассчитывать на отца. Не удалось.

И вот приехал его Гриша. Беззубый мальчик, его любимый сын, и зло говорит, что ненавидит Павла, ненавидит его беззаботную сытую жизнь. Павел понимал, что приехать сюда того заставило что-то важное: судя по его виду, материальное благосостояние у него таково, что найти денег на поездку в Челябинск, куда перебрался Павел с семьёй, было нелегко. Да, причина, заставившая сына разыскать отца, серьёзная: у Гриши рак 4-й стадии. Мать умерла два года назад опустившейся женщиной. Она ненавидела Павла, в своей неудавшейся жизни винила его, что бросил её с ребёнком, а она ведь, как дура, ждала из армии. Не помогал, а ей гордость не позволяла подавать на алименты. Да и не хотела портить ему карьеру ярлыком «алиментщик». И ведь ни разу не поинтересовался, как там его кровиночка.

Муж матери, которого Гриша считал своим отцом, был алкоголиком, пристрастил и его к рюмке, Гриша с 16 лет прикладывался: мать приносила из буфета и оставшиеся бутерброды, и початые бутылки. Об учёбе в институте, когда Гриша вернулся из армии, и речи не шло: иди работай, помогай родителям. Так заявил папа-Серёжа, мол, кормлю тебя, чужого рта, работай, а не сиди на шее.

Гриша спросил у матери, мол, он мне не отец, что ли? Чего он говорит, что чужого рта кормит? Ведь в метрике он отцом записан. Та сначала сказала: да он пьяный, чего ты слушаешь? Мужики всегда сомневаются, они ли отцы. Но потом как-то, уже когда папа Серёжа умер, стала жаловаться на свою загубленную жизнь. Вот и рассказала, как её с малым дитём на руках покинул этот негодяй, который только и делал, что гулял по разным бабам. Но кто он, этот негодяй, не говорила.

Так и жили в маленькой «двушке», которую выменяли после разъезда с дедом и бабкой. После смерти матери Гриша нашёл своё настоящее свидетельство о рождении, где было указано имя родного отца. Имя редкое – Павел Платонович Снегопадов. Павел гордился фамилией: дед, подкидыш, получил её в детдоме. Нашли того у дверей приюта в снегопад, вот тебе и Снегопадов.

Гриша нашёл и отцовское письмо с обратным адресом из Челябинска. Мать зачем-то хранила. Любопытства ради Гриша порыскал в интернете, нашёл в Челябинске директора и владельца завода... И такое зло взяло! А уж когда прочитал интервью, где тот сказал, что у него трое детей, но, к сожалению, с матерью его сына развёлся, понял: точно эта тварь – его папаша. Вот фотография девок, его сестриц, получается, этакие принцессы на всём готовом. А у него, Гришки, опухоль, метастазы пошли.

Он продал огород, доставшийся от бабки, купил билет и приехал, чтобы всё высказать этому папаше. Но по адресу на найденном письме – дом, огороженный забором, охранник сказал, что Павел Платонович здесь почти не бывает, живёт на даче. Где? Даже если бы и знал, не сказал. Вот Гриша и отправился караулить к офису предприятия – к заводоуправлению. Узнал папаню по фотографии из того интервью.

Павел не перебивал, слушал. Когда Гриша закончил, спросил:

– Где ты остановился?

– Нигде. У меня обратный билет с фиксированной датой, в аэропорту переночую, через два дня улечу. Думал, что искать тебя дольше придётся, товарищ директор.

– Не шути, не смешно. Домой я тебя не приглашаю. Пока. Отвезу в нашу гостиницу. У нас ведомственная есть. Там поживёшь. О билете не беспокойся. Улетишь. Насколько понимаю, трудовыми обязательствами ты не связан ни с кем, прогулы тебе не грозят?

– Что, у себя предложишь попахать?

– Нет, не предложу, у нас современное производство. Требуется образование.

– Да мне осталось с полгода попыхтеть, а потом в муках подохнуть, так что необразованным умру. Мы университетов не кончали.

– Опять не смешно.

– А я тебе не клоун, чтобы смешить, – огрызнулся Гриша.

– Ну вот и не веди себя, как клоун, – одёрнул Павел.

Им не о чем было говорить. Но отец был так спокоен и солиден, что ненависть Гриши поутихла. Отец оставил Гришу в кабинете, вышел. Вернулся

через час, а за это время секретарша организовала обед: в кабинет вошёл вышколенный официант, стал прислуживать обедающему, чем смутил того.

Отец отвёз его в гостиницу. Спросил, надо ли ему купить одежду или дать денег, чтобы сам выбрал. Но предложил это тактично, как бы боясь подчеркнуть убогость Гришиного одеяния, что особенно ощущалось именно сейчас, в этом роскошном кабинете. Поначалу Гриша огрызнулся, мол, тебе за сына стыдно? Не по рангу одет? Вот здесь отец рыкнул на него: ты не барышня, чтобы капризничать. Привёз в гостиницу. Оставил деньги на столе, дал телефон, где уже были забиты номера его и водителя, который должен был повезти Гришу в город и помочь ему ориентироваться. Отец, видимо, боялся, что сын напьётся, попадёт в неприятность, и потому водитель – здоровенный парень, ходил с ним везде, помог выбрать одежду, в кино посидели. Потом отвёз в гостиницу.

Павел пришёл домой и закрылся в кабинете. Татьяна ничего не спрашивала, она привыкла, что муж, если надо, всё сам расскажет. И спать лёг тоже в кабинете. Жена не вытерпела, спросила, чего, мол? Он сказал – утром узнаешь, ничего страшного, не беспокойся. А сам думал, что он бы принял в семью этого беззубого ребёнка. Он прекрасно понял, почему Лида наговаривала сыну и не рассказывала, кто его отец: чтобы тот не разыскал отца и не узнал, что не было никаких измен, что всю жизнь он посылал деньги, на которые, видимо, жил и этот новоявленный папаша – алкоголик, спивший его милого мальчика.

А ведь он безумно любил Лиду. Он даже Туську свою, как он ласково звал жену, так не любил. Не было этого трепета, как от первого чувства, от неуверенности в своей мужественности. С Туськой он уже бывалым мужичком познакомился, уверенным в себе, девчонки сами за ним бегали. Он очень привязан к жене и очень благодарен ей за идеальную свою семью. Это она сделала всё, чтобы семья была такой хорошей. Сам он – с ворохом недостатков, несовершенств, излишества нехорошие себе позволял чаще, чем любой жене хотелось бы. Не дар небес, чего тут греха таить. Жена ни разу его ни в чём не упрекнула, ни разу не сорвалась на крик, угрозы, всё переживала молча. Подарок, а не жена. Но Лиду он любил единственной первой любовью.

Кому что доказала? Кого наказала? Сына. Павел всё-таки прожил хорошую жизнь, а Гриша? Совсем другая судьба была бы у того, совсем другая!

Павел не дождался утра, зашёл в спальню, жена не спала, включила ночник, села на кровати:

– Чего, Паш?

– Пойдём на кухню.

Они спустились, оба в халатах, Павел достал вино, налил себе и Татьяне, выпалил:

– Гриша приехал.

– Как хорошо! Так чего ты мрачный? Я уж не знала, на что подумать, решила – на работе что произошло. Паш, ну ты циркач! Его сын разыскал, а он тучей ходит.

На кухню пришла Ириша, младшая, студентка ещё:

– Чего вы, полуночники, совет в Филях устроили?

Родители переглянулись. Павел хотел как-то подготовить дочерей и не знал, сказать сейчас или утра дожждаться. Татьяна взяла инициативу:

– Брат твой нас разыскал, приехал.

– Здорово! А где он?

– В гостинице нашей, – ответил Павел.

– Пап, с ума, что ли, сошёл? Места у нас мало? Жлобы в шоколаде.

– Он пока стесняется, – оправдался Павел, обрадовавшись, что домашние так встретили известие о явлении родственника. – Завтра придёт. Правда, он немного в другой среде рос, своеобразный парень, надо будет привыкнуть.

– Уж чем-чем, а своеобразием и мы можем поразить людское воображение, – при этих словах Ирка нацепила на голову пустую соломенную хлебницу.

Все рассмеялись, родители допили вино и отправились спать. Павел рассказал жене, почему сын приехал именно сейчас. Татьяна обнадёжила: надо лечить. Не паникуй.

Жена успокоила Павла, она молодец у него. Когда у него дела хорошо пошли, ни за что не согласилась уйти с работы и дома сидеть, взяла кредит, зарегистрировала частную практику по своему профилю – окулист, и сделала себе имя. Доходов особых клиника не приносила, а Татьяне они и не особенно нужны, важнее заниматься своим делом и не зависеть от чьих-то приказов или прихотей. Она была в курсе всей врачебной жизни в городе, поэтому уже к утру расписала, куда надо повезти Гришу, к кому устроить, что делать.

– Паша, ты учти – если у него действительно заболевание в такой стадии, то он страдает от болей, а это делает человека очень раздражительным. Учти.

Павел позвонил водителю, которого прикрепил к Грише, попросил:

– Привози его к нам на дачу.

Следом позвонил сыну, тот долго трубку не брал, ответил сонным голосом: – Чего? Кто?

Павел замешкался, хотел сказать «я», но сказал: «Это папа».

Пауза затянулась. Всё-таки надо и дальше разговор вести. Поэтому Павел сообщил:

– Сейчас Сергей за тобой заедет и к нам привезёт. Вещи забирай. У нас будешь жить, – и добавил: – Если не возражаешь.

Павел на себя раздражался. Он не любил себя виноватым чувствовать или ощущать, что он кому-то что-то должен. А тут – словно виноват. Но он не виноват! Это перед ним виноваты. Правда, не сын. Тот, наверное, почувствовал неловкость, которую испытывал отец, и сказал:

– Да не суетись ты. Мне от тебя не надо ничего. Жил без тебя и сестриц, уж пару месяцев как-нибудь дотяну, – и положил трубку.

Павел сначала психанул, но совладал с собой. Хорошо – Татьяна предупредила, что сыну сейчас просто очень больно. И сам поехал в гостиницу. Гриша ещё лежал в кровати, и когда на стук открыл дверь, то стоял, закутавшись в одеяло.

Павел прошёл, сел на диван, не знал, с чего начать разговор. Всё равно будет звучать как оправданье. А в этой ситуации рассказать правду об умершей Лиде как-то даже подло может показаться. Но и не рассказать, как дело было, он не может. Удалось уговорить Гришу к нему поехать. Тот сначала взялся за новую рубашку и костюм, но потом раздражённо бросил эту одежду на стул и надел то, в чём приехал. Павел не вмешивался – пусть одевается, как хочет.

Слава Богу, и жена, и дочь виду не подали, что несколько шокированы беззубым стариком в поношенной одежде. И по-женски сумели его и разговаривать, и помогли в комнате обустроиться, которую для него приготовили. Павел ушёл на работу, а вечером жена и дочь позвонили: заказали столик в рыбном ресторане, идём всей семьёй. Павел заметил, что Гриша ещё более

подавлен, чем утром. Но всё-таки общался, особенно с Татьяной они нашли общий язык. Когда официант пригласил выбрать десерт, к витрине направились Гриша с Ирой. Тут Татьяна успела скороговоркой поведать, что она Грише просто показала квитанции за переводы, которые отправлял Павел: она по совету своей матери их хранила, ведь официально алименты Павел не платил, так что мама научила – на всякий случай. На Гришу это подействовало очень. Татьяне показалось, что ему за себя неловко стало. Ведь отец ему деньги отсылал до кончины Лиды, как оказалось: когда последние три перевода вернулись, Павел подумал, что, может, они отказываются от помощи. В голову даже не пришло, что получательница умерла.

Чуда не случилось. Гришу удалось уговорить остаться в Челябинске, но он даже обследоваться не хотел – не хотел лечиться: метастазы уже пошли у него по всему организму, он знал, что не поможет ничто. И пока был у отца, ни разу не улыбнулся. Павел думал, может, тогда, маленьким мальчиком, сын наulyбался на всю жизнь?

Павел мог дать сыну всё, кроме здоровья. Его действительно не купишь. Можно купить вкусную еду, но у Гриши не было аппетита, его всё время тошнило. Можно было купить хорошую одежду, но он никуда не ходил и на свой внешний вид перестал обращать внимание. Он когда-то мечтал о хорошем автомобиле, у него со времён службы в армии и права были, и год он даже водителем работал, но сейчас у него то и дело кружилась голова, и ему нельзя было находиться за рулём. Повлиять на Гришу, уговорить его пройти обследование и лечение не могли ни убедительные доводы тётки Туси, ни мужские, до грубости, разговоры отца, считавшего, что сын продолжает ему таким образом мстить: ведь невыносимо думать, что ты ничего не делаешь для своего умирающего сына.

Однако повлияла Ира. Она сблизилась с братом, доверяла ему свои переживания, советовалась. Этот побитый жизнью молодой мужчина очень многое повидал и пережил. Он меньше говорил, больше слушал. С ним никто так не делился личным, никто не просил советов. Никто не поверял ему тайны. В порыве откровенности Ирка сказала, что даже не мечтала о старшем брате, о котором вообще-то в семье знали, но не знали, где он и что с ним, и вдруг он – готовый свалился, чему она рада и чем горда. Попросила как-то встретиться её из института – пусть видят, что у неё есть брат. Кокетничала, что когда выйдет замуж и родит, то у детей будет не только тётя, но и дядя. Ни он, ни родители не сказали ни ей, ни старшей Варе, живущей со своей семьёй отдельно, о его обречённости.

Гриша подумал, что его уход будет для девчонки горем настоящим, да и сам хотел ещё продлить это общение с сестрой. Настоящая радость – эти простые разговоры и трогательное хранение её тайн. Понял, что надо вид иметь приличный, чтобы сестре не было за него стыдно. Купил нормальную одежду, начал лечение. Оно не отвратит смерть, но отодвинет её. Даже пытался на работу устроиться.

Он приехал, чтобы сказать отцу, как ненавидит того, но только здесь, у отца и его семьи его так искренне полюбили и по-настоящему, по-родному жалели. И ему грело душу то, что его уход оплачат сёстры, отец и тётя Туся.

На похоронах Гриши Ира потеряла сознание – так она успела полюбить этого беззубого старика, своего брата, о котором знала всю жизнь, но узнала совсем недавно и привязалась к нему живой – сестринской – нитью.

ПОЭЗИЯ

Светлана ГОРОШИЛОВА

СВЕТЛАНА ГОРОШИЛОВА

Светлана Борисовна Горошилова – родилась в Заполярье на Полярной станции. По образованию – технарь, по складу души – поэт. Автор двух поэтических книг «Верю» и «Полёта память». Победитель конкурсов «О чести, доблести и славе» (2002) и «Русь Православная» (2013). Член Союза писателей России. Художник. Член Международного Художественного Фонда и Международной Федерации Акварелистов.

Живёт в Москве.

«Любить и верить мы пришли на землю...»

Сердце и разум

Любить и верить мы пришли на землю,
А разум спит и грезит наяву,
Но сердце, в слепоте соблазнам внемля,
Любовь и веру держит «на плаву».

Молюсь, чтоб эта ноша уцелела,
Чтоб разуму прозреть было дано.
Добро и зло в борьбе до беспредела,
И я не знаю, что нам суждено.

О чём молчит Господь, кого он любит?
Того не скажет неба синева.
Словами лечат и словами губят,
Но кто подскажет мудрые слова?

Обвиты головы враньём и смрадом,
Алчба и спесь в агонии зашлись.
Молюсь, чтоб наша жизнь не стала адом,
Чтоб сердце с разумом переплелись.

Снежные метели отзвучали,
И морозы укротили страсти.
Мне оставив что-то от печали,
Стылый воздух мысли мои застит.

И быстрее хочется укрыться,
Словно с оголёнными плечами
В никуда бегу. Всё это снится
Страшно одинокими ночами.

Что за бестолковая тревога,
В чём души неясная потреба?..
Хороводятся Земля и Небо
В красоте, дарованной от Бога.

Распыляют звуки из Вселенной,
Запахи весны опережая,
Неземною музыкой нетленной
И меня к молитве приближая.

Прелюдия весны

А не пора ли нам позвать Весну?
За городом вольней её аукать.
Но прежде Зиму надо убаюкать,
Уговорив пожаловать ко сну.

Отдать поклон за белые снега,
За жар мороза, дерзкие метели.
Но – приглядитесь – как уже капли
Настраивают ручейки в бега.

И воробьи, облюбовав кусты,
На веточки развешивают ноты.
Земля коренья будит от дремоты,
Расшевелив опадины листвы.

А солнце – вы прислушайтесь – поёт!
И пляшут лучики его по лужам.
И нам, родные, гомон жизни нужен,
Как свет надежды, как души полёт.

Вглядеться в явь рождений, а не в сны:
Любовно гладит землю лёгкий ветер,
И воздух чист, простор небесный светел.
И это всё – прелюдия Весны!

Подруге

Не гаси за улыбками взгляд.
Жизнь порою глупа и горласта.
Время терпит на грани балласта,
У него тишина есть и лад.

Есть прекрасное чудо дорог,
 Что морщинки на сердце разгладит,
 Спор за первенство счастья уладит.
 А начало – и есть твой порог.

Давай поедem куда-нибудь,
 Где будет много живого света,
 Туда, где радость в весну одета,
 Чтобы от города отдохнуть.

Забыть на время дела, года,
 Отринуть в прошлое все печали,
 Тогда обиды придут едва ли,
 А право радости – навсегда.

Поближе к соснам наметим путь,
 Пусть независимой будет дата,
 Душа на воле всегда крылата,
 Слагая музыку, дышит грудь.

А руки? Требуют руки кисть,
 Глаза – влюбиться в живые краски.
 Так городские отбросим маски,
 Пусть наши души познают высь!

Всё музыка в природе

Мир русский дышит лесом и травой,
 Разливом рек, бескрайностью дороги.
 Он вдаль ведёт – привольный и живой,
 Постигнуть силу радости, тревоги.

Всё музыка в природе, всё поёт,
 Свободен вход у здешних «филармоний».
 И счастлив тот, кого к себе зовёт
 Премудрый лес – соавтор всех симфоний.

Не надыхаться радостью! Но вот
 Из сказки в явь, без вычурного лоска,
 По воздуху лебедушкой плывёт
 В соседней рожице «ансамбль» берёзка...

У музыки природы свой настрой,
 Не счесть её напевов и мелодий.
 Не мы – она впустила на постой,
 А мы – её аплодисменты вроде.

Всё это быль, моя Россия здесь.
 Душою вобрала её породу.
 Когда она – моя благая весть,
 Пустое дело злиться на погоду.

На родине – при тучах свету быть,
 Мы не для зла на этот свет явились.
 Кому же, как не нам, добро творить,
 Свою природу холить и любить,
 Ведь где родились, там и пригодились.

А мне вот – колоски её полей
 Подарены узорами на блузке..
 Но счастье в том, что нет земли родней,
 Где я живу и думаю по-русски!

Рассказы

Случай на дороге

Здравствуйте, меня зовут Александр Суханкин, я канадский иммигрант. Приехал в Торонто из Алма-Аты и живу здесь уже семь лет. За это время я сократил своё имя до Алекса, нашёл более или менее стабильную работу по своей компьютерной специальности, купил в кредит дом, и от меня ушла жена. Жена ушла не к мужику, а к бабе. Здесь она вдруг поняла, что любит женщин.

11-летняя Маруська, наша дочь, разумеется, живёт со мной. Вот я написал «разумеется», но на самом деле вовсе и не разумеется. В Канаде гомосексуальным парам детей дают воспитывать с гордостью, фото таких семей печатают на первых страницах газет. Но, к моему счастью, бывшая супруга с её подружкой растить Марусю не возжелали и удовлетворились тем, что моя дочь будет посещать их по выходным. Я бы, конечно, и это запретил, но если я только посмею не пустить Машку к матери, ко мне придут двое, с конвоем. Оденься, скажут мне, и выходи.

И тогда Машку отдадут матери насовсем, поскольку я – нарушитель прав женщины и гомофоб. А ничто в Канаде не является для её граждан более мерзким. Каждый приехавший должен зарубить себе на носу, что в стране этой уважать он обязан женщин, гомосексуалистов, полисменов и бобров с гусями – символы Канады.

Поэтому каждые выходные я отпускаю Маруську к жене с неопишуемым чувством. Во мне кипят ненависть, стыд и страх. Страх, что дочка увидит что-то непотребное, что... в общем, вы понимаете, что в итоге я останусь без внуков. Да и без дочки.

И тогда я буду совсем один. Я часто думаю об этом. Дочь – единственное, что у меня есть.

А женщины, спросите вы. А женщин у меня нет. Когда работал на стройке и ездил на подержанной машине, к женщинам подходить было бесполезно. Сейчас не шарахаются, но теперь

Эвелина Шамильевна Азаева – родилась в 1970 г. в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 г. жила в Новосибирске. Работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири. Является лауреатом премии КП «Лучший дебют», номинировалась на звание лучшего собкора. С 1998 г. живёт в Канаде. 14 лет издавала газету «Комсомольская правда в Канаде». Является корреспондентом КП в этой стране. С 2018 г. издаёт газету на английском языке. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде – «А хочешь в Канаду?» и «Полное накрытие». Печаталась в журналах «Нева», «Аврора», «Огни Кузбасса», «Крым», «Байкал». Дипломант 1 степени лит. конкурса «Мгинские мосты» (Петербург-2021). Член Новосибирского отделения Союза писателей России.

Живёт в Торонто (Канада).

шарахаюсь я. Последнее моё знакомство зовут Ольга, она тоже иммигрантка. Едем мы с ней в первую нашу встречу в моей машине, она в солнцезащитных очках. Я ей: «Какие у тебя очки красивые!». Она: «Хочешь продать? Всего 75 долларов». И тут же начала мне пропихивать, наряду с очками, какие-то пищевые добавки и фильтры для воды.

Я даже и не знаю, есть ли здесь женщины, в мозгах которых не наступает замыкание, как только они понимают, что я не только сексуальный партнёр, но и потенциальный покупатель. А ведь я не уродлив, мне всего 35, и в Алма-Ате я женщинам нравился.

Я уже и не сужу их, канадских женщин. Система заглотнула их с каблучками, и даже наши иммигрантки, кто быстрее, а кто медленнее, перестраиваются. Однажды одна случайная знакомая привела меня в пустую квартиру и отдалась. Я думал, это любовь. Я трепетал, я чуть не плакал. А она, после всего, спросила, обведя красивыми глазами комнату: «Тебе здесь нравится?» И в ответ на мой неосмысленный, совершенный в состоянии аффекта кивок, добавила: «Хочешь купить?»

Оказалось, риэлтор. И это квартира на продажу. Хозяева – в Штатах.

Я думал, это любовь, а это был «шоуинг».

Маруська в этом году пошла в новую, католическую, школу. Эти школы лучше, и я долго обивал пороги, чтобы туда приняли мою дочь. А мне в ответ говорили: «Нельзя, вы православные». А я им указывал на то, что у них учатся дети моих друзей – прихожан Украинской Православной Церкви. А мне говорили: «Да, потому что украинцы с нами сотрудничают, а русские – нет».

В итоге, через школьное управление и с помощью благотворительной католической организации, которая помогает всем, независимо от конфессиональной принадлежности, Марию всё-таки приняли. Одной её подружкой в классе стала еврейская девочка, а второй – иранка. Но я не стал спрашивать, сотрудничают ли раввины и имамы с католиками больше, чем православные. Радость – она молчалива, это недовольство кричит.

Раньше Машка училась в обычной государственной школе. И у неё были проблемы. Одна, например, возникла после того, как учительница сказала на уроке: «Все католические страны – богатые. А все православные – бедные». Маруся сообщила, что Россия до революции была одной из самых богатых стран, да и после революции превратилась в могущественную державу, а сейчас снова набирает обороты, даже флаг в Арктике поставила.

Этого делать было не нужно. Особенно про Арктику. Оценки у моей Мери упали. Потом мы съездили с Машкой на Кубу, оба были в восторге, и, естественно, что когда мы вернулись и в школе ей задали написать реферат про любую страну, она выбрала Кубу. Накатала десять страниц, на обложку приклеила фото Фиделя Кастро, Че Гевары, и нарисовала кубинский флаг.

Реферат вернулся с самой плохой оценкой.

А вскоре на Машку вызвали полицию за то, что она якобы сексуально приставала к однокласснице. Это выразилось в том, что девчонки повздорили в туалете, и моя со злости оттянула резинку на трусах у неприятной ей особы и отпустила. Вообще, оттянуть резинку у канадской девочки нетрудно – стринги у них выглядывают из джинсов, мода такая. Та пошла к директору и сказала, что Мария пыталась снять с неё трусы. Директор вызвал полицию...

Как нас запугивали полицейские – это не описать.
И мы перешли в другую школу.

Это было четвертого сентября, в первый школьный день. Марусю обещали забрать в школу на школьном автобусе. Она поднялась ни свет ни заря, нарядилась – белый верх, тёмно-зелёный низ, форма такая, – и стала ждать, пока проснусь я. Потом торопила, потом побежала впереди меня к перекрёстку, где должен был ждать автобус. Я смотрел на дочь и думал: как всё-таки славно устроены дети – у меня её школа оставила горький осадок, а она уже за лето всё забыла.

Автобус не пришёл. Мы простояли двадцать минут и поняли, что пора ехать своим ходом, иначе опоздаем. Машка страшно волновалась – в новую школу, в первый день, и опоздать! Только мы выехали из своего переулка, как ко мне сзади пристроилась полицейская машина. Мигает...

– Вы превысили скорость, – сообщила мне похожая на бульдозер полицейская. Она была в бронежилете и тёмных очках – совсем как в боевиках. – Ваши права!

Она разглядывала права, а я разглядывал её в зеркальце заднего вида. Типичная канадская ментура. По внешности их выбирают, что ли? Коренастая, твёрдо стоящая на ногах, этакий мустанг. Волосы – светлые, забранные в пучок. Сняла очки. Глаза – светлые. Они в большинстве своём голубоглазые, эти полисвумен.

Знакомые, сталкивавшиеся с канадской полицией по всякого рода мелким делам – кто-то выгнал неплатящего квартиранта, другой совершил мелкую аварию – говорят, что полиция ведёт себя жёстко. Подозревают, что из нелюбви к русским. Но доказательств нет, напрямую никто ничего не говорит. А взгляды и тон к делу не подошьёшь. Коллега-араб говорит, что с ним обращались вообще как с животным. Вернее, хуже, чем с животным – к животным в Канаде отношение любовное. Так что, может быть, полиция вообще со всеми такая сволочная, а может, только с иммигрантами, и не важно из какой страны...

– Ну когда же нас отпустят? – нервничает Маруська. Я и сам уже тарабаню пальцами по рулю. Опоздаваем. Уж выписала бы Мустанг штраф и отпустила.

А она пишет и по рации разговаривает. Выйти к ней и попросить отпустить нас быстрее – нельзя. Положено оставаться за рулём, а то могут принять за нападение. И начать стрелять. Случаи уже были. Когда стреляли, скажем, в семнадцатилетнего мальчишку, начавшего вытаскивать руки из карманов. Полицейскому показалось, что тот вынимает оружие, и пацана убили. Потом какая-то газета опубликовала число убитых полицией за последние десять лет – три тысячи человек. Внутреннее расследование показало, что полиция была неправа только в семи случаях...

– Ну хоть бы по ногам стреляли! – возмущалась тогда жена моего приятеля.

– По ногам нельзя – выживший потом полицейского засудит, потому бьют наверняка, – объяснял ей муж.

– Ну тогда должны делать контрольный выстрел! – смеялся я.

– Мне опоздание запишут! – Машка расстроена, чуть не плачет.

Выхожу из машины, руки держу чуть в стороны, как балерина, чтобы было видно, что в них ничего. Иду к Мустангу. Походка у меня при этом не смелая, а спина – согнутая. Так, наверное, крепостные к барину подходили.

– А можно я отвезу дочь в школу и вернусь? Это рядом, а то мы опоздаем, – прошу.

– Езжайте, – отвечает Мустанг. – Встретимся здесь же.

Я отвёз Марию в школу, она выскочила и побежала к входу. Увы, мне уже не познакомиться с учителем, не помочь Маруське найти, где её новый класс. Меня дама ждёт.

Мустанг меня верно ждала. Она вручила мне «тикет» – бумажку о штрафе. Я не спорил. Потому, что бесполезно. Этим можно только усугубить ситуацию. Я хоть и взволнован, но помню, что бобров и полицию надо уважать.

Когда полицейская машина уехала, я посмотрел в «тикет». Там было написано, что я ехал со скоростью 60 км/час по улице, где положено ехать со скоростью 40 км/час. Это было неправдой. Я ехал по улице, на которой движение – 60 км/час. Название улицы тоже было указано неправильно. Я решил идти в суд и оспаривать штраф.

И тут я увидел, что и время, в которое меня остановили, тоже указано неправильно. Там стоит 9:22, а сейчас ещё 8:40. Сообразил, что в суде придётся доказывать, на какой именно улице дело было, а доказательств нет, но мне больше поверят, если я докажу, что и время указано неправильно.

Недалеко от моего дома – офис министерства транспорта. Я поехал туда. Должен успеть. Они увидят, что я в 9 часов у них, значит остановить в 9:22 меня никак не могли, значит они могут на штрафной квитанции написать, что я у них нахожусь в 9 утра уже со штрафом. Стало быть, офицер написала неправду. А там, где одна неправда, там и две... Так я рассуждал по своей русской логике.

В офисе министерства транспорта очередь. Я отстоял к окошечку, в котором сидел пузатый, будто надутый воздухом, блондин моего возраста.

– Мы таких справок не даём! – сообщил.

– Но вы видите, что я у вас, а ещё нет 9 утра, а офицер написала, что я ехал в 9:22 с неположенной скоростью, – объясняю. – Если вы подтвердите, мне легче будет доказать, что и улицу офицер неправильно указала, и вообще зря на меня штраф навесила. Тут дело не в деньгах, просто, зачем обманывать?

– А откуда вы знаете, какое время указано на «тикете»? – нагнулся ко мне Пузырь. – Может, это московское время?

Я застыл.

– Может, это московское время, а может, нью-йоркское, а может, парижское, – вертелся на стуле служащий, и по выражению его лица я так и не мог определить шутит он или всерьёз.

– По торонтскому времени, – наконец, проронил я изумлённо.

Он расхохотался.

– Не факт. Может быть, всё-таки время московское, так что платите штраф.

Старичок в очереди тоже рассмеялся.

– Это вы мне про московское время, потому, что я русский? – догадался я. Пузырь смотрел с насмешкой.

– Вам нравится унижать иммигрантов, да? – произнёс я громко. Очередь оглянулась на меня, но я уже не видел лиц. Я вышел и направился к своей машине. Лицо моё пылало. Мелькнула мысль об отъезде домой, но дома не было, и я знал, что никуда я не поеду. В Алма-Ату не вернёшься, русские там, когда я уезжал, в девяностые, были людьми второго сорта, а второго сорта я могу быть и здесь. В Россию ехать? У меня нет гражданства, да и жена не даст разрешения на вывоз ребёнка. А без разрешения на самолёт не посадят.

На пути домой я увидел машину Мустанга. Увидел её внезапно, потому резко затормозил. Я хотел спросить у неё, зачем она написала не ту улицу, не то время и не ту скорость.

Я вышел из машины и направился к офицеру. Я был во власти своей обиды, может быть, слишком резко захлопнул дверцу. Я заметил, как Мустанг в машине вскинула голову на этот звук.

– Стоять! – скомандовала.

Я остановился и стал задавать ей вопросы с расстояния в три метра. Пытался приблизиться, она не разрешала. И не отвечала.

– Зачем вы написали не ту улицу? – горячился я. – Некому, что ли, штрафы выписывать? Я превысил, может быть, на пять километров, а вы написали на 20. Зачем? Ну вы же человек, вы же не только офицер. Ну что вы молчите? Не в деньгах дело! Просто надо же правду писать!

Она молчала и как будто не обращала на меня внимания. Её глаз за тёмными очками я не видел. Я не заметил, что кричу и машу руками, и не услышал, как сзади меня остановилась другая полицейская машина.

Я продолжал взывать к Мустангу на своём ломаном английском, а закончил громким по-русски:

– Как вы мне все, нах... надоели! И ваши голые парады, и ваша держиморда-полиция, и ваши корыстные бабы со своим маркетингом!

– Ваши документы! – внезапно потребовала Мустанг.

– Будут вам сейчас документы! – крикнул я и побежал к машине. Мне показалось, что сзади кто-то крикнул, но я не оглянулся. Я сел на переднее сиденье и стал рыться в бардачке. Меня трясло. Почему она со мной так? Почему нельзя мне просто хотя бы ответить?! Сердце скакало у меня не в груди, а в горле.

– Стоп! Бросай оружие! – раздалось рядом.

– Какое оружие? – оглянулся я, вынимая из бардачка свой чёрный бумажник с документами.

– Руки вверх! Не двигаться! – неизвестный мне молодой полисмен стоял в метре от меня со странным прибором в руках. Он тоже был в тёмных очках. Да что ж они все, как роботы?..

– У меня нет оружия! – крикнул я и тут же вспомнил, что документы не в бумажнике, а во внутреннем кармане куртки, на груди. Я засунул руку в карман, и когда стал вынимать её, случилось нечто странное, я даже не успел понять что.

Внутреннее полицейское расследование показало, что погибший уроженец Казахстана А. Суханкин в день инцидента был оштрафован за превышение скорости и в отместку за это через час разыскал офицера полиции. До этого он обругал служащего министерства транспорта, и свидетели из очереди подтвердили, что мужчина выбежал из офиса министерства с пылающим лицом, ругаясь.

Г-н Суханкин нашёл офицера полиции Эрин Уайтмор и стал угрожать ей расправой. Затем он побежал в машину, чтобы взять оружие. На требования полицейского наряда, оказавшегося свидетелем сцены, не реагировал. При попытке Суханкина вытащить оружие, офицер Роберт Уиллис применил к нему Taser – электрошоковый пистолет.

Случайные прохожие подтвердили, что мужчина кричал на женщину-офицера, а затем побежал к своему автомобилю и стал рыться, как будто что-то искал. Бывшая супруга погибшего Ирина Суханкина сообщила, что её муж принимал таблетки от депрессии, иногда выпивал, и был груб и нетерпим. Он неоднократно на почве гомофобии оскорблял её и её гражданского партнёра Барбару Миллер, грозился убить г-жу Миллер и г-жу Суханкину, говорил, что их несовершеннолетней дочери такая мать не нужна. Г-жа Суханкина также подтвердила, что у её супруга было большое сердце.

В машине А. Суханкина обнаружен перочинный нож, который мог бы быть употреблён для убийства.

Патологоанатомическая экспертиза показала, что у погибшего Суханкина был врождённый порок сердца и организм не вынес удара электрошоком. Внутреннее полицейское расследование показало, что Роберт Уиллис действовал в соответствии с инструкциями, защищая общественную безопасность.

Марусю отдали матери.

А хочешь в Канаду?

Рекламный агент газеты «Монреальские ведомости» Михаил Панин женился для эмиграции. Тогда он думал, что женится года на два – на три, а вышло – надолго. За это время симпатия к супруге – а таковая поначалу была, превратилась в затравленную ненависть. Михаил подозревал, что Мила специально делает что-то, чтобы затянуть его процесс. Она мужа бешено любила и боялась, что, получив вид на жительство, он уйдёт.

У Панина не было доказательств, что Мила вредит его иммиграционному процессу. Но было странно, что дело тянется так долго, а жену это будто бы устраивает. Она извела его ревностью, а в последнее время ударила в религию – с горя видать.

Михаил ненавидел её потому, что нельзя любить того, от кого ты зависишь и кого боишься. Мало кто не пользуется в данной ситуации своим положением. И Мила не была исключением, она всю пользовалась его зависимостью и сильно вымотала ему нервы. Она ежедневно сходила с ума от того, что у неё это была любовь, а он оказался – с корыстными целями.

Если бы Михаил не был мягким человеком, он давно бы её придушил. А так во время её истерик он просто гладил её по голове, утешал: «Ну что ты, любимая...», и думал: «Ох, гадина, как ты мне надоела».

Он часто мечтал. Как уйдёт от этой полнеющей коровы, которая совсем двинулась на религии, зажигает постоянно какие-то вонючие свечи. А может, и не религия это у неё, а какие-нибудь «приворотные» свечи? Ещё неизвестно, не подсыпает ли она ему в борщ каких-нибудь лягушачьих лапок или ещё чего похуже, слышал он о разных гнусных женских приворотных средствах... Нет, он уйдёт и купит себе квартиру, новый автомобиль и найдёт свою истинную любовь. Она будет не такой, как Мила. Она будет моложе и красивее. Мила тоже была хороша девять лет назад, а сейчас распустилась. Новая любовь поймёт его тонкую душу художника и будет благоговеть перед его картинами. Она будет светским, нерелигиозным человеком. И у неё, хоть она и молодая, а ему уже 50, не будет в отношении него никакой корысти.

Он ведь и сам некорыстный человек, просто вначале у него с Милой были чувства, с её стороны больше, с его меньше, но всё равно был роман. Он не видел ничего предосудительного в том, чтобы жениться на ней для эмиграции – всё равно спят вместе, так отчего это не узаконить? Что будет дальше, он не загадывал. Ну, предполагал, что потом они могут разбежаться, однако не думал, больно ли это будет или нет кому-то из них. Скорее всего, нет, полагал Миша, потому, что до сих пор он разбегался с пассиями без трагедий. Любовь вянет рано или поздно, взрослые же люди – всё понимаем.

В начале брака у Михаила были чувства, однако они быстро улетучились, когда он оказался в Канаде в доме Милы на правах прихлебателя. Любое её слово – и он будет депортирован. Постепенно осталось одно желание – получить сокровенные бумаги и дать дёру.

– Как я её ненавижу! – говорил Михаил со слезами на огромных, озёрно-синих, соблазвивших столько женщин глазах своей сослуживице, журналистке Наташе. Ей он доверял, она ему сочувствовала. – Опять эта свинья за мной следила, сюда уже звонила – на работе ли я... Крыса! Крыса! Она мне проходу не даёт, письма мои читает, в бумагах роется, рекламодательницы звонят, она трубку в спальне берёт и слушает. Я как в тюрьме живу – от звонка до звонка. Не смею после работы задержаться...

Он плакал. Наталья смотрела на него, сидящего, но ещё не потерявшего обаяния, по-мужски привлекательного, и ей было его невыносимо жалко. И правда, уж получил бы вид на жительство и избавился от своей мегеры, думала она.

– Что поделаешь, – вздыхала. – Столько уже терпел, потерпи ещё чуть-чуть. Когда бумаг-то ждёшь?

– А кто его знает.

– А в Россию вернуться не хочешь?

– Ну, столько терпел, так что уж возвращаться? – отвечал Панин, грустно поглощая подставленные ему конфеты. – Опять же, с работой у меня тут всё хорошо, только змея эта мешает. А знаешь, как я буду жить?

Глаза его загорались, когда он начинал мечтать.

– Найду себе лахудру такую, как ты, молодую, и заживём. Я снова картины писать начну, а не только рекламой заниматься. Это ж Милка меня заставляет на рекламном поле пахать – ей всё денег мало, у неё дети от первого брака. А мне много денег не надо. Жильё купить, машину новую, а то эта вся уже проржавела, и всё. И буду творить. Рекламодателей с их выкрутасами подальше пошлю, надоели.

Раздался звонок.

– Мишу можно? – спросила в трубку Мила.

– Привет, зайка, – сказал Панин. – Кто трубку брал? А это наша новая сотрудница, Наташа. Я тебе не говорил? Ну, она уже тут три месяца работает. Ничего я не скрывал, вон её статьи – в каждом номере. Да, дорогая, выхожу, бегу...

Он положил трубку, провёл ребром ладони по шее, взял свою куртку и пошёл к двери. Там, обернувшись, он твёрдо сказал:

– Вот увидишь, Наташка, как только бумаги получу, брошу эту суку, и даже не предупрежу. Пусть ищет меня с полицией по всему городу, не отзовусь.

Вскоре Наталья уволилась из редакции. Панина она встретила через два года. Он сильно постарел, полностью поседел, выглядел потёртым и заброшенным. Пригласил в ресторан, хотел рассказать о своей жизни, спросить совета, ну и вообще «потрындеть».

Глядя на него, такого жалкого, она не смогла отказать. Она ехала в русский ресторан и думала, что вот до чего довела Мишу его мегера. И где у человека совесть, где у женщины гордость? Так мучить мужика, которому ты не нужна, так бегать за ним. Удавка. Про мужчин-наильников много говорят, а сколько женщин – наильниц! Или беременностью, или эмиграцией, или знанием тайн – сколько мужчин они держат и мучают!

Один автомеханик недавно признался Наталье, что живёт с женой из страха. Она сказала, что в случае развода заявит, что он пристаёт к её дочке-подростку, а дочка это подтвердит. Посадят – не посадят – неизвестно, но то, что после этого сразу придёт полиция и заведут дело – несомненно. И из дома мужчину в таком случае выставляют, живи где хочешь, снимай, но платить за свой дом по счетам обязан. Запрещают подходить к дому на полтора километра и звонить жене. Разбираются обычно пару лет, зарплата уходит на адвоката и оплату своего дома и снятого жилья... В общем, приходится не просто жить с мегерой, а даже и немножко её любить. Вызывая в себе стокгольмский синдром.

Около ресторана на парковке она увидела машину Панина – все ту же старую, ржавую «Тойоту». В ресторане они заказали по шашлык с рисом, по фужеру вина, и принялись «трындеть».

Наталья рассказала Панину, что вышла замуж, по большой любви, и спросила его, как у него с видом на жительство.

Вид на жительство есть, ответил Панин. Он получил его в том же году, когда она покинула их офис. Вообще же, оказалось, Панин пригласил её по делу – обсудить его идею. Он хотел писать лечебные картины.

– Как это – лечебные? – поинтересовалась Наташа.

– Мои картины лечат, – стал с энтузиазмом рассказывать Михаил, и глаза у него загорелись. – От них идёт особая энергетика. Я уже и к специалистам их носил, в университет – они подтвердили. Профессор один заинтересовался, готов был помогать, но повесился.

– Как?!

– Ну так, повесился да и всё, не знаю почему. Жаль. А то помог бы мне... Теперь нужен журналист, который напишет обо мне. Я выбрал тебя, ты друг,

не украдёшь идею. От моих картин исходит целительная сила, я и сам, понимаешь, непростой человек. Я вычислил – долго рассказывать как – что я происхожу от Моисея. Вот посмотри на меня...

Он повернулся в профиль.

– Похож?

– Не знаю, – хмыкнула Наталья. – Я Моисея не видела.

Когда Панина спрашивали, кто он по национальности, он всегда отвечал: «Во мне много разных кровей намешано». На шее под рубашкой носил одно-временно крест и звезду Давида. Доставал наружу то, что требовалось по ситуации. Когда приходил за рекламой к евреям – звезду, когда к русским и украинцам – крест. Удобно. Киосаки бы не додумался.

– Наташка, это золотая жила! Я прославлюсь, тебе денег отсыплю, будешь моим пресс-секретарём. Вот увидишь, как мои картины будут расходиться! Куплю себе квартиру, машину...

Панин начал мечтать, и Наталье всё больше и больше казалось, что он сошёл с ума.

– К моей картине надо прижаться – и боль как рукой снимет! – продолжал неистовствовать Панин. – Даже рак лечит.

– Бога побойся.

– Правда! Не веришь? А ещё у моих картин можно спрашивать про будущее...

Наконец до Натальи дошло, что Михаил уже не работает агентом и вообще нигде не работает, а сидит дома и пишет свои лечебные картины, которые, впрочем, как он сам признал, пока никто не покупает, потому что «надо раскрутить» и ещё «не всё готово».

– А на что ты живёшь? – поинтересовалась Наталья.

– У меня по разным газетам пятнадцать клиентов распихано, с них проценты получаю, – торопливо ответил Панин и снова перешёл на свои картины.

– А Мила как относится к тому, что ты не работаешь? – продолжала Наталья допрос.

Панин сразу сник.

– А Мила меня бросила. Сразу, как статус получил. Конверт раскрыла, прочитала и в тот же день сняла для меня квартиру. Сказала, что зря меня мучила своей любовью, попросила прощения, перевезла на новую квартиру – мебель свою отдала, вещей кучу, заплатила за первый и последний месяц и ушла. И с тех пор не поднимает трубку, когда звоню.

– И что? – не поняла Наталья. – Ты недоволен?

– Наташка, я не знаю, как мне жить. Я два года один. Мне не нужны молодые девки. И я никому не нужен. Я Милиным детям звонил, просил, чтобы помогли мне с мамой помириться, но она не хочет.

– Ты ж её ненавидел...

– Ненавидел, а вот нету её – и всё, конец мне. Никто не любил меня, как Милка. У меня много женщин было, а таких – ни одной. А в картинах у меня тайна: я там в разных деталях Милино лицо прячу – где в узоры на окне, где в изгибах цветочных стеблей. Она и лечит.

Вытирая увлажнившиеся глаза, Панин развивал свою идею, а потом вдруг загорелся:

– Слушай, ты можешь мне помочь. Давай в газете разыграем, что мы с тобой любовники. Ты – известная журналистка, все обязательно прочитают,

и Мила тоже. А она ревнивая, не может быть, чтобы это её не задело. Она мне и позвонит...

Наташа мрачно молчала.

– Ну, во-первых, у меня муж... – выдохнула.

Про то, что её не украсит мнимая связь с седым и разбитым мужчиной на ржавом драндулете, она промолчала. Как и все творческие безумцы, Миша был равнодушен к чужим несчастьям. Делов-то куча – Наташкина семья. Он не говорил вслух, но был уверен, что ради него, Панина, такие букашки, как Наташка и её муж могут и расстаться. Потому, что он, Панин – Творец, и чтобы предоставить Творцу его Музу, обыкновенные людишки могут и помучиться. Ну что, например, значат терзания какого-то Пупкина и его жены, если решается участь быть ли Пушкину со своей Гончаровой?

Мишу несло, он выдвигал одну идею за другой, целью которых должно было стать возвращение Её.

Наташа отодвинула шашлык – мясо было несвежим, воняло. Она встрети-лась взглядом с хозяином ресторана и поняла, что он об этом знает.

Мила лежала под жарким кубинским солнцем. Рядом плескался бирюзовый океан, но ей было лень дойти до него даже несколько шагов. Глаза у неё были закрыты, а на лицо она набросила панаму.

– Этот лежак – свободный? – спросил её по-английски мужской голос с сильным русским акцентом.

Она выглянула из-под панамы и сразу поняла, что мужчина устраивается рядом не просто так. Кивнула.

Борис оказался из Новосибирска. Отношения их быстро перешли на интим, так как оба были в отпуске всего на неделю. Мила давно уже решила жить в своё удовольствие. С верой в Бога у неё не получилось. Надеялась, высшие силы помогут ей остаться с любимым, с Михаилом. Не помогли. И она обиделась и на него, и на них. Понимала, что глупо, но вот так...

Она отдавалась Борису, хотя и знала – в Канаду ж, кобель, хочет. Но ей было всё равно. С момента расставания с Михаилом она решила, что больше не будет волноваться о том, чего хочет мужчина, который рядом с ней, о чём он думает, какую скрытую корысть имеет. Столько намучилась с Мишкой, что нет больше сил. Мила отдавалась практически незнакомому человеку и думала: как это хорошо – жить одним днём.

– А хочешь в Канаду? – всё-таки не удержалась, спросила утром их пред-последнего дня на Кубе. И замерла, только что не зажмурилась. Ей показалось, что сейчас откуда-то с воздуха опустится лезвие и отрубит ей голову. Или разрежет сердце.

– Нет, – сообщил буднично Борис, ходя по её комнате в отеле и пытаясь отыскать свою майку. – Я человек не заморский, за границей первый раз и, вероятно, последний... Я так думаю, что жить мы будем в Новосибирске, а к детям в Канаду ты будешь ездить. Или они к нам. Лучше если они – у меня сад есть, пристройка к дому – будет где разместить. На рыбалку будем ходить с твоим сыном... А какая у меня смородина! Сколько кустов! Запах – специфический. Ты любишь чай со смородиновым листом?

Мила отвернулась и захлопала глазами, чтобы не дать влаге выйти. А то ещё подумает, что она – женщина, которую никогда не любили.

Замуж за Борю она, конечно, не вышла. У нее в Канаде дом, родители, дети. Как бросишь?

В купе

Она вошла в купе, посмотрела на попутчика весёлыми, дерзкими глазами и громко сказала: «Здравствуй!» В свои семьдесят пять лет он отвык от прямого взгляда молодых женщин. Все они смотрели мимо. Впрочем, незнакомка лет двадцати шести-семи, в деловом костюме, вовсе не выглядела нахальной. Она смотрелась, скорее, женщиной, не стесняющейся без причины.

Она повесила винного цвета пиджак на крючок, и на нём блеснул значок «Пресса».

Женщина с полминуты разглядывала пейзаж за окном, но, видимо, она не переносила безделья. Достав газеты, снова взглянула ему в глаза и спросила: «Читать будете?».

– Спасибо, через часик почитаю, – ответил попутчик смущённо.

Старик ей понравился: большой, седой, с редким, исконно русским лицом, с синими глазами под густыми и почему-то не поседевшими бровями. Наверняка ему скучно, но боится показаться навязчивым.

– Тогда, может быть, чаю попьём? – спросила.

– Давайте. А я вас угощу ватрушками, мне супруга положила.

Он стал разворачивать белейшую льняную салфетку, в которой оказались ватрушки, сваренные вкрутую яйца и свежие огурцы.

Глядя на неторопливые движения его рук, она подумала: породистый старик. И жену назвал не «бабка» и не «старуха», а «супруга». Ещё она не подумала, а скорее почувствовала, что в молодости у её попутчика, наверное, было много женщин. Она давно заметила, что мужчины, которые действительно пользовались успехом у женщин, галантно и бережно относятся к слабому полу. И кто знает, что было вначале – вот эта их черта награждалась женской любовью или они награждали женщин уважением за то, что те предпочли их всем остальным?

– Сейчас принесу чай, – сказал он, привставая.

– Нет, это я принесу, – поспешно встала она и стрелой выскочила.

Они пили красный, пахучий чай в железных подстаканниках и знакомились. Её звали Инга, она была журналисткой. Было видно, что она уже много раз отвечала на вопросы о работе. Сейчас она говорила о том, что едет из командировки и везёт отличную фактуру для статьи. Она поведала, о чём именно будет эта статья, и её попутчику действительно было интересно слушать. Статья замышлялась о любовной драме, и по тем акцентам, которые она сама незаметно для себя расставила на протяжении рассказа, ему уже стало ясно, что он сидит в купе вовсе не с синим чулком, который курит, пьёт кофе и живёт лишь своей работой, а с женщиной, которая обожает свое дело, связанный с ним успех, и берёт от жизни всё, чтобы опять же вложить впечатления в работу.

Жажда жизни лилась из его собеседницы в каждом слове, она понимала, что местами проговаривается, рассуждая о любви, и возможно, порочит свою репутацию, ведь он всё-таки представитель другого, более аскетичного поколения... Она понимала также, что проговаривается особенно тогда, когда даёт оценки участвовавшим в любовной истории мужчинам. Инга говорила о них

нежно и насмешливо, как женщина, которая не раз бросала мужчин, была благодарна им за всё то удовольствие, что они ей доставили, однако не забываясь до такой степени, чтобы оставить их около себя навечно.

– Замечательные ватрушки печёт ваша жена, – неожиданно заключила она свой монолог, подумав, что болтает лишнего.

– Ну так на третий раз натакался, – улыбнулся он.

Её рука, протянутая к стакану, на миг замерла, она опустила глаза и улыбнулась своей догадке. В следующий миг она взглянула на него с дружеским лукавством сообщницы и тут же опустила глаза – всё-таки он ей не ровня по возрасту.

– А что с теми, первыми двумя жёнами? – спросила.

– Первая служила со мной в одном полку, погибла в конце войны, вторая оказалась пьющей, не смог отучить, – просто ответил он.

– А которая сейчас – хорошая?

– Хорошая. А вы замужем?

– Как вам сказать, – растерялась. – Ну будто бы...

Он молчал, ожидая продолжения. Повисла пауза.

– Я, наверное, сейчас вас огорошу... – она набрала в грудь воздуха для храбрости и посмотрела на него упрямыми глазами ребёнка, который, по общему мнению, нашкодил, но сам так не считает. Она видела, что он ждёт пояснений, и не сводя с него испытующих глаз, произнесла скороговоркой:

– Я разведена, но муж приходит ко мне, потому что надеется, что всё у нас ещё будет. На самом деле не будет, но мне его жаль, и я принимаю. И ещё у меня есть человек, который действительно для меня сейчас муж, он очень любит меня, заботится обо мне, и я его тоже люблю. В общем, я как бы не замужем и замужем одновременно за двумя.

Повисла пауза. Инга покраснела.

– А почему бы вам не выйти за этого, нового мужчину? – осторожно спросил старик. – Если не хотите, можете не отвечать...

Она помолчала, раздумывая, как бы приличнее ответить на этот вопрос. Но поскольку хитрить и облекать правду в красивые одежды Инга не умела, то ответила снова откровенно:

– Ну тогда же... Всё... Тогда ведь уже конец... Никого уже больше у меня не будет. Врать я не умею, жить с мужем и изменять – жестоко. Вы думаете, мне нравится та ситуация, что сложилась у меня сейчас? Но я её разрешу обязательно, вот сейчас вернусь домой и окончательно скажу мужу «нет».

Старик ждал продолжения, и Инга пояснила:

– Если выходишь замуж, так надо жить честно. А коли чувствуешь, что честно не получится – так повремени. А честно у меня не получится, по крайней мере, сейчас. Фаина Раневская говорила: «Семья заменяет человеку всё. Вот и выбирайте – всё или семья». Я выбираю «всё». Ведь если замуж, то... уже всё... это уже получается, что... навсегда... или, по крайней мере, надолго... Получается, что я обещаю... и надобно держать слово... и... такая тоска... вся жизнь отгораживается занавесом... Есть люди, которые потом, когда любовь проходит, начинают изменять, обманывать. Другие, обделяя себя всю жизнь, хранят верность. Я не хочу никому врать, но я также не хочу хранить верность, если любви уже нет. Я видела немало женщин, которые упиваются верностью не любимому и ждут награды, а тому-то уж и всё равно – он ведь её тоже не любит и верность не оценит. Лучше я сразу не выйду замуж, чем так жить.

– Никогда не выйдете? – улыбнулся старик.

– Ну, может быть, когда-то и выйду, – кивнула Инга. – Толстой говорил: «Только тот брак хорош, который непреодолим». Я пока такого не встретила. Мне, знаете ли, и с ними хорошо, и без них.

Она быстро взглянула на старика, проверяя, не слишком ли цинично прозвучали её слова, и продолжила:

– Вы, наверное, думаете, что я легкомысленная. На самом деле у меня было не так уж и много романов. До замужества не было вовсе, после развода было три коротких, теперь четвёртый... При моей профессии это немного.

Она посмотрела на него наивными и честными глазами, проверяя – понимает ли.

– Надо, знаете ли, учитывать профессию, – сообщила Инга, видя, что старик слушает. – Иные дамы в конце жизни гордятся: у меня был только муж. А просто ей никто ничего и не предлагал. Другая отвергла 96 из ста, так по-моему она больше заслуживает уважения. У неё были соблазны, и она их практически поборола. А те четыре могли быть реальным чувством, за что осуждать? Но она осуждает себя и думает, что она не такая честная жена, как та клуша, у которой за всю жизнь никто ничего и не попросил.

– Но мы не об этом, – продолжила Инга, уже перестав краснеть и как будто махнув рукой на то, что подумает старик. – Я поняла, что нет любви к одному человеку на всю жизнь. Ну чтобы он умер или покинул тебя, а ты всю жизнь любила и ни на кого более не смотрела. Тот, кто раз любил, ещё десять раз полюбит, потому, что так уж устроено его сердце. Это даже не от объекта любви зависит – достойный он или нет, а от тебя самого, насколько ты можешь и, главное, хочешь любить. Ну, батарейка у тебя на сколько рассчитана – от этого зависит.

Она помолчала, подумала о чём-то и добавила:

– Если есть в тебе жажда, то излиться она может на любое существо рядом, вовсе и не достойное. Чем и объясняются браки «красавиц и чудовищ» – женщине просто хотелось любить. Общие дети, хозяйство и общественное мнение цементируют отношения. В итоге – склеп готов. Так вот: я полюбила, но я знаю, что это пройдёт... И даже когда я люблю пламенно. И это пройдёт.

– Так что же, не жениться вовсе? – осторожно спросил старик.

– Жениться, – вздохнула женщина. – Но только по совету Толстого. Когда уже нет иного пути.

– Но разве вам не трудно одной?

– А я не одна. Это в браке я была одна.

– Но ведь потом, когда вы расстанетесь с...

– Сашей...

– С Сашей, вы останетесь одна. Не будет вам плохо?

– Ну, во-первых, одна я вряд ли останусь, – Инга виновато улыбнулась, устыдившись своей самоуверенности. – Я уже пробовала остаться одна – не дают. Знаете, замуж выходят одни и те же. То есть если ты одному-двум нужна, так ты и всем нужна. А одному не нужна, никто на тебя и не смотрит. У мужчин стадный инстинкт.

Что же касается моих ответных чувств, то они у меня тоже будут, так как глаза у меня устроены особенным образом, как у всякого творческого человека. Мне нравятся многие. И не потому, что они такие хорошие. Они... я вообще не знаю какие. А потому что моё воображение делает их особенными.

А во-вторых... Я думаю, все мы одни. Всегда. В короткий период любви мы теряем это ощущение, а потом оно снова приходит. И только оно и есть правда.

– А если он... мужчина, не согласен чтобы все закончилось?

– Убьёт себя, застрелится, повесится? – развеселилась Инга. – Да ни в жисть! Мужчины – страшные эгоисты. Они только обещают, а сами вешаются лишь от алкоголизма. Нормальные мужчины с разбитым сердцем идут домой плакать, водку пить и рассказывать, «какая она стерва». И потом, я же работу провожу...

Видя, что старик удивлён, женщина пояснила:

– Ну вот одному я даже уколы ставила – В6, В12, чтобы успокоить нервную систему...

– Помогло?

– В какой-то степени. Я же заранее начинаю подготавливать – говорить, что, мол, ничто не вечно под луной, что я, дескать, большая ветреница – я готова взять вину на себя – ему так легче будет. Я вообще-то добрый человек, жалостливый... Подготавливаю: начинаю появляться неухоженной, глупости всякие про себя говорю. Это ж только кокетство, когда женщина утверждает, что не может от любовника отвязаться. Всегда можно преподнести себя так, чтобы убежал... Но это крайний случай. Я имею дело с нормальными мужчинами, которых не надо доводить до крайностей. Постепенно просто от себя отучиваешь и всё...

Дверь в купе с шумом отворилась и появилась проводница.

– Обедать будете?

– Нет, спасибо, – отозвалась Инга и вопросительно взглянула на старика.

– Я тоже не хочу, – сказал тот. Он думал о чём-то своём.

Дверь захлопнулась, и какое-то время спутники слушали стук колёс и смотрели на пролетающие мимо берёзы.

– Я открою окно? – спросила Инга и после утвердительного кивка открыла окно и выставила из него голову. Её светлые кудри развивались на ветру, она силилась открыть глаза против бьющего ей в лицо ветра.

Села со словами: «Люблю ездить».

– Так выходит, по-вашему, любви нет? – спросил старик.

– Есть! Конечно, есть, – возразила Инга. – Она просто короткая и наполовину придумана самим тобой. Каждый любит, как умеет. Сердца – типа памяти в компьютере. У одного сердце на один гигабайт, у второго на четыре. Вот встретились они и любят друг друга всем сердцем. Только сердца разные... И тот, у кого больше, никак не может понять: как же можно любить вот так ничтожно?

Инга взглянула старику в глаза и пробормотала:

– Я боюсь, вы поймёте меня не так...

– Нет, я всё понимаю как надо, – быстро сказал он. – Но зачем? Ты... не боишься?

Она смотрела на него во все глаза. Она была будто чем-то потрясена. А она действительно была потрясена. Сейчас перед ней сидел не старик, а тот, кем он был много лет назад – молодой мужчина, привлекавший немало женщин. Он сидел, привалившись к стенке купе, и в его расслабленности было нечто сильное и по-мужски красивое. Его глаза блестели, взгляд был твёрд и пронзителен, на лице – ни морщинки. Или это полумрак так меняет внешность? Наваждение...

Она естественно восприняла вырвавшееся у него «ты». Потому, что сейчас они были одного возраста. Она правильно поняла вопрос: зачем тебе нужна смена мужчин, ведь ты отнюдь не легкомысленна и не порочна.

Тихо и взволнованно она стала говорить:

– Вообще-то... это не так уж и часто. Я не признаю любовь как вид спорта или от скуки. Она опустошает. А меня любовь должна напротив – наполнять. Как чернильницу, понимаете? Может, это звучит дико... но так надо. Потому что нигде ты не познаешь человека так быстро и глубоко, как в любви. Ты можешь работать с ним годы, а узнать всего за несколько часов, что вы вместе... Я вовсе не хочу сказать, что для того, чтобы написать об убийце, надо убить. Нет, должно быть чувство меры, но всё-таки нужно много знать и переживать, чтобы писать... И где возможно пережить, надо переживать...

Они молчали и смотрели друг на друга.

– Выходи замуж, а? За этого, которого ты сейчас любишь, – сказал он. – Я точно знаю, что можно плохо кончить... А он будет тебя беречь.

– Плохо кончить – это и есть выйти замуж, – упрямо произнесла Инга.

Он смотрел на неё властно и одновременно восхищённо. Странно, но его молодость не проходила. Инга взгляделась, и ей стало жутко: волосы попутчика были просто светлыми, а не седыми.

– А если потом никого не найдётся? – спросил он.

Она пожала плечами.

К вечеру стало душно, и они открыли дверь. В коридоре никого не было, все уже спали. Она взяла полотенце, зубную пасту, щётку и пошла в туалет. Потом вернулась, стала стелить. Её попутчик пошёл в том же направлении, и она воспользовалась его отсутствием, чтобы раздеться и юркнуть под простыню.

Когда он вернулся, она ещё не спала, и он почувствовал это. Открыл бутылку лимонада и налил в её стакан. Она привстала, чтобы взять стакан и услышала прямо над собой:

– Будь осторожна... хорошо? Ты можешь забеременеть, заболеть от кого-нибудь, кто-нибудь может отомстить за твой уход, попросту убить...

Она подняла голову и снова увидела молодого и красивого мужчину. Она уже не удивилась, она привыкла, что их купе – пространство без времени. В свете фонарей, которые мелькали в темноте за окном, освещая его фигуру, он казался исполином. И этот исполин стоял и ждал её ответа.

– Я не встречаюсь с мужчинами, от которых можно заболеть, – залепетала она, смущённая его близостью и нелепостью этой близости. – К тому же, есть средства... И не так уж и много у меня этих самых мужчин, влюбляться чаще раза в год невозможно...

Он будто не слышал.

– Я хочу, чтобы у тебя всё было хорошо. Как твоя фамилия? Я буду тебя читать.

– Радуга.

– Замечательно! – рассмеялся он.

Поезд издал гудок, и Инга, засыпая, слушала стук колёс – самый любимый звук. Это был голос командировок, следующих за ними публикаций, идущих за ними читательских писем. Это был звук неизвестности, в которую она всегда отправлялась с охотой, готовая с радостью принять и хорошее, и плохое, только бы оно впечатляло и дало ей возможность написать что-то новое и интересное. Это был звук будущего, которое дарило ей чудесные встречи и любовь, романы и развязки – всё, что наполняло радостью её бытие и утоляло жажду объять мир. Это был звук, напоминающий, что жизнь не вечна, и минуты вот так же бегут по рельсам, и надобно успеть собрать на себя все солнечные лучи – человеческое тепло самого разного вида: читательское, мужское. Успеть собрать, и затем, входя в ту или иную мужскую судьбу, светить

ему, и оставлять кусочек луча в его сердце после своего ухода. Стук колёс был звуком непостоянства – вечного движения к новому никогда не успокаивающей души.

Её попутчик лежал и думал о том, что время иногда рождает людей, предназначенных друг для друга, со слишком большим разрывом, порой – в века... И это лучше, чем родить с разрывом в пятьдесят лет, потому что ты никогда не узнаешь, что твой единственный или единственная появятся веке в двадцать втором, и не будешь тосковать. А вот если встретишь, когда уже одной ногой на краю бытия...

Так вот, если в поезде времени, следующем в никуда, ты, глядя устало в окно, вдруг выхватишь в толпе лицо единственной своей возлюбленной... Если ты выхватишь взглядом лицо женщины, которая могла бы стать ею, но, увы, твой поезд не делает остановок... Если ты видишь, что она, как и положено единственной, узнала тебя и растерялась... Досада, грустное удивление и радость оттого, что ты всё-таки видел её – вот удел пассажира поезда, следующего к конечной станции.

Когда она проснулась, старик уже пил чай и шелестел её газетами. Он деликатно не смотрел, когда она красилась. Купе было залито утренним ослепительно-белым светом. Инга посмотрела на попутчика и увидела... ветерана. Семидесяти пяти лет от роду. Поезд вот-вот должен был прибыть на станцию назначения, и он уже оделся. На пиджаке у него позвякивали ордена и медали. Он поднял голову от газеты и приветливо улыбнулся.

– Кажется, подъезжаем?

– Да.

В последующие полчаса они не произнесли ни слова, а только глядели в окно на проплывающие мимо деревья. Вспомнив было о вчерашнем, она тут же отогнала это воспоминание с досадой, как если бы подумала о чём-то нехорошем. Старик вчера показал себя пронизательным, и ей казалось, что если она будет подробно вспоминать о том, каким он вчера был молодым, он почувствует это, а это... неприлично, гадко.

Поезд дёрнулся и замер. Когда в коридоре послышался шум выносимых из купе чемоданов и выходящих из вагона людей, она, взяв сумочку, в нерешительности остановилась... Как прощаться? Невозможно, совершенно немислимо взять с этим приятным человеком вчерашний тон равных по возрасту людей, но и сказать ему «до свиданья», будто ничего не произошло, было бы трусливо и обидно для них обоих.

– Я рад, что познакомился с вами, – первым начал он, и она видела, как сияют его глаза. – Я забыл сказать вам, что меня зовут Иван Дмитриевич М-в. Я родом из Сибири, там жили мои сосланные предки, вы конечно знаете – декабриста М-ва. Может, будете в наших краях... Я, к сожалению, необразован, может быть, вам было неинтересно со мной... После войны поступил в техникум и потом работал только на простых должностях, руками. Так сложилась жизнь...

– Мне было интересно с вами, – сказала она.

– Я буду вас читать, – добавил старик.

– Спасибо.

Она опустила глаза и только сейчас заметила, что его ноги выглядят странно.

– Протезы, – пояснил Иван Дмитриевич. – Это я прикрыл свою первую жену, очень её любил, а она всё равно потом погибла. Вы очень похожи на неё. Если бы она выжила, она бы меня потом бросила. Не из-за ног, а просто... Но я бы согласился, только бы жила...

– Разве вас можно оставить? – спросила Инга, задумчиво глядя на него. Потом добавила: – Оставить, наверное, можно всех. Меня тоже. Но вас можно оставить, только пробыв с вами долго. Значительно дольше, чем с другими.

Она тут же смутилась, ей показалось что волосы у неё на голове зашевелились от сказанного, и бросив «всего доброго», она буквально выбежала из купе, чувствуя спиной его ошалевший взгляд.

– Ну что за молодёжь пошла? – в купе ввалился его однополчанин Константин Михайлович Дудко. – Летит стрекоза, не видит никого, а ещё прилично одета, чуть с ног не сбילה. Я уже час тут твоего поезда жду, запоздал ты, братец.

Иван Дмитриевич не отвечал. Он сидел за откидным столиком купе, уронив лицо в руки и ощущая, как горит оно и ладони. Солнечные лучи капали сквозь его пальцы на столешницу.

Градоначальник и Вега

Виолетта не любит своё имя. А её мать не любит, когда она об этом говорит. Обижается.

– Что, надо было тебя Леной назвать? Это всё равно, что пронумеровать! – заводится мать.

– Всё равно надо было не Виолеттой, – отвечает сорокалетняя дочь. Этот спор у них уже лет тридцать длится.

– А как?

– Мне нравятся древние римские имена.

– Перепетуя? Цецилия?

– Нет, правда же у них имена красивые? – мечтательно уводит глаза вверх Виолетта. Точнее, Вега. Так она переименовала себя ещё в юности, и все вокруг уже привыкли к тому, что эта хрупкая, невысокая женщина, носит имя звезды.

– Да. Имена замечательные. Особенно мужские. Марк Трахал Пизон. Или Публий Галлерий Трахал. Тебе какое больше нравится? – ехидничает мать.

Мать Веги, Лариса, преподаватель античной литературы. В России была преподавателем. А сейчас они с дочкой владеют цветочным магазином в Канаде. Уже почти двадцать лет. Но каждая о первой своей профессии не забывает. Лариса пишет научную работу, сравнивая литературу Древнего Рима и Греции, а Вега, окончившая Суриковское училище, в свободное время пишет картины. Для души – на разные сюжеты, чаще всего героические – из истории древней Руси, а для денег – портреты. На юбилеи, свадьбы... Портреты хозяев магазинов и салонов красоты, риэлторов и прочих коммерсантов продаются в русскоязычной общине куда успешнее, чем «Оборона Козельска».

Вега все двадцать лет чувствует себя белой вороной. Нет, всё хорошо – цветы покупают, деньги есть, муж – тоже (именно в этой, увы, последовательности), дочь учится в университете. Мама – жива и здорова. И вообще, в Канаде очень комфортно, спокойно.

Но про оборону Козельска поговорить не с кем. А ещё говорят, что уехали мозги.

Но это же блажь – понятно же. Ну, не знает большинство эмигрантов историю так, как она, ну мало книг читают, и что? Если духовный вакуум – езжай в Россию, надышись, и назад... В тёплое, уютное канадское гнёздышко. Которое вьют вовсе не с помощью чтения, а одной сплошной пахотой.

Вега с матерью так и делают – ездят в Россию. Правда, не вместе, а по очереди. Магазин же не оставишь.

Набегаются Вега по московским театрам и галереям, и домой, на канадщину. С наполненной душой, набитыми чемоданами и радостным блеском в глазах. Потому, что Россия – уже совсем не та, что в девяностые. Страна на глазах лучшает, с каждым годом хорошеет. Вот в прошлом году улица, где Вега всегда селится в съёмной квартире на три недели, не была вымощена, а в этом уже вымощена, и ресторан на ней роскошный открыт. В прошлом году храм рядом только закладывали, а в этом уже стоит и храм, и колокольня!

Вега родину любит. Уехала в Канаду в конце девяностых, когда стране не нужны были ни художники, ни писатели, ни поэты. В общем, когда творческая интеллигенция глодала корку. Ну, поработала в «комке» продавцом, так её уже через неделю хозяин выгнал – не давалась в руки... В газете попыталась графиком-дизайнером поработать, наскоро окончив курсы, однако тоже не пошло. Зарплату перестали платить. 1996-й год...

Мать вообще в то время голодала бы, если бы не спасалась тем, что на оставшейся от бабушки швейной машине шила мягкие игрушки – собачек и кошечек. На фабрике по дешёвке скупала лоскутки и строчила после занятий в университете. Там мизерную зарплату ей платили раз в три месяца.

И вот – Канада. Вега живёт здесь уже почти двадцать лет. И не то, чтобы полюбила эту страну. Нет, она считает, что любит только своё. Чужое – уважается. Или не уважается. Нравится. Или не нравится. Но любит только родное. Забодаешься по всему миру – то ездить и всё любить. Вон у неё сосед – сначала жил в Аргентине, потом в США, теперь в Канаде. А сам – еврей из Белоруссии. И любит, как говорит, только Израиль.

Так вот, Вега не то, чтобы любила Канаду, нет. Она привыкла к ней и относилась с пониманием, если можно так выразиться. Она видела в этой стране очень много хорошего и очень много плохого. И понимала. Что никто ей ничем не обязан. Что они сами, коренные канадцы, живут непросто. Тяжело работают, жизни духовной практически не имеют. А правительства их, лишь условно отличающиеся друг от друга, постоянно вводят какие-то странные законы, как будто специально придуманные для того, чтобы обыватель пугался и бледнел. Вот до невозможности расширили права органов безопасности – и канадцы вышли на митинги. Стоят себе, зайчики, с плакатиками. Тихонечко... Протестуют. Потом сворачивают плакатики, на которые власти и не посмотрели, и расходятся по домам.

Но стояли же! Тысячи человек. Вега в те дни ими восхитилась.

Или сексуальные новшества. Тут власти будто соревнуются меж собой – кто безумнее. То какую-нибудь программу сексобразования придумают, от которой родители в обморок падают, то про зоофилию постановят, что «без проникновения» в животное – это не секс, а бирюльки, потому всё позволено (наверное, надеются, что собаки и кошки будут звонить на «горячую линию» и докладывать, как дело было), то сообщат, что полов, оказывается, не два, а много, и туалетов диковинных для новооткрытых полов понаделают...

Вега была советским человеком. В многополость не верила, а вот версия о масонском заговоре, целью которого является превращение общества в

безыдейное, бесполое, послушное стадо, смеха у неё не вызывала. Вызывала задумчивость. Хотя все окружающие эмигранты, про оборону Козельска не ведающие, во всю глотку ржали, услышав слово «заговор».

Вега же, воспитанная мамой, знающей античные времена, считала, что заговоры – это перманентное состояние любого общества. Где власть, там и заговоры. Во всех странах и во все времена. Да что там страны, в каждой фирме время от времени – заговоры. Люди бьются за малехонькое место под солнцем. А что уж говорить о большой власти и больших деньгах?

Открывая каждое утро газету, Вега читала заголовки: «В государственных учреждениях Квебека отменена молитва», «Профессор вызвал скандал тем, что не хочет обращаться к студентам с помощью местоимения среднего рода», «Выпускников христианского университета не принимают в адвокатские ассоциации потому, что в вузе они дали клятву не вступать ни в какие сексуальные отношения кроме гетеросексуальных». И каждый год, как заключительный аккорд – «Канада признана лучшей страной для проживания».

Попробуй поспорь. Жить здесь действительно удобно. Ипотеку дают под маленький процент, у всякого есть машина. Бизнес вести – безопасно. Коренные канадцы со всеми обращаются вежливо и дружелюбно, косяка на эмигрантов не дают. Картошка в магазинах – мытая. (Вега при поездках в Россию обратила внимание, что там в супермаркетах картоху всё ещё немытую продают. Это, конечно, минус, но зато она не генно-модифицированная).

Так что жить в Канаде очень даже розово, если не читать газет. Но Вега продолжала читать. Она же не страус...

Вначале злилась, ругала Канаду. Потом стала жалеть её... Поняла, что как в девяностые с Россией творили что хотели, так и с Канадой сейчас. Только более мягкими методами. Так в России хоть народ – свой, поколениями там живущий, а стало быть, за неё стеной способный встать. А в Канаде – набрали со всего света людей, которые, «если завтра война», разбегутся назад, по своим родинам.

Бедная страна, а она на них надеется! Клятву верности с них берёт...

Но, читая канадские СМИ, увидела Вега и местных героев. Коих немало. И которые ведут борьбу с Драконом по-рыцарски... Чаще это священники. Или верующие чиновники. Или верующие простые люди. Такие, будучи врачами, отказываются участвовать в «ассистировании при суициде», или, будучи владельцами типографий, не желают печатать греховную литературу, за что их таскают по разным трибуналам, защищающим права человека. Такие с амвона говорят об информационной диктатуре – это когда выразить своё мнение вроде бы можно, но не по всем вопросам, а то затравят.

Давно привлек её внимание мэр. Широкий, краснолицый канадец ирландского происхождения. Килограммов под двести весом. Прославился он по всему миру тем, что не раз был встречен журналистами выпивши (в нерабочее, впрочем, время) и высказывался в разговоре с репортёрами так, что те от радости чуть не писали в штаны: будет скандал!

О, сколько им открытий чудных дал он в последние годы! Назвал чёрных словом на букву «н» – которое в России запросто везде писать можно, а в Канаде запрещено произносить, похвалил китайцев за трудолюбие и сказал, что скоро они обгонят весь Запад (за что его тут же заставили публично извиниться. Причём, не за то, что низко оценил Запад, а за то, что посмел дать оценку китайцам), призвал отвязаться от России и много ещё всего неприятного сказал.

Но Вега, которая газеты читала почти каждый день, заметила, что скандалы вокруг мэра начались с высказывания, что СПИДом болеют в основном гомосексуалисты и наркоманы.

Мэр был не Штирлиц. Он выдал себя.

Белый расист, гомофоб, алкаш, с симпатией относящийся к русским (Путин похвалил однажды!), домашний насильник (прошла информация, что бивал свою жену-француженку) – что может быть гаже? Именно к таким выводам о мэре приходил любой, читая статьи.

Да ещё мэр начал сокращения в рядах чиновников, заявив во всеуслышание, что штаты раздуты и нечего тратить деньги налогоплательщиков.

Широким огненным потоком лавы обрушились СМИ на свою жертву. Его караулили у дома, у офиса, у загородного коттеджа. Не было знаменитости, каждый шаг которой СМИ так бы фиксировали. «Джед О'Фаррелл перешёл дорогу в неположенном месте!» – кричали заголовки, «Мэр уличён в том, что в баре с чёрными рэпперами курил марихуану», «О'Фаррелл назвал велосипедистов на улицах болью в заднице!», «Мэр против того, чтобы убирать из публичных мест рождественские ёлки. Он не согласен, что они оскорбляют чувства представителей других религий».

А О'Фаррелл будто специально подливал масла в огонь: в жаркие июньские дни, когда готовился гей-парад, уезжал в глубинку и вещал в подставленные ему и там микрофоны: «Я не могу пойти на парад. Я уже обещал общественности этого городка, что буду у них на соревнованиях по прыжкам лягушек». А после и вообще обнаглел. Заявил, что ему не нравятся голые мужчины и он не хочет на них смотреть. И сразу слёг в клинику, где лечат алкоголиков. Спрятался.

А ведь мэр, который был до него, возглавил в своё время гей-парад, хотя и был «стрейт» – натуралом. Шёл впереди приплясывающей толпы в трусиках и кожаных ремнях (а некоторые были и без этого), и выдувал мыльные пузыри. Кучерявый такой, дружелюбный, всем махал руками, чем и заслужил любовь наиболее продвинутых горожан. Без комплексов мужик.

Вега читала газеты и не могла понять: почему город растёт и хорошеет, открывает одну станцию метро за другой, коли у него мэр – такой обормот, как пишут в газетах? Да что там местные газеты! Мировая пресса уже писала о Джеде О'Фаррелле, как о сумасшедшем клоуне. В России народ раскрывал газеты и улыбался: ну, что там ещё отчебучил этот канадский комик? Жириновский кленового сиропа.

– А ты бы так смог? – однажды спросила Вега своего мужа, Толика, страхового агента.

– Как? – жуя сэндвич, спросил Толик, худой и бледный, и, в отличие от мэра, непьющий и тихий.

– Ну вот так – взять и с высоты большого поста заявить о своих взглядах на то и на сё?

– Нет, – сразу ответил Толик. – Ссать против ветра? Зачем? Твои взгляды – это твои взгляды. Зачем о них сообщать? Ты публичная персона, так и выступай по существу.

– Но О'Фаррелл христианин, а не только мэр, – тихо заметила Вега, и невидимые крылья за её спиной поникли и слиплись. – Он не случайно роняет свои скандальные фразы, он – борется, кося под простака... Правду говорить и голову не потерять разрешают только шутам...

– Один в поле не воин, – веско заметил Толик, подливая себе чая. – Голову сломит, и всё.

– Один в поле – воин, – сказала Вега, но муж её уже не слушал, он включил телевизор.

– Один в поле воин! – крикнула Вега, и ударила своей чашкой по столу так, что та треснула и содержимое выплеснулось. – Всегда должен быть тот, кто первым произнесёт! Мысли и идеи падают в массы и там варятся. Не сразу, но они сварятся! И после первого всегда придут другие! А первый – да, он погибнет.

– Ты с ума сошла? – строго спросил муж. Подбородок его дрожал от ярости. – Что ты до меня докопалась? Иди и целуйся с этим алкашом! Его вся Канада презирает. Он расист и алкаш!

– И гомофоб?

– Меня это не волнует! Меня волнует только наш моргидж¹, который я плачу, а ты с утра на меня орёшь из-за какого-то мэра! И если хочешь знать – да, он гомофоб, и это мерзость, потому, что люди такими родились, и нельзя их травить! Я не такой, но они мне не мешают. А если бы я был мэром, я бы пошёл на их парад. Делов-то куча! Мне ничего не стоит, а им – радость. И не было бы никаких скандалов.

– Ты пошёл бы? – побледнела Вега.

– А, ну тебя! – яростно рубанул рукой воздух Толик, и побежал в коридор одеваться, выкрикивая на ходу: – Ты надоела мне со своей политикой! Ты живёшь прошлым! Не можешь перестроиться! Ты советская тётка! И мать твоя – тоже! Незачем было ехать в Канаду, если не разделяешь её ценности! Здесь все равны, и никто не имеет права дискриминировать! А Россию ругают – да, ну и что? От неё не убудет. А мэр твой...

Вега далее уже не слышала. Она сидела с прямой спиной и потерянным лицом. Она думала о том, что всегда знала: Толик – чужой человек. Но были в нём хорошие черты: трудолюбивый, ответственный. Дочку любит. Ларису, тёщу, не обижает. Скучный, зануда – это да. Но это же не самое худшее, что может быть в человеке? Да, он трус ещё. Но не в атаку же с ним ходить?

Так она успокаивала себя раньше. А сейчас думалось иначе. «Я потеряла с ним жизнь... Я просидела двадцать лет с ничтожеством». Она вдруг увидела своё изображение в зеркале. Лицо было печальным, а брови – домиком. Можно без грима играть Пьеро.

Она пошла в спальню, включила компьютер, а когда он нагрелся, нашла в Фейсбуке страницу Джеда О'Фаррелла. И стала по-английски писать в «личку»:

«Дорогой Джек! Я русская эмигрантка и хочу сообщить Вам, что в нашей общине Вас очень любят и уважают...»

Вега остановилась и подумала. Да, уважают. Все её знакомые, в отличие от Толика, к мэру относятся хорошо и жалеют его, такого русского по характеру. И газеты русскоязычные о нём хорошо пишут.

«Вы – настоящий. У нас, русских, есть детский рассказ, в котором ребёнок говорит про светлячка: “Он живой и светится”. То есть обычный светлячок – лучше любой дорогой игрушки. Потому, что это живая душа. Так вот у Вас – живая, равнодушная, открытая душа! Вы – смелый человек. И умный. Вы не боитесь в одиночку противостоять. Вы смеётесь в лицо своим трясущимся за посты и репутацию коллегам, вы один победили кучу журналистов. Они смотрят жалко на Вашем фоне. Бегают за Вами, ловят каждый промах. Вы – творите историю города. А они только описывают Ваши дела...»

¹ Выплаты по ипотеке (англ.)

И вдруг в её «личке» стали появляться буквы, слова... Вега широко раскрыла глаза.

– Дорогая Вега, спасибо Вам за поддержку. Мне очень приятно слышать... Мне пишет много людей, которые меня поддерживают, но из русской общины пишете Вы первая.

За несколько секунд, пока Вега думала что ответить, он написал:

– Как dela? – и поставил смайлик.

Вега тоже поставила смайлик и написала:

– Русские любят таких, как Вы. Которые не скрывают мыслей и чувств. Я слежу за Вашей деятельностью уже четвёртый год. Вы – замечательный. Я Вас люблю.

И поставила человечка, держащего в руках своё большое сердце.

О'Фаррелл молчал. Потом появилась строчка:

– Вы красивая женщина.

Вега была так взволнована, что подскочила и прошлась по комнате. Потом закрыла лицо руками. Что за человек! Он пишет это незнакомой женщине и не боится, что она журналистка, или даже журналист-мужчина, который под фальшивым именем пытается спровоцировать мэра на скандальные высказывания. Вега уселась на стул и снова принялась строчить.

– Мы не верим ничему, что про Вас пишут. Вы хорошо всё делаете в городе. Выставляйте свою кандидатуру на следующие выборы. Многие в русской общине – за Вас.

И получила ответ:

– Дорогая, спасибо большое. Я очень рад, что у меня есть поддержка в русской общине. Я люблю вас всех, будем вместе стараться сделать город лучше.

Вега послала мэру всё, что имелось в наличии: цветы, торт, свечи, улыбки, сердечки. Он прислал ей картинку руки с выставленным большим пальцем. Мол, всё путём.

Вега не видела, что когда она писала последние строчки, сзади подошла мать.

– Тот самый? – ахнула Лариса, увидев имя «Джек О'Фаррелл» у дочки в «личке».

– Ага! – радостно кивнула Вега. – Представляешь? Отвечает простым людям. Комплимент мне сделал!

– Ааааа! Он такой классный! – завизжала Вега. – А как ты думаешь, может, стоит навестить его? Ну, скажем, принести в офис корзину цветов от любящих горожан?

Мать смеялась. «Хочешь стать его любовницей?» – спросила.

– Хочу! – заявила Вега. – Ему сорок пять, мне сорок. Баран да ярочка. Хоть обласкаю мужика. Ты знаешь, что его супруга на него в полицию заявление подавала? Что будто бьёт?

– Так и бьёт, поди...

– Нет, он добрый, – мотнула головой Вега. – Я читала статью, там о нём писала женщина, которая лечилась в клинике от алкоголизма, когда он туда слёг. Она писала, что он очень добрый и ласковый с людьми, что он называл её «птичкой», что подолгу разговаривал, без всякой спеси. А он вроде как миллиардер...

– Ну, выглядит, что так... Лицо у него доброе.

– Вот из меня бы мэриша получилась! – мечтала Вега. – Я бы ни слова поперёк ему не сказала, потому, что работа трудная, и все преследуют... Встречала бы, ботинки бы снимала – такому человеку не грех и ботинки снять. Кормила бы, и слушала, и жалела.

– Что-то я не представляю, – хихикнула мать. – Ну... всё прочее... он же двести кило. Это как под танк броситься.

Они расхохотались, а потом стали собираться на работу – в цветочный магазин.

Вега не собиралась в любовницы. Она просто хотела поддержать О'Фаррелла. Она знала, что известные люди часто одиноки при всём том, что вокруг них постоянно водят хоромы. Когда-то давно, ещё в детстве, они с мамой часто слушали радио, и обе очень любили композитора Георгия Свиридова. Мама однажды сказала, что надо бы написать ему о том, какой он замечательный, сообщить, что они, Лариса и её дочка, его всегда слушают и считают лучшим композитором современности. А потом Лариса передумала, потому, что решила: он такой известный, ему рукоплещут концертные залы всего мира, на что ему письмо какой-то преподавательницы провинциального вуза и её маленькой дочки? Стыдно отнимать время у занятого человека...

А позже, когда композитор умер, Лариса и Вега узнали из газет, что его травили в Союзе композиторов, травили настолько, что он писал в своём дневнике: «Я живу один, как пария, ко мне никто не ходит».

Как, наверное, ему были бы приятные письма простых слушателей! Лариса пожалела, что постеснялась написать маэстро.

Потом Вега влюбилась в одноклассника и любила его самозабвенно и отчаянно, но так и не раскрыла своих чувств, хотя по некоторым приметам догадалась, что и она ему нравилась. А потом он разбился на мотоцикле. С тех пор, сделав выводы, Вега старалась, если ей кто-то нравится, говорить человеку об этом. Пока не ушёл. И плевать, что он там подумает. Пусть считает, что она влюбилась, что восторженная дурочка, главное – чтобы ему стало теплее жить.

У них завязалась переписка. Ну как переписка? Вега писала короткие тексты – свои впечатления от скандальных новостей о мэре, шутила, а он не то, чтобы отвечал, но, как она заметила – читал. И всегда присылал короткий, но ласковый ответ.

Нет, она ни за что не стала бы писать, если бы не видела обратной связи и того, что ему интересно. Однажды на проверку пропала. Так в личке у неё через неделю появилось:

– Что случилось?

И Вега продолжила свои записки.

Потом Джед стал отвечать чаще, и его ответы стали длиннее. Тоже шутил. Спрашивал её, как бизнес. Делал комплименты. Сообщил, что выставил свою кандидатуру на выборах (о чём она уже знала), и предложил ей прийти на пикник в парке, который он устраивает для избирателей.

Она постеснялась прийти. Долго раздумывала, потом всё же не пошла. Он там будет в толпе обожателей – таковые у него имелись в изобилии. Газеты даже ехидно называли их «легионом О'Фаррелла». И что, ей пробиваться к нему сквозь толпу? Зачем? Она ему и так всё сказала в «личке». Она ж не «сыриха», чтобы за знаменитостью бегать.

После этого не писала две недели. Не знала, как объяснить, почему не пришла. И получила от него короткую строчку:

– Я соскучился.

Отношения с мужем у Веги вконец испортились. Она перестала его замечать. Толик же обозлился и замолчал. Не разговаривал даже с дочерью. Но Вега не заморачивалась. С ним и раньше говорить не о чем было – разве что о страховках. Толик любил рассуждать о том, что жизнь полна неожиданностей, и половина из них – неприятные. Что от укусов комаров, пауков и других насекомых в мире умирает намного больше людей, чем в результате автоаварий и авиакатастроф. А потому надо соломку подстилать.

– Живя с тобой, хочется купить гроб, – вздыхала Вега.

– Ну да, и обложить его цветами из твоего магазина, – парировал Толик.

Вега на какое-то время перестала читать газеты, так как наступил май – время горячее, когда начинаются свадьбы. В Канаде не знали, что «жениться в мае – век маяться», и всю женились. И нужны были свадебные букеты. Вега с Ларисой каждый день допоздна работали: они не только составляли букеты, но и снабжали свадьбы нарядными чехлами для стульев, скатертями, обвивали беседки гирляндами...

Вега решила повторить здесь красивую церемонию, которая существовала в её родном Томске. Там новобрачным давали мешок с голубями, и они выпускали птиц в парке, у Вечного огня. Голуби улетали, это снимали на видео, было романтично, красиво. Правда, у ног новобрачных оставался мешок с дерьмом: птицы, пока сидели в мешке, боялись, нервничали, и усиленно ходили под себя. А потом улетали, а дерьмо оставалось. Вега думала, что это очень символично. Но новобрачные о плохом не думали и радовались красивому обряду.

Вега наблюдала много свадеб и заметила, что будущую семейную жизнь пары можно предсказать уже по свадьбе. Ну, если знать о ней всё-превсё... Вот свадьба, где невеста сидит расфуфыренная, на пальце обручалка за несколько тысяч, а жених бегаёт как слуга, распоряжается, то и дело песню для неё заказывает и глаз не сводит... Это добрый знак. Хорошо, когда мужчина любит, а женщина позволяет себя любить. Такой брак прочнее.

Плохо, когда на невесте платье, купленное ею же самой, или, что ещё хуже, взятое напрокат. Значит, жених не соизволил потратиться... А там ещё и кольцо самое дешёвое, или тоже самую ею купленное. И бегаёт такая невеста, распоряжается всем и даже фату сняла, так как без неё сподручнее трудиться на собственной свадьбе. А женишок сиднем сидит, красавец.

Кажется, у Островского в какой-то пьесе: «Красивый мужчина женщине дорого обходится». Попашет-попашет на него бабёнка, думает Вега, да и сломаётся – разведётся. А может, до конца жизни будет терпеть за его смазливость. Уже на свадьбе видно, что всё оплачено невестой. Из её нарядной белой сумочки идут деньги музыкантам, её спрашивает менеджер ресторана, не подать ли ещё и супердорогой коньяк...

Вега вздыхает и думает, что у неё Толька хоть на шее не сидел никогда, зарабатывал, зарплату отдавал. А то, что трусоват и скучен – да и ладно. Что уж теперь-то, через двадцать лет жалеть?

Она перестала читать газеты, но по дороге на работу увидела на столбе плакат о том, что в центре города намечается демонстрация против убийства христиан на Ближнем Востоке. Её это тронуло. Она видела страшные фотографии распятых в Сирии людей, окровавленные трупы. Решила пойти. Пусть видят, что и русские переживают за христиан востока.

Утром выходного дня она надела джинсы, куртку – накрапывал дождик, удобные туфли без каблука, положила в сумку российский флаг – одно полотнище, без древка, Владимирскую икону Божьей матери – свою любимую, и поехала на метро в даунтаун. Так удобнее – не надо для машины искать стоянку.

Когда вышла, сразу увидела толпу, человек с тысячу, у здания парламента. Подошла к ней, оглядела. Были в основном арабы, пакистанцы, индийцы. Белые канадцы тоже присутствовали. Вега привязала себе на шею полотнище российского флага – он стал ей как мантия, доставал до земли, и взяла в руки икону. И к ней сразу дружелюбно обратилась белая женщина: «Это украинская икона?»

– Нет, русская, – ответила Вега.

Лицо у женщины вытянулось, и она с холодным видом отвернулась. А Вега сообразила, что неправильно ответила, ведь икона – общая, и пояснила:

– Икона и русская, и украинская. Мы один народ.

Женщина посмотрела на неё ошарашенно и опять отвернулась. Вега подумала, что она, наверное, украинка. Потомок западнцев, которые приехали в Канаду ещё в начале двадцатого века. Дико им, конечно, слышать о русско-украинском единстве.

Тем временем на маленькой сцене, предназначенной для митингов, стояли несколько человек. Все англосаксы. Священники, лидеры каких-то организаций. Одного священника Вега знала по газетам. Это самый известный пастор Канады, мистер Йен Хопкинс. Борец против сексуального образования и абортов. Баптист. У него в интернете многотысячная группа и авторитет среди христиан всей страны.

Он вышел вперёд и поднял руку, призывая к тишине. Все замерли.

Священник начал говорить об ужасах, что творятся в Ираке и Сирии, а затем произнёс:

– Мусульмане! Мы любим вас...

И замер. И толпа замерла. Все вглядывались в себя: а любим ли? Как христиане, должны любить, не должны перекладывать вину террористов на всех мусульман. Но – получается ли? Вега думала об этом же и ощущала укор совести – она не находила в себе любви. Слишком много ужасов показывало телевидение... И хотя понятно, что «ящику» не должно быть полной веры, но всё равно действовало...

Вега почувствовала, что все вокруг думают то же самое и испытывают такую же вину, что не смогли полюбить. Она давно заметила, что когда стоишь в толпе единомышленников – а она в данный момент стояла среди людей, которым небезразлична война на другом конце планеты и которые переживают о жертвах этой войны, среди христиан, таких же, как она сама, – так вот, когда стоишь в толпе единомышленников, абсолютно понятно, что толпа чувствует. Есть некое незримое, но осязаемое поле. Общее. И без всяких слов понятно, одобряет ли толпа выступающих, осуждает ли, возмущена ли или, напротив, обрадована.

И сейчас Вега почувствовала растерянность людей, их минутную подавленность тем, что они не ощущают в своих сердцах любви к тем мусульманам, которые ни в чём не повинны.

– Мусульмане! Мы любим вас, – повторил священник. – Но мы никогда не предадим Господа нашего, Иисуса Христа!

И толпа взорвалась аплодисментами, и выдохнула...

Потом на трибуну выходили разные выступающие, говорили что-то, но Вега отвлеклась. День был пасмурный, накрапывал мелкий дождик, и собравшиеся на митинг выглядели мокро и бедно. Она обратила внимание, что люди одеты плохо. Чёрные и серые куртки и пальто, недорогие джинсы, потрёпанные сумки. Вега поняла, что стоит среди бедняков. Среди почти нищих, которые обладают отзывчивым сердцем.

Вега вдруг будто отделилась от своего тела и с расстояния в несколько метров увидела всех – весь митинг, и себя в том числе. Несчастные люди, не обладающие никакими рычагами власти, работающие на своих маленьких рабочих местах, получающие маленькие деньги и страдающие оттого, что где-то творится зло. Из пятимиллионного города их тут собралось с тысячу. Донкихотов, желающих что-то там показать сильным мира сего... Хотя бы просто пройти с фотографиями жертв. Ей стало больно за них и страшно за мир, в котором на митинг в защиту без вины уничтожаемых ходят только бедные.

– Разрешите? – к ней подошёл высокий, худой чернокожий мужчина в длинном, чёрном плаще. Он указал пальцем на икону. Вега поняла, что он хочет приложиться, и подставила. Он поцеловал уголок иконы, там, где одеяние Богородицы. Перекрестился, сказал «спасибо» и отошёл.

Тем временем Йен Хопкинс призвал всех идти к американскому посольству. И толпа пошла. По тротуару одной из главных улиц города. Впереди шли священники и лидеры общественных организаций. А за ними, чуть ли не приплясывая, народ. Вега пристроилась к лидерам, она видела видеокамеры журналистов, и ей хотелось, чтобы они запечатлели женщину с русской иконой и флагом. Чтобы все сирийцы и иракцы Канады видели – они русским не безразличны. Русские их жалеют.

К ней подскочил журналист с камерой.

– Что означает ваш флаг и икона? Почему вы пришли на демонстрацию? – спросил он, и Вега сказала, что это русский флаг и русская икона, и она пришла потому, что её, как и всю Россию, и Русскую Православную Церковь, волнует судьба христиан Ближнего Востока. Что русские переживают и молятся за то, чтобы зверства прекратились. И Запад должен приложить все усилия для установления мира на этой древней земле.

Журналист отбежал к другим, Вега оглянулась и вдруг застеснялась. За ней шествовала толпа, по виду и поведению напоминающая цыганский табор. Выглянуло солнце, и люди порасстёгивали куртки и пальто. Под ними оказались цветастые рубашки и платья, под платьями ещё и шаровары, и вся эта толпа шествовала, почему-то напевая и приплясывая. Лицом к ним, то есть задом наперёд, как рак, шёл пакистанский религиозный деятель. Священник их. Он что-то диким, рычащим голосом выкрикивал своей пастве. Кричал просто-таки дурниной, а толпа отвечала. Это была какая-то речёвка... Вега подумала, что если бы в её церкви священник так кричал, она бы со страху описалась. Она взглянула на Йена Хопкинса и увидела, что он, не оглядываясь на тех, кого ведёт, улыбается в усы. Слегка опустив голову, скрывая улыбку. Он, видимо, не в первый раз предводительствовал такой демонстрацией и знал, что творится у него за спиной.

Они дошли до американского посольства и встали через дорогу, напротив. Посольство было огорожено высоким забором. Металлические острые прутья. И судя по всему, никого внутри не было. Выходной.

А может, и были. Вега вглядывалась в окна. Там, наверное, есть камеры, которые записывают, что творится вокруг.

Йен Хопкинс снова произнёс речь, а за ним стали выступать разные другие деятели. Это были антивоенные речи. Под конец слова попросил парень с израильским флагом на плечах. Незадолго до этого он сказал Вега, что является христианином, и расспросил, много ли христиан среди советских евреев. Парень попросил у Йена Хопкинса слова в оригинальной манере. Он сказал, что поскольку евреи были первыми христианами, он имеет право закруглить митинг на иврите.

Никто не протестовал. И парень что-то произнёс на своём языке. Короткую речь. Ему захлопали, хотя никто ничего не понял. Хопкинс взял у него микрофон и поблагодарил всех за то, что пришли. Сказал, что Бог видит их равнодушие к страдающим на Ближнем Востоке и вознаграждает за доброту.

Всем стало приятно. Поверили. Расслабились, стали знакомиться друг с другом, образовались кучки, человек по пять-семь. Потом вдруг чернокожий, который целовал икону, громко произнёс:

– Тут рядом госпиталь, в котором лежит Джед О’Фаррелл. Давайте пойдём туда и помолимся за его здоровье!

Вега обомлела. А потом спросила мужчину:

– А что с ним?

– Опухоль мозга. Все газеты писали, – ответил чернокожий, пока люди строились в колонну, чтобы пойти к госпиталю. – Он и кандидатуру свою снял с выборов.

Вега не пошла. Она отправилась домой – расстроенная и растерянная. Когда уходила, чернокожий поблагодарил её: «Спасибо, что вы пришли. Приятно осознавать, что русские – с нами».

Дома Вега перечитала в интернете все городские газеты, которые сообщали, что внезапно у мэра нашли рак мозга, его будут оперировать, но он держится весело, с оптимизмом. В выборах больше не участвует.

– У меня, наверное, паранойя, – сказала Вега матери. – Мне почему-то кажется, что его раком заразили. Есть же такая версия, что это инфекционное заболевание... Уго Чавес вот тоже неудобным был. Они испугались, что О’Фаррелл победит...

– Кто знает, может, и так, – вздохнула мать. – Жаль Джеда. Ведь куча швали всякой живёт, а такой человек...

Она ушла стирать, а Вега открыла папку, где лежали сканированные файлы, и обомлела. Там была засканирована её переписка с мэром. Всё, вплоть до «я соскучился».

Она выскочила на кухню, где Толик ужинал.

– Зачем? – спросила, чувствуя нервную дрожь.

– Денег заработаем, – глупо ухмыльнулся муж. – Ты представляешь фуорор? Идут выборы, а тут появляется инфа, что женатый мэр ухаживает за эмигранткой. За цветочницей. Да ещё и русской. Газеты будут орать про русский след, называть его бабником, а мы получим деньги. Ты понимаешь?

– Я всё стерла!

– А я записал на флэшку.

– Отдай немедленно! – закричала Вега. – Он болен, он снял свою кандидатуру с выборов!

– Да? Не знал. Жаль. Значит, заплатят меньше. Но скандал всё равно состоится.

Толик встал и ушёл. И когда она побежала за ним в спальню, оказалось, что он там закрылся.

– Я не выпущу тебя! – кричала Вега, сидя под дверью. – Ты никуда не пойдёшь!

– Дура, – спокойно отвечал Толик. – Газеты нам столько заплатят, сколько ты и не видела разом. Я, правда, не знаю, сколько просить, но, думаю, сумму всё равно дадут солидную. А то цветочки свои продаёшь и думаешь, что это деньги... А мэру твоему что? Одним скандалом больше, одним меньше...

Вега постелила себе у дверей спальни, в которой спал муж, но утром пропустила тот момент, когда он приоткрыл дверь и, переступив через неё, вышел. Она рванулась за ним в чём была – в пижаме, и догнала у двери. Пыталась выхватить портфель, где думала, находится флэшка. Дочь выскочила из комнаты и смотрела на всё это круглыми глазами.

Анатолий вырвался и, прыгнув в машину, поехал. Вега села в другую машину и рванула за ним. Обратила внимание, что Толик едет в центр – туда, где расположены здания главных газет. Улучив момент, когда на дороге было пустынно, Вега нажала на газ и ударила автомобиль Толика сзади. Несильно, но чтобы он почувствовал удар. Он тоже нажал на газ, чтобы оторваться. Вега снова догнала и снова ударила, уже сильнее. И Толик остановился. Он вышел из машины бледный и спросил:

– Ты с ума сошла? Ты сама будешь обе машины ремонтировать! За свои деньги!

– Буду, – тяжело дыша, отвечала Вега. – Флэшку гони. Я убью тебя, подлеца. Меня посадят, дочь одна останется...

– Да пошла ты! – Толик бросил флэшку на землю, сел в машину и уехал.

Вега подняла её, всё ещё не веря в удачу (а вдруг это другая?), и что есть мочи понеслась домой – проверять, что на ней. Ехала и плакала. Вот козёл! Какой же козёл!

С этого дня она стала стирать свою переписку с Джедом. А там было не так уж много... Она выражала ему сочувствие, писала, что он непременно поправится. Потому, что сильный и ещё не старый. Он отвечал в обычной своей манере – ласково и весело. Потом пропал. Потом написал, что очень плохо себя чувствует.

В газетах же появилась информация, что он идёт на поправку. А через месяц – что рак вернулся.

И Вега поняла, что это конец. И почувствовала, что и он это отчётливо осознал. Она продолжала писать ему ободряющие слова. А он ответил, что нет, мол, я не выздоровею. Но я не расклеился, я приму всё как положено мужчине и христианину. Но жаль оставлять этот мир.

И тогда Вега написала то, что на самом деле думала с самого начала, как только услышала о его болезни. А думала она, что он, конечно, не выздоровеет. Потому, что слишком хорош. А Бог – «он самых лучших выбирает, и дёргает по одному». Праведники не живут долго, писала мэру Вега, потому, что земная жизнь – это испытание. И тот, кто быстро доказал, что он готов жизнь

положить за други своя – солдаты на фронте, или те, кто спасает девушку от хулиганов в тёмной подворотне, или просто добрый человек, который всех жалеет, раздаёт милостыню, – такие не живут долго. Борцы за справедливость, то есть опять же те, кто жертвует собой ради других, тоже уходят рано. А вот самые отъявленные грешники, самые страшные негодяи – те живут дольше всех. Например, военные преступники. Их ведь то и дело то в Канаде находят, то в Аргентине, то в Уругвае... Им под сто лет, а копят землю. А всё почему? Бог до последнего ждёт покаяния.

Джед несколько минут не отвечал, а потом написал: «Пожалуй, я согласен». И попросил: «Приходи к госпиталю, я посмотрю на тебя в окно».

И Вега в назначенное время пришла. В бирюзовом плаще и таких же туфлях на высоком каблуке. С большим букетом чайных роз. Она встала напротив госпиталя и смотрела в окна пятого этажа. В одном из них вскоре увидела его – полного и бледного. Лысого. Помахала ему. Потом подбросила цветы в небо так, что они попадали вокруг. Потом принялась танцевать русский танец, используя вместо платочка салфетку. Упёрла руки в бока, выделявала ногами кренделя, а он стоял и смотрел. Она не могла разглядеть, улыбается или нет. Но старалась, плясала. Даже если смеётся над ней, то пусть. Пусть она выглядит глупо, лишь бы развлечь его...

Когда приехала домой, от Джеда было сообщение:

– Это было бесподобно. Будь счастлива!

Через десять дней газеты сообщили, что мэр скончался.

На похоронах Вега плакала. Она стояла в огромной очереди, где видела и женщин, утирающих слёзы, и мужчин. Кого здесь только не было! Эмигранты со всего света, чёрные и белые, азиаты, коренные канадцы, старики и подростки... Но всё это были – бедные люди или люди среднего достатка. А ведь мэр был богачом. Но любил его лишь простой народ. Чиновников на похоронах не было.

Газеты продолжали злобствовать, с иронией писали о «легионе О'Фаррелла» и выставляли фотографии непременно тех людей, которые смотрелись поплоче. Рабочего вида мужиков в ковбойских сапогах и клетчатых рубашках, татуированных девушек. Всё это должно было убедить читателей, что за гробом шёл «трэш» – мусор. Но люди не обращали внимания на газетные статьи. А потом, целую неделю после похорон, в соцсетях крутилось и крутилось видео, которое все ставили себе на страницы: краснолицый, рыжий толстяк танцует в зале суда, куда его однажды притащили, обвинив в – ни больше, ни меньше – нападении на трансвестита. Доказать нападение не удалось, так как оказалось, что мэр был очень далеко от места происшествия, когда на сексменьшинство напали. Но организаторам иска нужен был не приговор, а шум вокруг мэра...

И вот, О'Фаррелл оправдан, и танцует перед камерами ненавидящих его журналистов. Широкий, с добрым лицом и весёлыми глазами под рыжими бровями. Он взмахивает руками, на которых пальцы, как сосиски, и, одаривая окружающих задорной улыбкой, приплясывая, удаляется. Удивительно легко протискиваясь сквозь узкий дверной проём.

А широкими дверями он никогда и не ходил.

Как апостолы

Полиция пришла утром. Причём, не просто полиция, а Королевская Конная полиция – что-то вроде канадской ФБР. Не на конях, правда, прискакали, а на машине приехали. Евдокия, которая только проснулась и ещё ходила по дому в накинутом на ночнушку халате, непричёсанная и ненакрашенная, была смущена. Настолько, что даже не испугалась. «И не прибрано», – с отчаяньем подумала, по русскому обычаю пригласив вот этих, которые сунули свои удостоверения ей в глаза, в дом.

Это были мужчина и женщина. Они вошли, беспокойно озираясь, как будто это была штаб-квартира Кремля и из-за угла на них могли наброситься псковские десантники или медведи в ушанках со звездой.

– Кто ещё в доме? – спросила женщина.

– Трое детей, собака и кошка. Их позвать? – простодушно спросила Евдокия, думая в этот момент о другом: на столе у неё лежала куча фотографий с форума эмигрантов в Москве. Кто знает, как «пришельцы» это воспримут? Она там с Лавровым на одном фото. Притулилась к нему, и улыбка до ушей.

Мысли метались. Ведь если по-человечески рассуждать: ну и что, что с Лавровым? Посещать форумы эмигрантов в Канаде не запрещается. Свобода передвижения и всё такое прочее... Если туда пришла знаменитость, отчего с ней не сфотографироваться?

Но это по нашей логике, а кто знает, какая логика у Канадской Конной?

Гости попросили запереть собаку в туалете, уселись на диван и задали первый вопрос:

– Расскажите нам, пожалуйста, про форум в Москве. Какие у него были цели, кто приехал туда, что вы там делали?

Евдокия читала, что в некоторых тюрьмах мира демократические их устроители допрашивают арестантов голыми. Такая форма воздействия. Голый человек не настроен к сопротивлению. Он всё время испытывает стыд и думает только о том, как ему прикрыть срамные места. К тому же, как-то глупо быть голым партизаном или голым героем. Смешно как-то. Вот и Евдокия, в ночнушке, с растрепавшимися за ночь волосами, с помятым лицом сорокалетней женщины, чувствовала себя как голый арестант. Запах дорогих духов от полицейской-женщины только усугублял комплексы. Потому Дуся сконфуженно ответила:

– Да ничего особо не делали. Катались на катере по Москве-реке, пили шампанское, ели блины с икрой. В России, знаете ли, такое гостеприимство...

– Цели форума...

– Россия готовится к выборам. Собрали руководителей эмигрантских общественных организаций, чтобы те оповестили народ о выборах и подтолкнули граждан России, проживающих за рубежом, к участию.

Евдокия не могла понять интереса к этому событию. Россия с недавних пор стала пытаться объединить соотечественников за рубежом. Тратила на это большие деньги. Но получалось не ахти. Потому, что приглашали кого попало. Эмигрантов, от которых ничего не зависело. Нет бы приглашать руководителей хорошо настроенных к России СМИ – те бы потом могли хоть к чему-то призвать эмигрантов или пиарить русскую культуру в своих газетах и программах. Или бы московские чиновники выяснили, кто действительно является активистом в русских общинах, кто проводит парады Бессмертного полка, ведёт за собой массы. Нет, приглашают чьих-то родственников, знакомых, которые пьют, едят задарма, живут в шикарных гостиницах на

российские деньги, а потом возвращаются за границу и никакого выхлопа от них нет. Так это ещё хорошо, если нет выхлопа. А то Дуся как-то слышала за спиной от двух делегатов-эмигрантов, как они переговаривались меж собой: «И когда они уже Путина скинут?» Имелось в виду, россияне.

Потом эти два товарища сняли телепередачу по итогам форума. Показали её по ТВ в своей жаркой стране. Один из них, пожилой и морщинистый как шарпей, сидел в расстёгнутой чуть ли не до пупа рубашке, из которой торчали седыми пучками длинные кудрявые волосы, и важно роняя слова, критиковал российских журналистов за плохой русский язык. Дескать, очень его поразило в России, какие непрофессиональные там журналисты. При этом он постоянно употреблял лагерные слова – «нагнули», «прогнулся», «подставился».

Но не говорить же Канадской Конной, что все эти мероприятия, при том, что цели у них мирные и чудные, превращаются в пиры для эмигрантов за счёт российских налогоплательщиков? Евдокия была не из тех, кто критикует Родину перед иностранцами.

– Какие суммы ваша организация переводит в Россию и для чего? – было следующим вопросом.

Дуся поразились. Никаких денег возглавляемая ею организация «Союз русских эмигрантов Канады» в Россию не переводила. И не получала оттуда ничего. Всевозможные российские фонды только обещали деньги, но ничего не давали. Так что у них в «Союзе» все работали на голом энтузиазме.

А что делали? Проводили митинги за Донбасс и против того, чтобы Канада давала Украине, воюющей против собственного народа, деньги. Писали письма на английском языке канадским депутатам в разгар боевых действий в Донбассе, рассказывая, как на самом деле там обстоят дела, и призывая повлиять на власть, чтобы она не поддерживала режим Порошенко. Писали комментарии к статьям в канадских англоязычных газетах, просвещая канадцев на ту же тему. Собирали деньги и вещи для детдомов и больниц Донбасса. Для ополченцев не собирали, так как хоть они и не признаны официально Канадой террористами, но всё же в «органах» могут счесть, что русские эмигранты спонсируют «незаконные вооружённые формирования». Потому деньги посылали исключительно в больницы Донецка и Луганска. А что там купят на них главврач – инсулин или берцы – эмигранты за то не в ответе.

Хотя украинская община в это время в открытую собирала деньги на АТО. Но то украинская – любимая канадским правительством за свою избирательскую многочисленность. Она имеет влияние на выборы в стране, так как украинцев тех больше мультон, а русских, наверное, полмиллиона, и на них пока канадские политики на выборах не оглядываются. Но не только многочисленность украинцев имеет значение. За век жизни в Канаде они проникли во все структуры – армию, правительство, банки. И шуруют там на своё благо. Даже заместитель премьер-министра страны украинка. Внучка редактора нацистской газеты.

Полицейские сидели и вопросительно смотрели на Дусю. И её взяла злость. В Канаде вообще-то не принято приходить без уведомления. К ним самим, когда они не умывались ещё, никто не вваливается. В стране действует Украинский конгресс, Еврейский конгресс и ещё целая куча этнических организаций, и что, ко всем сегодня пришли узнать кто, куда и зачем ездил?

– А знаете что? Давайте мы поступим иначе, – предложила Дуся. – Вы пришлётте мне официальное приглашение на допрос, предоставите социального адвоката, а также переводчика, а я приду к вам на допрос со своим адвокатом.

– Но почему? Почему вы не хотите отвечать у вас дома? – заговорили враз оба посетителя. – И зачем вам переводчик? Вы прекрасно говорите по-английски.

– Мой дом не предназначен для допросов, – пояснила Евдокия. – А переводчик мне нужен для того, чтобы у нас с вами не вышло недопонимания. У нас настолько разная ментальность, что я говорю одно, а вы можете понять совершенно иначе..

Она подошла к двери и приоткрыла её, сделав приглашающий выйти жест.

– Хорошо, – ответили ей. – Мы пришлём официальное приглашение.

Дуся проследила через жалюзи, что они уехали, и вдруг её стало трясти. Испуг пришёл только сейчас. У неё трое детей, она с таким трудом получила в начале девяностых вид на жительство, они столько пережили всей семьёй в период адаптации, и вот нате. Она – враг народа. Или как ещё понимать этот визит? И ведь написала какая-то паскуда донос..

Доносы в общине начали писать в 2014-15 годах. Дуся знала, кто, это было очевидно. Потому что до того как писать, они звонили. Звонили в банковский офис, в котором она работала. Говорили, что финансовый консультант Евдокия Апухтина привечает у себя террористов. Прямо в офисе банка. Поит их чаем и куёт вместе с ними планы по убийству лидеров Северной Америки и устройству терактов на территории континента.

Менеджер банка, господин Рэнстон, был в совершеннейшем обалдении от новости. Он, конечно, не поверил и посмеялся вместе с Дусей над этим звонком. Но ей было не смешно. В офис звонила журналистка, которую она лично знала. (Ну, как журналистка? Не настоящая, конечно, а как многие в эмиграции – вдруг поверившая в свой литературный дар тётя-мотя. До эмиграции она отплясывала канкан в варьете Москвы, а теперь мучила радиослушателей грубым голосом и ещё более грубой манерой поведения. «Журналистка» была ярая замайданница и русофобка).

Дуся была знакома с этой дамочкой. Конечно, дружеских отношений у неё, любящей Россию каждым своим нервным корешком, с такими людьми быть не могло. Но они здоровались при встрече и ни в каких баталиях не сталкивались. Было, что дамочка брала у Евдокии интервью по поводу организованного «Союзом русских эмигрантов Канады» Русского Бала. И вполне хорошо поговорили..

Дуся была поражена тогда, как много пошло доносов на русских активистов. В интернете размещались воззвания на русском и английском языке: «Обращаем внимание канадских правоохранительных органов на русские организации, которые стремятся подорвать благополучие нашего демократического государства. Агенты влияния... рука Кремля... несопоставимо с нашими канадскими ценностями... требуем немедленной депортации... А руководит всем этим...»

Подписей под доносами, разумеется, не было. Ставили что-то типа «Лига противодействия тоталитаризму в России».

Тут же, в этих доносах, руководители русских организаций и наиболее видные их активисты обвинялись в национализме, шовинизме, антисемитизме и прочих «измах».

Но и евреям-«ватникам» тоже доставалось. Про Исаака Лернера, прошедшего несколько демонстраций против киевского режима, писали: «И он, будущи евреем, в Пуриим плясал кадрили под лестницей российского посольства!»

Дуся не смогла сдерживать смеха, когда прочитала это. Под лестницей в российском посольстве были туалеты. Было бы странно, если бы Лернер, проживающий в Торонто, приехал в Оттаву в Пурим, чтобы сплясать перед туалетами в российском посольстве. Но писаки-русофобы не гнушались ничем, потому что их целью не была правда. Целью было – подорвать репутацию активистов русской общины любым путём, отомстить «вате» со всех сторон. Если ты русский, пусть тебя сторонятся как шовиниста, если еврей, пусть от тебя бегут собратья как от отступника. Если ты финансовый консультант, пусть тебя вышвырнут из банка, а коли ты владелец магазина – оповестим о твоих выдуманных грехах как можно больше покупателей.

Дуся сходила наверх, на второй этаж, и с чувством удовлетворения убедилась, что дети спали. Каникулы. Сын и две дочери были подростками, заканчивали школу.

Евдокия посмотрела на них, спящих, и подумала, что своей общественной деятельностью, возможно, вредит им. Кто знает, может быть, то, что их мать так любит Россию, снимается с Лавровым и размещает в Фейсбуке положительные посты о Путине, не даст детям занять государственные должности в Канаде или негласно лишит их права «быть избранными»? Никто из детей в канадские депутаты не стремился, но если вдруг начнёт стремиться, вероятно, «органы» вспомнят их мамашу – пионерку-партизанку.

Однажды Дуся сходила на собрание «Любителей истории СССР». Как ни странно, есть в Канаде такое общество. Сходила из любопытства, прихватив с собой мужа Анатолия. Толик в то время работал компьютерщиком в крупном канадском издательстве и был на хорошем счету. Ему обещали повышение.

А вскоре после Дусино с супругом похода к любителям истории СССР, среди которых были какие-то нищие чернокожие старушки и полоумные белые троцкисты в чёрных фуражках а-ля Лейба Бронштейн, Анатолия уволили. Как принято в Канаде – без объявления войны. Подошли, попросили собрать манатки, проследили, чтобы собрал, и вывели чуть ли не под руки.

Конечно, может быть, эти события и не связаны меж собой... Но вспомнилось вдруг Дусе, что руководитель «Любителей истории», правнук революционерки-садистки, седой старикан, провожая её, тихо сказал по-английски: «Евдокия, не будь хорошей, будь осторожной».

По-русски он не говорил, а только по-английски и почему-то по-румынски.

Дуся всегда нравилась старикам потому, что и они ей нравились. Апухтина выросла на Кавказе и впитала с молоком матери уважение к старости. Где бы она ни была, первым делом заботилась о стариках. На Русских Балах рассаживала их, а не политиков и спонсоров, на лучшие места. В первую очередь еда подавалась им. И она видела, как лучились глаза пенсионеров, на неё обращённые. Вот и этот увидел в ней искреннее к нему внимание и уважение (в конце концов, правнуки за прабабок не отвечают), и счёл нужным предупредить.

...Евдокия налила себе чай с жасмином – полюбила его, ещё когда работала официанткой в китайском ресторане, сразу после приезда в Канаду, и закручинилась.

Полиция приходила уже ко всем активистам её организации. А, спрашивается, почему? Нет, конечно, имеют право. Наверное, вот этим тотальным контролем и достигается безопасность государства, но ведь русские не делали ничего противоправного. Митинги проводили только с разрешения мэрии.

Ходили мирно, никого не трогая. Слова на транспарантах были выверены по букве закона. Никаких призывов к экстремизму, исключительно просьбы и пацифистские лозунги: «Русская Канада против фашизма на Украине!», «Нет войне! Донбасс, мы с тобой», «Одесса, скорее, гони Бандеру в шею!», «Канадские налогоплательщики против траты денег на войну на Украине!»

Однажды какой-то проходящий мимо канадский студент спросил: «Вы русские? Вы ненавидите украинцев?», и как же все к нему бросились уверять, что нет, мы, дескать, любим украинцев (при этом многие били себя в грудь и кричали: «Я сам из Киева», «а я из Харькова»), мы просто против фашизма и войны, а также против поддержки переворотов в других государствах. Доказывали, что Канада портит свой имидж миролюбивой страны, что в ней самой проблем масса, так не лучше ли ими заняться, чем бегать по планете с демократизатором?

– Мы любим Украину и украинцев, – божились русские эмигранты, и Дуся знала, что они не лгут.

Вся ненависть «ваты» к украинцам – бутафорская декорация. Как потёмкинские деревни. Она прикрывает собой поруганную любовь. Потому, что русские всегда любили украинцев, и любят, и не перестанут любить. Можно обижаться на брата, можно поражаться его ослепленной подлости, его неожиданной жестокости, но разлюбить того, кого ты купал в тазике, когда он был мал, кого ты кормил из ложечки, и кто так ласково и преданно обвивал твою шею ручонками, невозможно. Он заносит меч над тобой, а ты видишь родные глаза, родные руки, и всё ваше общее чумазое, но счастливое детство проносится перед глазами. Ты отталкиваешь его, ты перехватываешь меч, ты вяжешь его, то ли пьяного, то ли одержимого, ты вызываешь бригаду психиатров, но Боже, как болит душа!.. Как болит душа и как горячи слёзы обиды, как хочется, чтобы всё прошло словно дурной сон...

Но сон не проходит, и ты кричишь: «Будь ты проклят... Ты всех нас предал... Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи?», а он, как Кай из сказки про Снежную королеву, не слышит тебя и не видит. Попавший в его глаз осколок кривого зеркала исказил твой образ. Ты говоришь «люблю», он слышит «ненавижу», ты пытаешься обнять, а он видит, как ты достаёшь из кармана заточку.

А всё тролли со своим зеркалом, будь они неладны...

И в Дусиной организации ребята часто кричат: «Не простим!», «Украины и украинцев для нас больше не существует». Но Дуся знает, что это ложь. Даже с чеченцами, которые русским по крови не братья, и по культуре не братья, и по вере не братья, примирились. А уж украинцев не просто простят, а снова сольются две славянские реки в одну и будут крепче, чем прежде. Но, конечно, Украинскую войну никто не забудет. Эту подлую, эту искусственно созданную войну. И памятники героям – вовсе не тем, которым «слава», – будут стоять по всей территории южного предела России, именуемого ныне окраиной.

Раздался телефонный звонок.

– К тебе приходили? – спросила Наталья, руководитель танцевального ансамбля «Павушки». – У меня только что были. Меня всю трясёт...

– Не дрейфь, мы ничего такого не делаем, – стала её утешать Евдокия. – Нам нечего бояться. Ты на вопросы отвечала?

И час они обсуждали, кто и что сказал, да как. Наталью спрашивали про то же самое – зачем ездила в Россию, с кем встречалась, видела ли лично

Путина (этот вопрос её поразил в самое сердце, заодно насмешив) и шлёт ли туда деньги. Она тут же пожаловалась, что денег у неё и для себя нет, не то, что для России, что в её ансамбле все «павушки» сами шьют себе русские наряды, скинулись на покупку аппаратуры, за концерты им никто не платит, и пляшут они просто для души, а работают кто кем – кассиром в магазине, секретаршей в офисе врача, уборщицей офисов и так далее. Наталья даже потребовала от полицейских поспособствовать в получении гранта. «А то всякие русофобы берут у Канады деньги на развитие русской культуры, а сами на эти гранты выпускают полные лжи газеты и отдыхают в Доминикане!».

– Короче, ты вставила стражам порядка пистон, – нервно хохотала Дуся.

– А чё? – храбрилась Наталья. – Пусть знают, как мы тут живём. Ишь ты, деньги мы в Россию посылаем! Какие такие деньги, когда в Канаде второй раз кризис? И, между прочим, из стран G-7 только у нас тут кризис второй раз! А безработица какая? Растёт! Я им всё сказала, цифры привела. Упрекнула безработицей в Альберте...

Дуся хохотала, но внутренне восхищалась. Бабоньки ей в организацию достались неопикуемой внутренней силы и красоты. Уехавшие в девяностые за границу славянки – кто замуж, кто просто подзаработать, да оставшиеся там (родили детей от местных жителей, и дверка в Россию захлопнулась), не будучи артистками, из любви к Родине и желания ей подсобить, в эмиграции вдруг запели народные песни да заплясали, да пооткрывали театры и школы обучения русскому языку, и всё это делали на голом энтузиазме, по вечерам и выходным, днём работая во вполне земных организациях и уставая, так как не девочки уже...

В переломные для русской общины 2014-15 годы они по ночам рисовали антивоенные плакаты – чтобы утром выйти с ними на демонстрацию, они шили стометровые Георгиевские ленты, пекли сотни блинов на Масленицу (пропаганда русской культуры – идём к сердцам через желудки), наклеивали на доски с палочками портреты фронтовиков и шли колоннами, демонстрируя всем, что была такая славная Победа и к ней причастны именно русские...

Эти бабоньки вдували в уши своим иностранным мужьям, как велика их, русских женщин, далёкая снежная Родина, как справедлива, как непобедима и как чиста... В ней, – кричали в уши этих самых мужей бабоньки, – женятся мужчины и женщины, в ней в церквях не проводят собачьих свадеб, в ней в школах дети учат не про анальный секс, а про князя Михаила Черниговского, который был замучен в Орде за то, что не поклонился идолам поганым...

В эти годы Евдокия отчётливо увидела, КТО писал в тридцатые годы доносы и КТО был партизаном в Великую Отечественную. Доносы писали те же самые, что и сейчас пишут. Просто изменились формулировки. Тогда доносчики выставляли себя коммунистами, а оппонентов – контрой. Сейчас эта же самая публика, сменившая самоназвание с большевиков на демократов, точно так же клеймит всех, кто ей сопротивляется, выставляя их уже русскими националистами и исламскими террористами. Это новое название для контры. В семьях доносчиков писали деды, отцы, и теперь пишет третье-четвёртое поколение. Традиция. Причём, они же одновременно, второй рукой, пишут статьи в газеты, обличая Сталина и уличая народ России в том, что вот именно он весь и является доносчиком и сам себя высек. Потому, что завистник, раб и пьяница. А сами они-де, с боку припёка, интеллигенция высочайшей души и необыкновенного интеллекта.

А партизанами во Вторую мировую были вот такие Дуси и Натальи. Плюс Тамары Ратьевы. Это ещё одна активистка русской общины. Евдокия позволила ей, и та сказала, что к ней пока не приходили.

– Да пусть приходят! Делов-то! Я им скажу, что мы никакие не террористы и не агенты Кремля, а просто люди, которые любят свою Родину. И когда мы иммигрировали в Канаду, нам не предлагали от России отречься, и все, кто здесь живёт – украинцы, итальянцы, китайцы, арабы – любят свою родину и помогают ей, а почему нам нельзя?

Тамаре шестьдесят два года, и она – настоящая русская красавица. Правильные черты лица, умные и всё понимающие синие глаза, ржаные длинные волосы забраны в низкую «шишку», на плечах обычно оренбургский платок. Выражение лица – спокойно-сердечное. На Тамару хочется смотреть и смотреть, хоть и немолода. Евдокия, глядя на Ратьеву, всегда думает, что вот если женщина была красива в молодости, то и в старости это видно. А то некоторые бьют себя в грудь, будто в юности были красавицами, а следа не найдёшь.

Ратьева прожила в Канаде двадцать лет. Русская эмигрантка с Украины. Уехала оттуда, когда в Незалежной начались антирусские закидоны. Преподавала в университете, писала научную работу, и вдруг сказали, что работу нужно писать по-английски, а преподавать – на украинском. Тамара знала оба этих языка, но ей не обосновали, отчего нужно позабыть русский язык. И она отказалась участвовать в «балагане», как она назвала новшества.

– Всё, что случилось в 2014-м на Украине, родилось не в одночасье, – рассказывала она Дусе. – Помню, был у нас в университете приятный парень лет тридцати. Я с ним почти дружила. И каким же обухом по голове было для меня, когда он сказал: «Я бы москалей перестрелял всех, если бы у меня ружьё было». А ещё старушка у нас одна преподавала, я её очень уважала, в гости к ней ходила, и тоже из неё в годы «обретения независимости» полезло. Сказала мне, что русские хороши, когда лежат на три метра в земле... Российского гражданства у меня не было, у нас многие тогда подавали документы на эмиграцию в Канаду и довольно быстро получали желаемое. Я тоже подала. Невсерьёз даже, а так... вдруг дадут, и поеду, заработаю... А мне взяли да и прислали вид на жительство.

Ратьева слывет неустрашимой. Всегда идёт впереди всех демонстраций, и ни очки не надевает, ни плакатом не загораживается. Весь вид её – Родина-мать. Её любят все, и она любит всех. Причём и на работе в канадской компании, где она дослужилась до менеджера, её тоже любили. Честный человек всякому приятен – он даёт надежду, что мир спасётся. Сейчас вышла на пенсию и недавно съездила в паломническую поездку на Валаам. Рассказывала на собрании «Союза русских эмигрантов Канады» о своём вояже:

– Там всюду идёт строительство, мостят тротуары, новые храмы открывают... Буквально на каждом шагу храмы... Везли нас на туристическом автобусе, остановились в какой-то глуши в туалет сходить, так туалет – такого в Европе не найдёшь. Плитка блестит, краны диковинные – с цветной подсветкой... По городу идёшь – красота несказанная: и дома красивые, и цветы кругом развешаны в изящных корзинах, на земле ни окурка, ни бумажки... Поднимается Россия, не сломили её окаянные. Всё, всё в ней мило и прекрасно!

Эмигранты слушали, кивали. Все ездят и видят, как меняется страна. Кому-то в России не видно, а издали всё замечаешь, самую даже малость: водители стали пешеходов пропускать, на улицах и в общественном транспорте нет былого хамства, в ресторанах расторопно и вежливо обслуживают,

детишки идут хорошо одетые, подтянутые, в парках установлены тренажёры для того, чтобы народ спортом занимался, и вокруг них молодёжь вьётся. А в театрах что творится? Аншлаг, причём много там молодых зрителей – девчонки пришли стайками, на высоких каблуках, парни в классических костюмах.

Радовались души эмигрантские и плакали от счастья видеть Родину восставшей из пепла. А русофобы шипели со страниц Фейсбука и эмигрантских газет: «Вы – крысы, сбежавшие с корабля», и кричали: «Чемодан-вокзал-Россия», но если поначалу это оскорбляло славянскую волну – эмиграцию девяностых годов, то потом на шипение перестали обращать внимание. Слали гуманитарку в Россию, орала за неё на всех углах и клала с прицепом на то, кто что по этому поводу думает.

Евдокия всё же, узрев однажды на одном из русских пикников священника, отвела его в сторонку и спросила наболевшее:

– Грех это – что мы Россию покинули, или нет? Что вы скажете? Мы же тогда, когда уезжали, ничем ей помочь не могли. Нам зарплаты не платили, жить не на что было, а криминал какой был – моему мужу угрожали сына похитить, если не поделится с рэкето́м. Мы спасались, но ни разу свою страну не охажали за границей и всем рты затыкали, кто из предыдущих волн эмиграции пытался её охаять... Мы ни разу не предали, а ироды эти прут на нас, щиплют, попрекая. Правы они?

Батюшка ответил не сразу, а подумал, сахар в чай положил, размешал и тихо, но уверенно сказал:

– Господь дал людям дом. А самым сильным дал посох. И сказал: «Свидетельствуйте!». И пошли апостолы по миру свидетельствовать... Если бы они не разбрелись по Земле, как бы люди узнали Слово Божие? Вот и вы... Как апостолы... Вы же свидетельствуете?

– Ещё как! – вспыхнула Евдокия. – Беспре́станно.

– Вот и свидетельствуйте. И ни о чём не беспокойтесь. Не бойтесь ничего. Бог боязливых не любит.

... Сейчас, после визита Королевской Конной, Евдокия вспомнила эти слова. «Бог боязливых не любит», – повторила про себя, и вдруг стало на душе светло и радостно.

И что её бояться, эту полицию? Сейчас вот прошлись по русским активистам, убедились, что это просто люди – с семьями, с работой, с ипотечными выплатами, а никакие не террористы, и посрамлены будут доносчики. И никто им больше не поверит. А вызовут в полицию, так отчего не сходить, не прочесть там курс всемирной истории? В Канаде в школах историю учат всё больше свою, а всемирную почти не изучают. И результат налицо. Однажды Дуся ходила в кинотеатр смотреть фильм «Мария-Антуанетта». Картина заканчивалась сценой ареста короля и королевы. После этого были титры, и зажгётся свет. Дуся услышала сзади разочарованное восклицание на английском: «Ну и что это за конец? А что с ними дальше-то?»

Так вот, отчего не пойти в полицию, не продемонстрировать свой новый костюм, страшно дорогой и купленный в ГУМе (всё же стыдно было за свой неприбранный вид), и не рассказать хотя бы историю появления Крыма в составе Российской империи?

Но никакого письма с приглашением на допрос она так и не получила.

Два рассказа

Подарок из санатория

В свои ещё очень молодые годы Орехов стал довольно известным писателем. Его произведения охотно печатали маститые журналы, несколько пьес не сходили с афиш многих театров страны, причём о некоторых постановках в уважаемых провинциальных театрах хорошие отзывы печатали даже столичные газеты. Проза Орехова раскупалась в видных книжных магазинах как-то незаметно и быстро.

Когда читатели (чаще, правда, читательницы) настойчиво пытались приобрести такие романы Орехова, как «Меня, наконец, выпустили» и «Я очень соскучился», серию рассказов «Тюльпаны распускаются», «Ирэн», «Пусть дом построит архитектор», продавцы улыбались, извинялись и разводили руками...

– Были, были, но очень быстро разошлись.

– А новый тираж предвидится? – спрашивали наиболее настойчивые.

– К сожалению, не знаем, – отвечали в магазине. – Хотя мы бы явно не отказались. Владимир Петрович идёт хорошо, продаётся успешно.

Но на какое-то время Орехов примолк. Конечно, в библиотеках на полках его книги стояли, их иногда спрашивали, но чаще его произведениями интересовались пенсионеры, получив рекомендацию от своих детей. Оно и понятно. Большие библиотеки находились в центре города, далеко, а соседние хранилища спальных районов открывались ближе к середине дня и из-за установленного регламента к моменту возвращения основной массы работающих горожан уже закрывались. Почему-то считалось, что в выходные дни (субботы и воскресенья) народ в библиотеки не затанеш, поэтому совершенно официально в эти дни очаги культуры также были закрыты.

Путь Орехова в литературу оказался непростым. Его отец и мать были «технарями» и только

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

это занятие считали достойным для своего единственного отпрыска. Семья жила недалеко от Курского вокзала, и поэтому весь день и ночь в раскрытые окна были слышны объявления об отправке электричек с перечислением станций назначения, остановок и тех, которые электропоезда проскочат. Так же хорошо в окна отзывались указания о далёких городах южного, нижегородского и белорусского направлений. По ночам часто были слышны гудки маневровых тепловозов, пыхтение «паровозов-овечек» и пронзительные свистки сцепщиков, формирующих составы.

Володя учился в одной из лучших городских школ, располагавшейся в Большом Казённом переулке. Он, как правило, переходил из класса в класс с почётными грамотами и подарками за хорошую учёбу. А ещё Владимир был одарён талантом художника. Мало того, что он с большим вкусом писал маслом и акварелью, умел соорудить подходящую раму для пейзажа, портрета или оригинального плаката, он ещё с большим старанием, любовью и вкусом оформлял общешкольную стенгазету, делал декорации к школьным вечерам и спектаклям и с едкой сатирической остротой рисовал карикатуры на всякие школьные нелепости, отдельных колоритных школьных учителей и учеников, а особенно удачно – на только что появившихся в школе девочек (в результате упразднения существовавших ранее отдельно мужских и женских школ). Кроме того, Владимир всю жизнь был коллекционером. Он собирал марки, спичечные этикетки, книги по искусству, фотографии актрис и актёров, географические атласы и карты, умные книги на исторические и политические темы и, конечно, все сведения о своей любимой команде мастеров, футболки которых были украшены красиво начертанной буквой «Д».

Володины родители довольно легко убедили сына поступать в МИИТ, а преимущества выбора специальности «электрификация железных дорог» ощущались молодым человеком просто изнутри. Конечно, эта специальность для нашей страны имела особое будущее, поэтому можно было стать хорошим инженером, а при правильном понимании сути специальности, тяги к ней и её секретам можно было окунуться в интереснейшие научные исследования по самым разным, даже непредсказуемым направлениям. А тяга к путешествиям, желание побывать в самых разных уголках страны от Мурманска до Феодосии, от Бреста до Владивостока, возможность своими глазами увидеть красоты Урала и Сибири, Кавказа и Крыма, Средней Азии и Алтая, Причерноморья, Каспия, Байкала, Тихоокеанского региона. Тут от одного перечисления красот и своеобразия регионов голова закружится! Ну и, конечно, важным аргументом выступали полагающиеся железнодорожнику документы, позволяющие совершать даже тысячекилометровые передвижения не за счёт собственной стипендии или денег, пожертвованных студенту мамой и папой.

Владимир спокойно и ровно сдал приёмные экзамены, набрал необходимую проходную сумму баллов и был зачислен в эту замечательную особую гущу молодёжи, которая называется студенчеством. Примерно год Орехов перестраивался из ритма школьной жизни, понимая, что за кажущейся свободой и почти бесконтрольностью учебного процесса институт предъявит достаточно жёсткие требования и к концу семестра, и во время сессии. На примере студентов с других факультетов и старшекурсников своего Владимир, как и другие его друзья, уже знал, каким жёстким, твёрдым и решительно карающим лентяев, прогульщиков и неуспевающих мог выступать деканат. Экссессы другого свойства (неуважение преподавателя и пререкания с ним,

хулиганство, сквернословие, драки, нечистоплотность в денежных делах, обман одиноких девчонок) практически всегда заканчивались отчислением из института, а потому случались очень и очень редко и ни одним из студентов не забывались до самого последнего дня учёбы.

И зимнюю, и весенне-летнюю сессии Орехов выдержал, хотя состояние напряжения ещё преследовало его, как почти каждого молодого студента.

А вот настоящая студенческая жизнь закипела со второго курса.

Тесное общение с группой и курсом быстро выдвинуло Владимира в число интересных, заметных студентов, с которыми было легко общаться, обсуждать новые книги, фильмы и театральные постановки, устраивать остроумные вечеринки, рассказывать весёлые истории и анекдоты про известных людей и даже пробовать создавать капустники и сатирические спектакли про жизнь своего института и московского студенчества в целом. В Москве как-то сразу в этом отношении прославились авиационный, архитектурный, строительный институты, два медицинских, а несколько позже внимание студентов захватил университет с его прекрасным студенческим театром, хором и вокальной студией, кружком по изучению системы К.С. Станиславского, известной и привлекательной студией скульптуры и живописи.

Замыслы и идеи требовали общения, обсуждения, споров, объединения усилий, раскованного и свободного перемещения молодёжи из технической среды в творческую и наоборот. К тому же «технари» и «естественники» по особенностям обучения в своих вузах и быстро приобретаемому настоящему жизненному опыту зачастую явно опережали творческую элиту литературного института, факультета журналистики университета, многих школьных студий при известных театрах. Именно в то время родилось противопоставление «физиков» и «лириков», и первые относились ко вторым несколько свысока, с юмором. Так углублённый большим опытом старший брат позволяет себе слегка высмеивать младшего, вспоминая точно такие свои поступки и ошибки (только на несколько лет ранее).

Владимира захватила эта бурная жизнь, и как-то незаметно она стала ему дорога и серьёзна. Почти незаметно для себя он перестал вести дневник и попробовал писать рассказы. И надо же было случиться такому, что первые рассказы Орехова не забраковали и не отвергли. Какая же это невысказанная радость для молодого автора! Рассказать об этом трудно, это надо пережить самому.

А далее события развивались ещё более стремительно. Орехова познакомили с одним из студентов старшего курса литературного института, который вышел в жизнь из сельской сибирской глубинки, служил танкистом в Белоруссии, затем работал на строительстве одной из крупных гидроэлектростанций, потом пошёл по комсомольской линии, начал писать в местную газету заметки, статьи, очерки, рассказы и, в конце концов, добился направления на учёбу в Литературный институт в Москву. Именно с этим человеком в горячих спорах, иногда с полной идеологической непримиримостью, в обсуждении мельчайших фактов, выраставших в судьбу, Орехову удалось стать полноценным соавтором двух пьес, которые поставили, заметили, и которые пошли затем по периферийным театрам России, приковывая внимание чуткого, заинтересованного зрителя. Так в свои неполные двадцать два года Орехов стал известным литератором и уже ни о какой другой профессии всерьёз и не помышлял.

Но это был ещё только первый шок, который предстояло пережить родителям. Сказать по правде, Владимир Петрович не был обделён вниманием девушек и женщин. Но всё это ограничивалось домашними вечеринками с коллегами, праздничными встречами с бывшими школьными друзьями, поездками на несколько дней на дачу или на рыбалку. Серьёзный роман у него случился только с одной очень красивой женщиной, которая вела в его группе английский язык. Она сама задержала его после экзамена и вручила незаклеенный конверт с письмом, в котором признавалась ему в любви. Муж её был в долгосрочной командировке, а женщина, не имея детей, близких родственников, закадычных друзей, истосковалась одна в трёхкомнатной квартире без заботы, внимания и ласки зрелого мужчины, к которому ей тоже хотелось проявлять заботу, но ждать в ответ пылкого и страстного продолжения в ситуации «с глаза на глаз».

А потом с Владимиром случилось вот что. На просмотре одной из премьер, Орехова, уже известного в театральной среде драматурга, познакомили с двенадцатилетней талантливой и перспективной студенткой школы-студии одного из главных театров страны. Мало того, что её уже ввели во второй состав двух лучших спектаклей этого театра, где на сцене она на равных общалась с самыми лучшими актёрами, которых из уважения к таланту, опыту и беспроявляемому успеху ласково называли «стариками», так ещё стало известно, что её пригласили сниматься в главной роли в фильме, что по этическим установкам этого театра было просто беспрецедентным.

Владимир без промаха и осечки оказался в то самое время и в том самом месте, когда решался вопрос, куда после премьеры едет Галина.

– Домой, только домой, – устало заверещала она, когда Владимир картинно открыл перед нею заднюю дверцу такси.

– Вам куда? – любезно осведомился таксист.

– На Дербенёвскую улицу, – несколько расстроено сказала Галина.

– А это где? – в полном неведении поинтересовался шофёр.

– Я покажу, – тоном знатока ответил Владимир. – Я знаю этот район.

Через две недели Владимир и Галина уверенно поженились.

Нужно быть честным и правдивым. Галина была чудо как хороша! У неё были завораживающие волнистые развевающиеся волосы золотистого оттенка, внимательные оригинального разреза большие серо-голубые глаза, крутого разлёта тёмно-серые брови, длинные с красивым изгибом густые ресницы, изысканно прямой нос с маленькой горбинкой, с красивым очертанием губ аккуратный рот и прелестные ямочки на щеках, когда она озорно улыбалась и безуспешно пыталась спрятать плясавшие в глазах чёртики. Когда же она задумывалась, то принимала такой глубокий, проникновенный вид! Любой фотохудожник при одном взгляде на неё сразу же улавливал её природную естественность и фотогеничность.

А какая у неё была лёгкая грациозная походка, как щедро природа одарила её всеми изысками фигуры и подлинной женской привлекательности. Она была настолько красиво сложена, что её молодые подруги по студии, а потом и по совместной работе в кинофильмах наперебой стремились составить ей компанию для похода в баню. Как они признавались позже, такой красивой обнаженной женщины, как Галя, они ни в студенческое время, ни потом просто не видели никогда!

Этот шок родители Орехова переживали глубже и дольше. Во-первых, сына увела из дома зрелая состоявшаяся женщина, которая вряд ли потерпит

влияние матери, отца, сложившихся семейных традиций. Во-вторых, что для неё инженер-железнодорожник? Дипломированный кочегар, сцепщик, стрелочник? В-третьих, она вообще может с презрением выбросить из жизни Владимира курсы учёбы, отданные МИИТу. В-четвёртых, жизнь драматурга и даже писателя никогда не кормила в России человека и его семью досыта. И, наконец, актриса в роли жены писателя. Кого из них можно вспомнить, как человека, прожившего счастливую жизнь? Чехова, Горького, Есенина, Симонина?

Такие мысли бредили душу Ореховым-старшим, а в это же время Владимир Петрович чувствовал себя таким счастливым, таким состоявшимся, таким способным писать, делать, работать.

Постепенно жизнь молодой семьи налаживалась. Галина успешно продвигалась в своей профессии на театральной сцене. Брак с Ореховым упростил и сделал совсем естественным её довольно быстрое проникновение в элитную тусовку известных режиссёров, драматургов, кинозвёзд, киноведов, сценаристов, музыкантов, журналистов самых известных газет, журналов и телевидения.

Постепенно жизнь складывалась так, что требовала от Орехова каждодневной, порой изнурительной многочасовой работы за письменным столом. В тишине, в одиночестве. А Галина шла своим путём: изучение новых пьес и сценариев, выучивание наизусть огромных кусков самых разных текстов, репетиции, общение с режиссёрами и коллегами, спектакли по вечерам, съёмки на киностудиях. Иногда ей приходилось уезжать из дома в киноэкспедиции даже на несколько месяцев.

Честно говоря, Орехов порядком измотался. А тут подвернулась возможность помочь быстро закончить сценарий по военной тематике одному известному хорошему режиссёру. А когда этот скромный, деликатный, но влиятельный человек предложил Орехову ещё поехать поработать в один из лучших подмосковных военных санаториев, Владимир и Галина решили, что от таких условий не отказываются.

Орехов приехал в санаторий скромно, почти незаметно. Его заселили в небольшую отдельно стоящую бревенчатую дачку, которая удивительно напоминала избушку на курьих ножках. Самое главное, что в ней было тихо, а на письменном столе – всё, что нужно писателю для работы. Принимать пищу Владимир Петрович ходил в общий зал главного корпуса, где по его просьбе его посадили за отдельный стол, замаскированный дальней широкой колонной. Времени на никчёмные знакомства и пустую отвлекающую болтовню не было ни минуты.

Как распространяются новости среди малознакомых людей, до сих пор остаётся загадкой, но через несколько дней жёны отдохавших военнослужащих уже обсуждали, что в их смене отдыхает писатель, известный драматург, что в библиотеке санатория есть его произведения, а главной изюминкой является недавно изданный двухтомник с очень удачными портретами автора.

Три недели пролетели незаметно, но Орехов выполнил поставленную себе задачу. А за день до отъезда санаторий по давно установленной традиции устраивал прощальный вечер отдыха, развлечений и танцев. Удивительно, но среди отдыхающих неожиданно оказались остроумный конференс-пародист, с завораживающими голосовыми данными самодеятельный драматический тенор, художественно тонкая исполнительница коротких рассказов

и лирических стихов, баянистка, танцовщица и обаятельная озорница в одном лице, умевшая исполнять остроумные и озорные частушки, и, конечно, филигранно чёткий семейный цирковой гимнастический дуэт, украшенный блистательным финалом изысканной красоты гимнастки-женщины. Такому талантливому составу могли позавидовать даже профессионалы.

А потом были объявлены танцы, что мгновенно вовлекло всех отдыхающих в состояние непередаваемого веселья, озорства и кокетства. Орехов сидел за колонной, и ему тоже захотелось вспомнить молодость, студенчество и от души потанцевать.

И вдруг ведущая вечера громко, на весь зал объявила: «Белый танец!» Последовала маленькая заминка, и тут от одного из столов встала яркая стройная брюнетка, резко отодвинула стул и изящной грациозной походкой направилась прямо в сторону Орехова.

– Разрешите? – сказала она ему настойчиво, уверенно и даже с некоторым вызовом...

– С большим удовольствием. Почту за честь.

Через минуту Орехов уже танцевал с брюнеткой, и эта пара тотчас же приковала внимание всего зала.

В конце вечера Владимир Петрович прямо взглянул в глаза брюнетки и с чувством произнёс: «У вас такое красивое лицо, что им хочется любоваться постоянно».

– А если бы вы знали, какое тело, – как бы невзначай призналась брюнетка и слегка потянула Орехова за собой.

Но тут Орехова по какому-то пустяку отвлекла ведущая вечера. Пока он обменивался любезностями, брюнетка исчезла так загадочно и незаметно, будто растворилась.

На следующий день, перед обедом, вручали призы. Любезные хозяева постарались не обидеть никого.

Владимиру Петровичу за танцы вручили первый приз. Орехов решил, что это какая-то хорошо запакованная картина, поэтому он повёз её домой, не вскрывая и не разворачивая. И только дома, поздно вечером, когда Галина вернулась с вечерней съёмки, Владимир похвастался выигранным призом.

А призом оказалась большая чёрно-белая фотография в раме. Красивая обнажённая брюнетка, стоя под деревом, держала в руках раскрытый томик рассказов Орехова, вопросительно и настойчиво глядя прямо ему в глаза. Нет, не в глаза, а прямо в душу.

На обратной стороне фотографии женская рука вывела: «Я вся пред тобою без слов». А ещё ниже, почти незаметно стояли две цифры.

И только много времени спустя Орехов разгадал, что цифры совпадали со страницами напечатанных им рассказов. Один назывался «Чем покорила ты меня?». А много страниц спустя (по совпадению со второй цифрой) стояло название другого: «Почему нас разлучили?»

Галина не поняла Володю и не простила такого откровения чужой женщины. Несмотря на то, что никакой измены, никакого предательства не было, Галина подала на развод. И их развели. На всю жизнь...

Полюшко-поле – волюшка-воля...

Самолёт закручивался в голубое безоблачное небо своим единственным бешено вращавшимся винтом и плавно плыл к дому, бросая красивую тень на поля, рощицы, речки, озёрки и аккуратные сельские домики, сгруппировавшиеся в посёлки. Этот небольшой самолёт-такси чешского производства пилоты ласково прозвали «пчёлкой». У нас его использовали для экстренных вызовов по санитарной авиации.

Внутри самолёт напоминал автомобиль «Волга» двадцать четвёртой модели. Разница была в том, что мотор был удлинённо заострён, заканчивался внушительным авиационным винтом, а с боков машины, и справа, и слева простирались крылья, размер которых раза в три превышал длину внутреннего салона. Два широких передних сиденья предназначались пилоту и врачу, на широком заднем сиденье могли разместиться ещё трое, скажем хирург, анестезиолог и операционная медицинская сестра, но при острой необходимости там можно было положить больного для его транспортировки в более квалифицированное лечебное учреждение.

Пилот Фёдор Шишков, держа в руках штурвал, изредка бросал взгляд на приборы и спокойно реагировал, когда «пчёлка» временами проваливалась в воздушную яму или слегка кренилась от мощной встречной воздушной струи. Думая о чём-то своём, он иногда поворачивал голову в сторону врача, сидевшего от него справа, и лукаво улыбался.

Врач Константин Орлов был углублён в свои мысли. До аэропорта Коровино из пяти часов полёта предстояло лететь ещё около трёх.

Утром санитарная «Волга» прибыла к приёмному покою больницы, как и договаривались, ровно к десяти. Гостеприимные хозяева успели до этого времени накормить сытным больничным завтраком и врача, и пилота, предусмотрев для них ещё и свободное время, чтобы без спешки и суеты собраться в обратную дорогу. Константина Владимировича Орлова вышли провожать и главный врач, и его стройная элегантная заместитель по лечебной работе. Фёдор Арсеньевич Шишков появился из торцевой двери приёмного покоя и, приближаясь к группе провожающих, приветливо помахал рукой в сторону окна, замазанного наполовину белой масляной краской. В ответ в широкой форточке на какое-то мгновение показалась женская головка в голубой медицинской шапочке, улыбнулась и послала пилоту романтический воздушный поцелуй.

На аэродроме, когда уезжавшие покинули санитарную машину, Фёдор сладостно потянулся, мечтательно взглянул в голубое небо, оглядел весёлое зелёное поле и многозначительно проговорил: «Эх, полюшко-поле – волюшка-воля! Ну, что ж, пошли, командир...»

Константина Владимировича по санитарной авиации вызывали к пациентам не раз. Он любил эти вызовы за то, что они всегда были неожиданными и непредсказуемыми. Уже на аэродроме ему вручали путевой лист, в котором была обозначена точка прибытия, медицинское учреждение, фамилия, имя, отчество и возраст больного, предполагаемый диагноз. А дальше всё решалось на месте. В одном случае, несмотря на однозначные клинические симптомы, при методичном и углублённом обследовании больного диагноз оказывался совсем другим. В другой ситуации приходилось тщательно взвешивать все проявления, чтобы решить вопрос, показана ли операция. В третьем случае, хотя диагноз был и правильным, но уточнение стадии полностью меняло весь

намеченный план лечения, например, вместо лучевой терапии на первое место выдвигалась необходимость системного полициклического лекарственного лечения. А иногда первая же встреча с больным требовала его срочного, безотлагательного перевода в более оснащённое и квалифицированное учреждение. Конечно, все эти решения опирались на знания, опыт, напряжённые раздумья и полную ответственность. Тут уж врач по отношению к болезни, больному и принимаемому решению был сам себе оперативник, следовательно, обвинитель, адвокат и судья. И даже присяжные заседатели единым фронтом паслись у него в голове.

Вот и на этот раз, хотя у больного были лихорадка, потливость, похудание, значительное увеличение шейных лимфатических узлов справа и слева, диагноз болезни Ходжкина (ходжкинской лимфомы, лимфогранулематоза) не подтвердился. Все проявления оказались связаны с микотической (грибковой) ангиной, а значит, никакая химиотерапия или лучевая терапия тринадцатилетнему мальчику были не показаны. И хотя состояние больного было тяжёлым, но жёсткий прогноз опухолевого заболевания снимался сам собой. Конечно, душа доктора наполнилась удовлетворением. Так бывает у любого человека, разобравшегося в трудной ситуации и в связи с этим выполнившего работу качественно и хорошо.

А с пилотом Фёдором Арсеньевичем Шишковым Орлов летал уже много раз.

Первый раз пассажиров было четверо. Возглавлял бригаду профессор Урнов, анестезиологом летел опытный Гвидонов, химиотерапевтом выступал Помаркин, а гематологом взяли Орлова. У всех, кроме Гвидонова, настроение было приподнятым и весёлым. Рассказывали анекдоты, смешные истории, беззлобно подначивали друг друга, и только Гвидонов был тоскливо мрачен и всё время прятал лицо за плотно приставленными к нему ладонями. В жизни Гвидонов был человеком общительным, весёлым и талантливым. Его состояние в самолёте было совсем необычным. Коллеги быстро поверили, что он накануне съел что-то некачественное, плохо спал, а потому и недомогал. И только по возвращении в Москву Урнов под большим секретом рассказал Орлову, что Гвидонов просто панически боится летать на самолётах. И взлёт, и посадка, и каждая воздушная яма переживаются им с таким животным страхом, что вслед за этими эпизодами неминуемо развивается глубокая всепоглощающая депрессия.

В тот раз Орлов вспомнил, как во время полёта Урнов и Шишков разыграли Гвидонова. Шишков сказал, что он доверяет Урнову самому «поручить» в воздухе, но бояться нечего, так как рули спарены и при необходимости Шишков всегда сумеет взять управление на себя. Урнов положил руки на штурвал. Все его коллеги с восхищением стали наблюдать, как он талантливо «ведёт» самолёт. На самом деле штурвал и управление оставались в руках Шишкова. И вдруг машина сорвалась в пике и, набирая скорость, ринулась к земле.

– Что ты делаешь? – заорал Шишков. – Мы же разобьёмся!

Через две-три секунды он выровнял машину, дал форсаж и быстро набрал прежнюю высоту.

На Гвидонова было страшно смотреть. Он сидел бледный, весь взмокший. Его остановившийся взгляд был, не мигая, направлен в одну точку. Глаза были расширенными от ужаса, огромными и казались стеклянными. Так заслуженный деятель наук России и заслуженный пилот СССР подшутили над слабостью своего товарища.

Нужно было разрядить обстановку. Достали бутылочку, разлили по маленьким гранёным стаканчикам. Снабдили всех бутербродами. И тогда пилот сказал: «Поставьте водку передо мной. Я вам сейчас покажу, как в течение десяти минут так поведу самолёт, что из стаканчика не выльется ни одной капли». Мы не поверили. Но пилот доказал. Конечно, мы выпили за его здоровье и мастерство. Пилот был доволен и удовлетворён, но, конечно, сам не пригубил ни капли, что также у мужчин вызвало неподдельное уважение. Ас – он ас во всём, в том числе и в твёрдости характера.

При дальнейшем знакомстве оказалось, что Шишков был немногословен, за столом на земле мог принять на грудь значительно больше всех, не пьянел и не терял хорошего мужского обаяния. Когда запасы анекдотов исчерпались, Фёдор Арсеньевич ненавязчиво включался в работу и рассказывал анекдоты так, что все хохотали до колик в животе и до слёз из глаз.

Орлов запомнил только один из рассказанных Шишковым анекдотов.

У плетня сидят на лавке два мужика. Мимо них торжественно проплывает красивая молодая ядрёная баба. Мужики залюбовались, проводили молодлицу глазами. Потом тот, что помоложе, спрашивает:

– Лёха, скажи по правде, ты ещё к бабам бегаешь?

– Да ты чё, Вань! Уже лет девять как забыл это дело.

– А я только три, – с интонацией победителя произносит Иван.

Кроме того, Якову Маслинычу Урнову и Фёдору Арсеньевичу Шишкову не было равных в умении обольщать женщин. Урнов знал множество стихов, умел произносить тосты во славу женского ума и логики, молодости и внешней привлекательности, что кружило голову не одной красавице местного бомонда. А Фёдор Арсеньевич Шишков выигрывал парадоксальностью рассказанных ситуаций, в которых женщина побеждала своей ловкостью, хитростью, изворотливостью, нацеленностью завоевать мужчину и испить чашу сладострастия. Опытные женщины мгновенно отдавали преимущество Шишкову и, наслаждаясь комплиментами Урнова, старались не упустить из рук пилота. К тому же Шишков так замечательно танцевал вальсы, фокстроты... А в танго – в танго он творил чудеса!

В последнюю совместную поездку пилота и врача разделила полная занятость медика и беспримерная свобода лётчика.

Орлову пришлось долго и внимательно заниматься больным ребёнком, к которому и был сделан вызов по санитарной авиации. Потом он смотрел и консультировал почти половину детского отделения. Затем Орлова вовлекли в проведение больничной конференции и настойчиво попросили прочесть две лекции врачам. А вот Шишкова определили в приёмное отделение, где сутки дежурила одна медицинская сестра да изредка заглядывала санитарка для наведения порядка и раздачи питания.

Когда Шишкова завели в кабинет медицинской сестры, лётчик вытянулся в струнку и представился:

– Пилот санитарной авиации Шишков Фёдор Арсеньевич. Можно просто Фёдор, – добавил он. И будто искра соединила взгляды одного и другой.

– Валентина Егоровна, – сладко произнесла медсестра, зардевшись и показав прелестные ямочки на щеках. Потом она как-то очень мило склонила голову набок и, взглянув исподлобья, произнесла:

– Можно Валентина, или просто Валя. Она встала из-за стола и добавила: – Пойдёмте, я покажу вам своё хозяйство, а заодно и вашу комнату. Устали с дороги?

– Привык, но отдохнуть бы не мешало, – ответил Фёдор, в голове которого ещё сохранялся привычный, но надоедливый шум мотора. Пилот почувствовал, что медсестре очень хочется показать ему, лётчику из Москвы, как они обустроены и работают тут, на периферии. Он был опытным человеком и не раз участвовал в экскурсиях, которые почти обязательно устраивала принимающая сторона.

Если пассажиром пилота была женщина-врач, администрация выделяла для проведения экскурсии подтянутого симпатичного мужчину. Как правило, это был заместитель главного врача или кто-то из заведующих отделениями, умевший с первых же минут предупредительностью, галантностью и осведомлённостью расположить к себе (а значит, и к больнице) прибывшую на консультацию женщину.

Консультанта-мужчину, как правило, поручали сопровождать яркой, запоминающейся женщине. Пилоту нравилось, когда и его приглашали на такие экскурсии, особенно если он привозил на консультацию врача-мужчину.

Среди медиков преобладают женщины, причём в подавляющем большинстве приветливые, симпатичные, обходительные. А сколько среди них подлинных красавиц! Даже среди актрис и стюардесс на международных рейсах не часто встретишь такое удивительное сочетание королевской стати, подтянутости, собранности, хороших манер, приветливых улыбок и удивительных глаз, излучающих тепло, сердечность и сопереживание.

Поскольку в этот раз консультанта-врача срочно забрали смотреть пациента, пилот понял, что вызов сделан по очень серьёзному поводу. Лётчику понравилось, как его встретила медицинская сестра, хозяйка приёмного покоя. Обидеть её отказом от экскурсии он позволить себе не мог.

Экскурсия началась. Медицинская сестра с удовольствием подчёркивала, как продуманно обустроен приёмный покой в её больнице. Она рассказала о боксах, помещениях первичной санитарной обработки с новейшим оборудованием, туалетах, смотровых. Кроме того, в приёмном покое были оборудованы самостоятельные помещения в виде малой операционной, перевязочной, женской смотровой. Больных, по тем или иным причинам задержанных в приёмном покое, нужно было ещё и регулярно кормить. Для этого был оборудован компактный раздаточный пищеблок, где можно было до нескольких часов хранить в специальных индивидуальных термосах и судках еду, доставленную из цеха приготовления пищи, трудившегося на всю больницу.

Конечная часть приёмного покоя раздваивалась, как детская распашонка, на два коридорчика. Один связывал приёмный покой со всей остальной главной частью больницы, а другой вводил в довольно уютный уголок, выделенный персоналу. Там была общая комната отдыха дежурной смены со столом для принятия пищи, холодильником для продуктов, небольшим диванчиком и двумя креслами. Кроме того, два помещения были приспособлены для ночного отдыха. Одно из них было закрыто. Это помещение открывали и использовали только в исключительных случаях – чаще тогда, когда среди ночи, особенно зимой, нужно было дать отдохнуть и переночевать приехавшим с больным издали сопровождавшим его родственникам. В этот же коридорчик выходила дверь комнаты напротив, где размещали на отдых пилотов санитарной авиации или шофёров санитарного транспорта. Эти люди могли понадобиться в любую минуту и потому должны были быть «под рукой».

Медсестра, уловив, что пилот устал от её показа и объяснений, любезно предложила лётчику пообедать. Но пилот отказался, сославшись на то, что

перекусил в пути бутербродами и аппетит ещё не нагулял. Тогда медсестра открыла ключом дверь ипустила пилота в небольшую, но уютную комнату, в которой стояли кровать, тумбочка с аккуратной салфеткой, небольшой застеленный скатертью стол, пара стульев и традиционный шкаф с большим зеркалом на передней дверце.

– Вот ваше персональное местечко. Отдыхайте, – гостеприимно предложила медсестра. – Только кровать тут не очень широкая.

– Почему? – спросил пилот. – Нормальная. Обычная полутороспальная.

– К сожалению, да. Не двуспальная, – ответила сестра и озорно взглянула на пилота исподлобья.

Тут взгляды их пересеклись. И пилот, и медсестра одновременно ощутили мгновенно промелькнувшую между ними невидимую молнию. Медсестра вспыхнула, и щёки её зарумянились. Желая погасить неловкость, она быстро опустила глаза в сторону пола и, скользнув взглядом под кровать, воскликнула:

– Ах, Маргаритка! Ведь ещё утром сказала ей убраться здесь тщательнее!

Медсестра заглянула за дверь, где оказалась щётка с длинной ручкой, обмотанная с нижнего конца тряпкой, подхватила её и стала усердно протирать полы под кроватью. Поскольку стоя она никак не могла дотянуться до пространства у стены, женщина изогнулось вперёд и стала, как хорошая хозяйка, усердно работать щёткой. Её коротенький белый халатик вздыбился и обнаружил красивые стройные ноги и налитые бёдра, прикрытые ниже спины кружевными голубыми атласными трусиками. Пилоту потребовалось сделать явное усилие над собой. Будь он помоложе, не устоял бы и обязательно обхватил своими сильными ручищами такое волнующее и незащищённое женское тело. Будто почувствовав состояние мужчины, женщина выпрямилась, вытерла тылом левой ладони слегка взмокший лоб, заправила под шапочку слегка выбившийся локон и, опершись о щётку, сказала: «Всё. Теперь, по-моему, порядок. Раз уж так устали, теперь можете отдыхать». Выразительно посмотрев в глаза пилота, с некоторой иронией она добавила: «Бай-бай! До нового полёта». И выскользнула из комнаты.

Пилот знал, что после четырех-пяти часов непрерывного сидения за штурвалом нужно обязательно отдохнуть в тишине, а лучше всего поспать. Он имел немалый опыт вылетов по санавиации, и бывали случаи, когда возвращаться домой приходилось в тот же день. А десять часов полёта за одни сутки без сменщика или хотя бы товарища, который мог бы в любую минуту подстраховать и словом, и делом, создавали дополнительное напряжение и ответственность. С машиной ты только один на один, а сделать что-то неточно или ошибиться во время полёта ты не имеешь права, и вся ответственность за благополучие ложится только на тебя.

Пилот быстро разделся и нырнул под одеяло. Через мгновение, только коснувшись щекой подушки, он заснул крепким глубоким сном здорового человека, выполнившего дневную норму ответственной и тяжёлой работы.

Пока лётчик отдыхал, медсестра успела принять через приёмный покой несколько больных. Из четырёх поступивших двоих мужчин забрали к себе урологи, одну женщину с гипертоническим кризом в сочетании с сахарным диабетом подняли к терапевтам и одного юношу лет пятнадцати с диагнозом острый аппендицит повезли к себе хирурги.

К вечеру на посту зазвонил телефон, и секретарь главного врача объявила, что прилетевший консультант будет задействован весь день сегодня и завтра, а улетят москвичи, скорее всего, утром послезавтра. Медсестра приёмного покоя не удивилась, так как трёхдневный срок пребывания консультанта санитарной авиации в медицинском периферийном учреждении был самым распространённым. В первый день обычно летели обратно в Москву только в том случае, если больной, к которому вызывали консультанта, нуждался в срочной транспортировке в одну из московских клиник по хирургическим показаниям, или по необходимости срочного безотлагательного перевода в один из квалифицированных институтов страны типа онкологии, гематологии, неврологии, нейрохирургии, травматологии, педиатрии. Если же помощь консультанта на месте была достаточной и не требовала перевода больного в столицу, администрация больницы, как правило, стремилась использовать возможность общения с московским специалистом по полной программе. Ему старались показать наиболее тяжёлых и трудных в плане лечения больных. С ним хотели согласовать мероприятия, проводившиеся больным в отделении реанимации и интенсивной терапии. Кроме того, его авторитет стремились использовать, если по тем или иным причинам назревал конфликт больного с медиками или администрацией. Авторитет столичных специалистов предотвратил много назревавших конфликтов, необоснованных обвинений, склок, потенциальных жалоб на чёрствость, невнимание, халатность, непрофессионализм...

Во второй день консультанта обычно просили провести общебольничную конференцию и почитать лекции либо по актуальным темам, которыми он занимался как врач и научный работник, либо по тем вопросам, актуальность которых волновала администрацию или заведующих, а стало быть, и рядовых врачей.

Медсестра поняла, что сегодня и завтра вся основная верхушка больницы будет тесно взаимодействовать с московским консультантом и неожиданных приходов в приёмное отделение не предвидится. Да и свои врачи в обычные дни спускаются в приёмное отделение только в том случае, если их позовут, а так обычно предпочитают во время дежурства находиться в родной отделенческой ординаторской.

Дважды в перерывах между приёмом больных медсестра тихонько заходила в комнату, где спал пилот. В первый раз это случилось часа через два после того, как лётчик заснул. Убедившись, что пилот спит крепко, она решила на всякий случай поставить на стол обед. «Проснётся, – решила медсестра, – так хотя бы не останется голодным». Ведь на дежурстве никогда не знаешь, сколько больных привезут и сколько времени и внимания они потребуют. Медсестра почему-то сразу же была убеждена, что пилот поскромничает и не пойдёт её разыскивать, если услышит, что она с кем-то разговаривает и занята.

Ещё через пару часов медсестра принесла пилоту ужин и на всякий случай положила на тумбочку интересный журнал, который прихватила из дому с утра. Пилот спал всё в той же позе на правом боку, отвернувшись лицом к стене.

К вечеру больных привозили редко. Так уж получалось, что между ужином и полночью приёмный покой, как правило, не тревожили. И обычно либо ночь была совсем спокойной, либо поступления вновь начинались уже после полуночи, где-нибудь с часу-двух новых суток. После ужина медсестра

посидела некоторое время молча одна, заскучала и решила, что пора пойти ополоснуться...

...Пилот проснулся, как и засыпал, чётко, сразу. Он повернулся на спину, потянулся и тут же восстановил точное восприятие событий, прерванное глубоким сном. За окном комнаты, в которой он отдыхал, было совсем темно. Повернувшись влево, пилот увидел широкую вертикальную полосу света, исходившую от передней дверцы шкафа. Желая понять, что за загадочный источник света установлен в шкафу, лётчик переместился так, что полоса света ослепила его. Протирая глаза, пилот чуть сдвинул голову в сторону и замер. Прямо перед ним под струями душа нежилась обнажённая женщина, растирая на плечах, подмышками, вокруг красивого бюста, на поясице белоснежную мыльную пену, то скрывавшую, то обнажавшую самые восхитительные места женского тела.

Как выяснилось потом, женщины приёмного покоя сознательно не закрывали дверь санитарной комнаты персонала, чтобы вовремя услышать достаточно громкие, пронзительные звонки, исходившие либо от входной двери приёмного покоя, либо от двери, соединявшей приёмный покой с остальным пространством больницы.

А дверь в комнату, где отдыхал пилот, оказалась незакрытой по двум причинам. Во-первых, медсестра дважды приносила в комнату еду, и обе руки её были заняты. А кроме того, медсестра, привыкшая чутко улавливать малейшие сигналы, исходившие от больных её отделения, была уверена, что врасплох застать её не сможет никто.

Лёжа в постели, пилот был захвачен столь неожиданно подаренным ему зрелищем. Он не только не встал, но и не пошевелился, боясь спугнуть открывшееся ему таинство.

Наконец, щёлкнул выключатель, и волшебный свет погас. Пилот уловил тихие осторожные шаги, проследовавшие мимо его комнаты. И только несколько минут спустя лётчик вскочил, тихо и быстро оделся и, выйдя из своего убежища, направился в комнату отдыха персонала. Он очень осторожно открыл дверь и увидел со спины облачённую в белый халат медсестру, укладывающую свои роскошные волосы.

Что произошло дальше, нет смысла рассказывать, потому что словами всё равно не передать сказочность исступлённого счастья, которое пережили в тот поздний вечер и ночь впервые встретившиеся в этот день пилот и медицинская сестра.

Под утро она прошептала ему: «Я завидую твоей жене...» Он промолчал и не ответил, потому что такой ночи в его жизни ещё не было.

ПОЭЗИЯ

**Редакция журнала «Великороссъ»
поздравляет Юрия Яхонтова
с 75-летним юбилеем!**

Юрий Александрович Яхонтов – член СП России. Лауреат конкурсов: «Лучшая книга года» 2011–2013 за книгу «Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика», «Лучшая книга года» 2012–2014 за книгу «То, что в сердце давно берегу...», «Лучшая книга года» 2017–2019 за книгу «Герои стародавних времён». Лауреат Международного славянского форума «Золотой витязь» за 2016 г. Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалью им. А.С. Грибоедова, «Литературный Олимп», «Серебряный крест».

Живёт в Москве.

Юрий ЯХОНТОВ

Остаться самим собой

Другу детства

Ты помнишь московский дворик,
Старинной России малость?
Там в тихом Замоскворечье
Нам вырасти довелось.
Как много тогда о жизни
Нам думалось и мечталось,
Как мало из тех желаний
В действительности сбылось.

И всё ж на исходе лета
Мы главное сохранили.
И всё же на самом трудном,
Немыслимом вираже,
Всесильной мамоне, друг мой,
С тобою мы не служили.
Мы рвались к высоким целям
И думали о душе.

И пусть, что нам было свято,
Иным ничего не значит.
О нашей с тобой зарплате
Торговцы смеются пусть.
Мы вспомним о том, как жили,
И душу теплом охватит,
И в нём об ушедших годах
Пускай растворится грусть.

Успехи, как и утраты
Зарплатою не измерить.
Что в жизни нам доставалось,
То выдержит не любой.
Труднее всего, ты знаешь,
В хорошее сердцем верить.
Ты знаешь, всего труднее
Остаться самим собой.

Там цветенье на лугах голубое.
По плечу казалось дело любое.
Было нам легко, легко,
А теперь ты далеко.
Почему же мы расстались с тобою?

Дни беспечные прошли, словно мимо.
Как же трудно на земле жить ранимым.
Научиться бы прощать,
Ссоры в шутку обращать.
Научиться бы и мне быть счастливым.

Но не вечны на земле грусть и горе.
Растворяются в небесном просторе.
Я нарву тебе букет,
Голубой небесный цвет.
У просёлочной дороги – цикорий.

Вы заметили? Под вечер, даже летом,
Как настрой дневной меняется в природе.
Расточается под вечер сила света,
Больше грусти, хоть и нет причины вроде.

Никнут травы, от росы им не подняться,
Камыши у малой речки тихо дремлют.
Видно, трудно с белым светом расставаться,
Даже если расставание на время.

Не спеши уезжать, дорогая.
Посидим, помолчим в тишине.
У воды здесь прозрачность такая,
Что читать можно книгу на дне.

Родников в этой речке так много,
Не встречалось такое нигде.
Ледяная вода – недотрога,
Двух минут не пробудешь в воде.

Здесь не юг, здесь прохладней и строже,
Но зато благодатнее сон.
И характер становится твёрже,
Если севером он закалён.

Полетели уже паутинки.
Нам пора, и зимой вдалеке
Будут белые сниться кувшинки
На родной, родниковой реке.

Где шиповник цветёт, где сирени соседство –
Старый дом. Стены серы, но память светла –
Приезжаю сюда, здесь прошло моё детство,
Где дорожка крапивой уже заросла.

Неизменно здесь всё – всё меняется где-то,
Солнце гаснет, на стёклах рубины горят.
Слышу чьи-то шаги, или, может быть, это
Половицы, скрипя, о былом говорят.

Глухо треснет бревно – свой резон в разговоре,
Только печка молчит, словно тайну храня,
Что когда-то давно, в отзвучавшем миноре,
Кто-то так же грустил, так же думал, как я.

В ком-то мысли такие уже возникали,
Взяв из прошлого чьи-то привычки взаимы,
Чтоб во времени дальше отдать, по спирали,
Только в новом витке повторяемся мы.

Утро летнее мысли ночные изгладит,
Но старушка соседка, взглянув сквозь года,
Вспомнёт, что походкой я вылитый прадед,
В точь как он ...

Я не видел его никогда!

Утолялись все печали,
Нам июнь дарил тепло.
Мы на лето уезжали
В это тихое село.

Мир чудесный начинался,
Был он добрым и простым.
Я за лето с ним срастался,
Словно был не городским.

Дом и речка по соседству
До сих пор как наяву...
Если вспомнится мне детство,
Вспоминаю не Москву.

Д

Рассказы

Сухари

1

Жизнь устроена так, что у каждого молодого поколения есть свой враг. Поколению, к которому принадлежал Василий Черкашин, противник достался сильный, одно время даже казавшийся неодолимым. И звали этого врага немецкий фашизм. На фронт Василий попал не в трагическом сорок первом, а в октябре сорок второго, когда и немцы уже начали выдыхаться, и наши солдаты многому научились, да и генералы тоже.

Прошёл месяц, как Черкашин надел шинель, но ему казалось, что минуло уже минимум полгода. Впрочем, когда идёт война, восприятие времени иное. Пехотный батальон, в котором служил Василий, приближался к фронту, до него осталось рукой подать. Где-то там, за горизонтом, рвутся бомбы и снаряды, и ветер приносит только отголоски этих разрывов.

Вчера утром их батальон тормознули, и все они чего-то ждут. Никто не знает, чего. Дали команду сдвинуться на обочину и стоять. Вот они и стоят. А мимо идут солдаты, идут и идут на передовую, где каждый день тысячами убивают и калечат. О чём думает каждый из этих солдат? Спросить бы их... А кто спросит? Не до расспросов сейчас.

Черкашин, как и другие ребята из его взвода, спасаясь от холода у костра, томился в ожидании. Сухари, которые каждому из них выдали как суточный сухой паёк, уже давно перекочевали в их молодые желудки, и от этих сухарей остались одни воспоминания. Как часто бывает, в такие минуты разговор заходит о еде. Взяться гуртом вспоминать, какие блюда готовили дома, каков вкус этих блюд. Армянин Ашот нахваливал хаш, который варила его мать, при этом он причмокивал, закрыв глаза. Казах Самет спорил с ним и доказывал, что лучше бешбармака ничего нет.

Валерий Румянцев – родился в 1951 г. в Оренбургской области в семье судьи. Среднюю школу окончил с золотой медалью. Учился в Куйбышевском авиационном институте, на юридическом факультете Северо-Осетинского госуниверситета. Окончив филологический факультет Воронежского государственного педагогического института, работал учителем. После окончания Высших курсов КГБ СССР на протяжении тридцати лет служил в органах госбезопасности. Лирические и юмористические стихи, басни, эпиграммы, литературные пародии, лаконизмы; реалистические, сатирические и фантастические рассказы Валерия Румянцева печатались во многих изданиях РФ и за рубежом. Автор более десяти книг.

Живёт в Сочи.

Вспоминали и русские щи, и хашламу, и пельмени, и шашлык, и много ещё чего. А москвич Берг рассказал, как он до войны бывал с отцом в ресторанах, и называл блюда, о которых никто даже не слышал.

Когда мимо проходили грузовики, крытые брезентом, всем было ясно, что везут или боеприпасы, или продукты. Об этом стали говорить всё громче, но пока была махорка, крамольных мыслей вслух никто не высказывал. Когда же последнюю козью ножку по очереди докурили, стало совсем паршиво.

Махорка и кипяток ещё как-то отвлекали от голода, но когда стемнело и остался один кипяток, раздался нерешительный голос Берга:

– Можно было бы разведать, что там везут в машинах, но нельзя. Мы же комсомольцы. Я правильно говорю, Черкашин? Ты же у нас комсорг.

Черкашин поёжился то ли от холода, то ли от провокационного вопроса и ничего не ответил.

– Разведать-то можно, – продолжил тему Ашот, – только после этого и в штрафбат загреметь можно.

– Быстрее бы на фронт. Там-то, говорят, кормят нормально...

В разговор о том, какие именно продукты везут в грузовиках на фронт, втянулись уже почти все. Не участвовали в этом разговоре только Черкашин и молчун сибиряк Чуев. Василий как комсорг не имел права подрывать дух комсомольцев подобной болтовнёй. И он отмалчивался. Хотя в душе он соглашался с намерением своих завтрашних боевых товарищей добыть чего-нибудь съестного. Только бы хлебных продуктов и махорки! На большее они не претендуют. Когда стемнело, Берг в шутку предложил провести комсомольское собрание на тему «Роль комсорга в обеспечении личного состава сухим пайком». Василий молча встал и отошёл от костра.

– Наш комсорг так наелся, что пошёл по большому, – пошутил Берг, и взрыв хохота заглушил его следующую фразу.

Черкашин неслучайно удалился от сослуживцев. Он услышал, как вдалеке раздавался шум мотора. Машина шла в сторону фронта.

В голове комсорга молниеносно созрел план. В двухстах метрах от него поворот дороги, а значит, водитель снизит скорость. Там же, на повороте, ложбинка, в которой можно спрятаться, иначе свет фар машины зацепит его фигуру; тогда и шофёр, и тот, кто сопровождает груз, будут настороже.

Черкашин быстро добежал до ложбинки, снял шинель, кинул её на землю, лёг сам и, расстегнув четыре пуговицы на гимнастёрке, превратился в охотника, который хочет убить голод.

«Что я делаю? – вдруг мелькнуло у него в голове. – Ведь если узнают... Но ведь там же голодные ребята. Эх, была не была!»

Когда полторка поравнялась с Василием и начала притормаживать, он метнулся к машине, в мгновение ока зацепился за задний борт, подтянулся, нащупал ногой какую-то опору и сунул правую руку под брезент. Рука легла на картонный ящик и нащупала сухари. Почти машинально рука схватила добычу и отправила её за пазуху. Несколько таких вороватых движений – и Черкашин спрыгнул на дорогу. Бегом он вернулся к шинели, быстро надел её, распахнул добычу по карманам и, скрывая возбуждение, вернулся к костру.

– Черкашин! Ещё один ужин проехал мимо... – не унимался Берг и кивнул на дорогу.

– Ну, хватит тебе приставать к комсоргу, – прервал москвича Чуев. – Смотри, а то доболтаешься.

– Я так понимаю, что пора доставать «НЗ», – объявил Василий и начал раздавать сухари товарищам.

Все восхищённо загалдели, а Берг кинулся обнимать Черкашина, приговаривая:

– Ну, ты молодчина, настоящий комсорг. Всю жизнь помнить буду...

Когда ели сухари, все понимали, как они попали в карманы к Черкашину, но вслух никто не проронил ни слова. Костёр, кипятик, да ещё и сухари – уже можно было жить. После нечаемой трапезы Чуев махнул рукой и к изумлению всех выпалил:

– Раз пошла такая пьянка!..

При этом он достал три щепотки махорки: всё, что у него оставалось на чёрный день.

Вкус тех сухарей Черкашин запомнит на всю оставшуюся жизнь.

А впереди у него были два окопных года, награждение орденом Славы и двумя медалями «За отвагу», а также тяжёлое ранение, последствия которого он ощущал и через много лет. В общем, те украденные сухари он отработал сполна. Черкашин вернулся с фронта и пошёл дальше по дороге жизни. Звёзд с неба не хватал, работал токарем в вагонном депо и так дожил до пенсии.

2

Минуло много лет. Очень много. Ушли годы – и ни слуху, ни духу... Василий Степанович Черкашин только что перешагнул семидесятилетний рубеж. Пришли другие времена, когда борцы с привилегиями перешли на сторону противника, когда в гонке за богатством победителей уже не судили, когда торжество лжи широко освещалось через средства массовой информации, когда опьянение свободой пока ещё не вызвало похмелье заднего ума, когда из двух зол стали выбирать тайным голосованием. А выборы в Государственную Думу? Они показали, что только очень богатые люди могут позволить себе думать о родине. Ветер перемен поднял пыль, за которой Черкашину трудно было рассмотреть происходящее. Вокруг него бурлила совершенно иная, чуждая для него жизнь. То, ради чего он проливал свою кровь, за что в меру своих сил боролся всю жизнь, новая власть, не задумываясь, перечеркнула.

Получалось, что свою жизнь он прожил зря. Черкашин так же, как и миллионы других его соотечественников, растерялся в этой новой жизни. Он не понимал и не хотел понимать, как всего за три-четыре года одни россияне умудрились заработать миллионы долларов, а несколько человек – миллиарды. Сам Черкашин относился к тем, кого судьба бросала в потребительскую корзину, а попала в мусорную. Настало время, когда будущее уже не сулило никаких надежд. Видимо, поэтому он достал бумажный портрет Иосифа Сталина, который бережно хранил много лет, и повесил его у себя дома на стену.

Однако и в сегодняшней жизни у Василия Степановича иногда случалось и что-то хорошее. Поздней осенью, когда пожаловали первые морозы, ему неожиданно дали путёвку в санаторий. Подавляющее большинство отдыхающих сочинского санатория «Волна», куда прибыл Черкашин, составляли так называемые «социальники», то есть те, кому государство выделило бесплатную путёвку и оплатило дорогу до здравницы и обратно домой. В основном это были пожилые люди.

Стояла уже середина ноября, но солнце не до конца растеряло свой задор. С деревьев тихо и безропотно осыпались листья. Василий Степанович сидел на лавочке на центральной аллее санатория и смотрел на листок, который только что упал к его ногам.

«Ещё немного лет, – подумал он, – и он так же, как этот листок, упадёт за-мертво и исчезнет с лица земли». Мимо него в направлении столовой прошли отдыхающие. Хотя обед в столовой санатория уже начался, Черкашин туда не спешил. Он зашёл в столовую специально позже всех, кушал медленно, чтобы уйти последним. Это он делал для того, чтобы как можно меньше людей видели, как он собирает со столов оставшиеся кусочки хлеба. После этого он сразу же направился в свою палату и бережно разложил принесённый хлеб на тёплую батарею. И так происходило изо дня в день.

За два дня до отъезда Черкашина из санатория погода закапризничала: резко похолодало, и пошёл нудный мелкий дождь. Директор санатория сидел у себя в кабинете в плохом настроении, но не по причине паршивой погоды. Он раздумывал, как дополнительно выкупить акции санатория, чтобы контрольный пакет оказался у него в руках. А, как известно, пока цель не достигнута, она господствует над нами.

Его финансовые размышления прервал стук в дверь. Вошла заведующая корпусом и, не успев отдышаться, негодующим тоном стала докладывать:

– Николай Алексеевич, у нас ЧП. Только что горничная сообщила, что при уборке сто четырнадцатой палаты она обнаружила рюкзак с сухарями. Как выяснилось, рюкзак принадлежит отдыхающему Черкашину...

– Ну-у – это разве ЧП, – равнодушно протянул руководитель здравницы. Потом он встал из-за стола, подошёл к окну, на мгновение задумался. – Наверно, этот Черкашин – человек пожилой?

– Да, Николай Алексеевич, вы прямо в точку попали. Черкашин – участник Великой Отечественной войны. Зовут Василий Степанович, – уже спокойнее продолжала докладывать заведующая корпусом.

– Пригласите его сейчас ко мне, – сказал хозяин кабинета и отвернулся к окну, дав понять, что разговор окончен.

Вскоре в дверь кабинета нерешительно постучали, и на пороге показался сухощавый старичок среднего роста. Он неуверенно закрыл за собой дверь и застыл на месте. Костюм на нём был потёртый, старого фасона, в руках он сжимал выгоревшую фуражку. Потрёпанные ботинки красноречиво свидетельствовали о том, что их хозяин сушит сухари не от хорошей жизни. От спального корпуса до административного здания старик шёл без зонтика – и его изрезанное глубокими морщинами лицо было влажным.

– Проходите, присаживайтесь, – спокойно предложил хозяин кабинета.

Старик сел на ближайший от него стул, положил фуражку на колени и опустил голову. Он знал, о чём пойдёт речь.

– Пожалуйста, дайте вашу санаторно-курортную книжку.

Черкашин вынул из внутреннего кармана книжку и молча протянул её директору. Николай Алексеевич не спеша полистал страницы, убедился, что отдыхающий принял йодобромные ванны, гидромассаж и другие процедуры.

– Василий Степанович, а скажите мне, зачем вы сушите сухари? Только честно.

Лицо у старика дрогнуло. Он наклонил седую голову и стал рукой вытирать слёзы. После затянувшейся паузы он хотел что-то сказать, но смог только проглотить слюну.

– Я прошу прощения, но я хочу получить ответ на свой вопрос.

Черкашин тяжело вздохнул и стал объяснять:

– Понимаете, мне уже три месяца не платят пенсию. То задерживали на месяц-два, а в этом году стало ещё хуже... Мне-то пенсии хватало. Я ведь один. Жену похоронил. Сын с семьёй в Приморском крае, а я живу на станции под Ленинградом. Всё бы ничего, если бы пенсию давали... А без хлеба как? Вот, думаю, сухарей хоть привезу и дотяну. У меня ведь огородик, куры... Деньги-то у меня были на книжке, были деньги. Да Ельцин всё отобрал... – кулаки у старого солдата невольно сжались.

– Ну, понятно. Да вы не расстраивайтесь, Василий Степанович. Время сейчас тяжёлое, я вас ни в чём не виню.

Они поговорили ещё минут пять. Выяснилось, что Черкашин уезжает на два дня раньше срока: хочет быть дома к годовщине смерти жены. В заключение беседы Николай Алексеевич проводил ветерана до двери, пожал руку и добродушно сказал:

– Приезжайте в наш санаторий ещё раз.

Оставшись один, руководитель санатория вернулся в рабочее кресло и набрал номер телефона своего заместителя по питанию.

– Полина Георгиевна, есть такой отдыхающий Черкашин Василий Степанович – участник войны. Он уезжает на два дня раньше срока. Хоть это против наших правил, организуйте ему сухой паёк на дорогу. Путь до Санкт-Петербурга неблизкий, – и, усмехнувшись, добавил, – а до Ленинграда ещё более далёкий...

Через два дня Черкашин уезжал домой. На перроне он купил газету и сел в поезд. Когда вагон вздрогнул и покатился, старик достал очки, развернул газету и стал знакомиться с последней страницей. В колонке под названием «Фразы» он прочитал: «Мимо нас прошла целая эпоха, а мы остались невозмутимы и загадочны, как сфинксы». Василий Степанович отложил газету в сторону и, глядя в окно, долго думал над этой фразой.

Дорога на фронт

До прибытия на фронт все сначала проходят ведущую туда дорогу. И эта дорога осталась в моей памяти на всю жизнь – такое не забывается. Было это в декабре сорок второго. Эшелон, в котором ехал наш полк, немецкая авиация разбомбила, а до линии фронта было ещё километров сто. И нам предстояло пройти пешком за ночь километров пятьдесят, чтобы к утру занять позиции и встретить огнём рвущиеся к Сталинграду на помощь окружённому Паулюсу немецкие танки. Полк выстроился в колонну и неслаженно зашагал вперёд. Уже начало темнеть, мороз давал о себе знать, но, к счастью, ветра не было. Шли мы часа четыре – чувствую, что начал уставать. Прошли ещё немного. Луна светит, вокруг снег – будто и нет никакой войны. Вдруг вижу: на обочине солдат лежит.

– Что с ним? – спрашиваю у старшины.

– Этот готов, – отвечает. – Выбился из сил, сел и замёрз.

«Не может быть», – думаю. Подхожу к нему, смотрю, и впрямь: мёртвый.

Шагаем дальше. Ноги стали свинцовыми, сил нет, а мороз ну прямо звереет. Вижу, один из нашего взвода отошёл на обочину и сел, чтобы уже никогда не встать. Хотел я кинуться к нему, но понимаю, если выйду из строя, вернуться назад сил уже не хватит. Наступило такое состояние, что происходящее вокруг воспринимаешь как в полубреду. Вот когда выпить бы сто грамм!

Идём дальше, замёрзших на краю дороги становится всё больше и больше. И никто не предпринимал никаких мер, чтобы спасти этих людей. Все выполняли приказ: к рассвету прибыть на позиции и остановить немецкие танки во что бы то ни стало.

Прошли ещё два часа, двигались всё медленнее. Чувствую, что идти больше не могу. Вот она, последняя точка, когда человек уже не способен обрабатывать, когда страдания настолько велики, что ради избавления от них человек готов на смерть. Попробовал я выйти из строя, а ребята мне: «Подожди, Куликов, мы тебя поддержим...» Как же, думаю, они поддержат, если сами еле на ногах стоят? Вышел я на обочину и сел на снег. Сразу почувствовал, что замерзаю. «Всё, конец!» – мелькнуло в сознании. Хотелось только одного – побыстрее умереть.

Лёг на спину. Полк ушёл вперёд. Вокруг – никого. Ночь. Мороз. Тишина. Смотрю на звёзды. Почему-то с детства я любил подолгу разглядывать их и даже мечтал стать астрономом. Смотрю на Большую Медведицу, вспомнил малую родину, мать, отца. И вдруг чую, доносится до меня запах кухни. И так мне сразу захотелось пожрать, что это пересилило желание умереть. Появилась не жажда жизни, а жажда утолить именно голод. А при себе-то никакой еды нет: ещё вечером каждый из нас свой паёк доел. Попробовал сесть – получилось. Стал вставать, опираясь на автомат, встал – не падаю. И поплёлся я, шатаюсь, на дух съестного, мечтая об одном: как бы утолить голод. Шёл и шёл – и неизвестно откуда брались силы. Прошёл, наверно, с полчаса; запах кухни всё сильнее. И вот вижу – полевая кухня, а рядом человек в шинели суетится. И тут мне подумалось: «А вдруг это немцы? Фронт-то совсем рядом».

Снял с плеча автомат, вогнал патрон в патронник и подкрадываюсь ближе. Если, думаю, это немец, пристрелю его и всё равно поем. Держу автомат наготове и приближаюсь. Кашевар наконец увидел меня и направленный на него ствол да как заорёт:

– ... твою мать! Какого ... народ пугаешь?

«Ну, – думаю, – слава богу, свои».

– Браток, – говорю, – умираю.

– Что такое? Ранен?

– Нет, выбился из сил. Дай чего-нибудь поесть.

– Не могу. Потерпи полчаса. Вот доварю, потом каши дам.

– Не могу ждать: за дезертира посчитают.

– Ну что я тебе сейчас дам?

Вдруг вижу, лежат недалеко на снегу пустые банки, из которых он только что выложил в котёл тушёнку. Взял я у него котелок кипятку и давай ополаскивать эти банки. Потом из них всё назад слил. Получился мясной тёплый бульон. Выпил я половину котелка, чувствую – силы появились. Эх, если бы ты знал, какой изумительный вкус был у того бульона! Я до сих пор помню этот вкус.

Поблагодарил я кашевара и двинулся догонять своих. Пройду немного, остановлюсь и аккуратно, чтобы не разлить ни капли, отхлёбываю по глотку этот бульон. Допил я его, и тут отчётливо мне в голову ударила мысль: «Если не догону своих до позиций, отлучку расценят как дезертирство». А за дезертирство на фронте был разговор короткий – расстрел на месте. Особисты тогда не дремали. А впрочем, в той обстановке иначе и нельзя было. Вышел я на дорогу и ускорил шаг. Вижу, замёрзшие солдаты по обочинам дороги всё чаще стали попадаться.

Часа через три догнал своих и примкнул к строю. Никто на меня и внимания не обратил. Ребята были на пределе; шли молча, и каждый шаг для них был каторжно трудным.

Стало рассветать. Слышу, рядом со мной один боец другому говорит:

– Вот и Куликов наверняка уже замёрз.

Тот промолчал – видать, силы берёт. А я сам себе думаю: «Как бы не доложили о моём отсутствии особисту...». И неестественно громко кричу:

– Нет, я здесь!

А часа через три мы уже палили по немецким танкам из своих «сорокопятков». Немцев мы, правда, так и не остановили, но потрепали их основательно.

Из нашей батареи после этого боя в живых осталось лишь двое...

Эту историю рассказал мне старик, с которым я познакомился случайно. Где и при каких обстоятельствах мы встретились, не имеет никакого значения. Кто был конкретно этот человек – тоже неважно. Важно лишь, что имя ему – Русский Солдат.

Рядовой Воробьёв

У рядового Воробьёва срочная служба в армии только-только началась, но лейтенант уже хвалил его и ставил другим солдатам в пример. Дело в том, что строевая подготовка, которую взводный считал основой основ армейской службы, Воробьёву давалась куда легче, чем многим из его товарищей. Дома Воробьёв много лет занимался каратэ и теперь «тянуть носок», как требовал командир, было для Воробьёва просто детской забавой. Но однажды всё изменилось...

Мотострелковый батальон, в котором служил Алексей Воробьёв, прибыл в Чечню на второй день штурма Грозного. Среди солдат ходили самые разнообразные слухи о количестве убитых и раненых, и эти пересуды не предвещали ничего хорошего в судьбе любого из вновь прибывших. Маховик войны, в огне которой уже сгорели сотни русских и чеченцев, с каждым днём набирал обороты...

Орудийные выстрелы, которые Алексей слышал раньше лишь во время праздничных салютов, теперь грохотали непрерывно. Воробьёв ясно ощутил, что прыгающий на кочках БТР неумолимо приближается к тому месту, где каждому без исключения в лицо заглядывает смерть. Алексею было страшно. По спине пробежал холодок, переходящий в лёгкий озноб. Он оглядел притихших сослуживцев, трясущихся в жёстком и неудобном бронетранспортере, и с некоторым облегчением отметил, что на его состояние никто не обращает внимания. Незаметным движением руки убедился, что нагрудный крестик на месте.

Алексей вспомнил дом, где остались мать и бабушка, которой было уже за восемьдесят. Он знал, что они будут переживать за него, и в душе всколыхнулась жалость к матери, которая страдала от диабета и держалась только благодаря лекарствам. Воробьёв с сожалением подумал о том, что нет у него ни отца, ни брата, ни сестры. Отец по пьянке утонул в реке, когда Алексею не было ещё и года, и осталось от него только несколько пожелтевших фотографий и могила на городском кладбище. Девушки у солдата тоже не было.

На следующий день рано утром Воробьёв и его товарищи заняли боевую позицию. Стоял густой туман, и за его стеной не просматривались даже ближайšie сто метров. Где-то совсем рядом, заглушая автоматные очереди, рвались снаряды. Впереди что-то горело, тянуло дымом и непонятным звоном. Лейтенант послал сержанта разведать, что там впереди, а в качестве помощника выделил ему Воробьёва.

Сержант и Воробьёв медленно шли метрах в пятидесяти друг от друга и, опасаясь возможных «сюрпризов», оставленных противником, внимательно изучали почву под ногами.

Совершенно неожиданно возле Алексея разорвался шальной снаряд. Ему оторвало ногу и зацепило живот.

Огненная боль как ножом вспорола все чувства. Беспорядочно замелькали знакомые и незнакомые лица.

Появилась приземистая фигура комбата, который в такт приступам боли отчеканил:

– Мы едем не к тёще на блины. Мы едем наводить конституционный поря...

Очередной вопль солдата взорвал сознание. Комбат пропал...

Какой-то мужик задержался перед Алексеем и пробасил:

– Вот такая загогулина, понимаешь...

Потом всё исчезло, кроме острой пульсирующей боли.

– Мама! Мама! – кричал и рыдал Воробьёв.

И вдруг боль отступила, и Воробьёв увидел, что над ним склонился Бог.

– Господи, спаси меня, я хочу жить, я ведь ещё так молод. Я почти ничего не успел. Я ещё не испытал, что такое женщина, – умоляюще прошептал Алексей.

И в ответ услышал:

– Я тебя спасу, если ты захочешь. Но сначала расскажу, что тебя ждёт. До конца своих дней ты останешься калеккой, ковыляющим на деревяшке. Ты не сумеешь устроить свою жизнь и сопьёшься. Никому не будет до тебя дела. Ты будешь слабым, а слабых не любят ни окружающие их люди, ни власть. Новые русские будут тебя презирать, и никто из них не поможет тебе. Для всех ты станешь обузой. Будешь просить милостыню, а деньги пропивать. И грязный, вшивый, больной умрёшь на вокзале на бетонном полу... Ну что, теперь хочешь жить?

– Господи, хочу жить! Хочу! И постараюсь изменить твоё предсказание. Ты же создал меня человеком, дал разум, волю.

– Ну что ж, живи.

Видение исчезло, и солдат погрузился во тьму.

Сержант, который получил только лёгкое ранение, вовремя оказал Воробьёву помощь и тем самым спас его...

Алексей долго скитался по госпиталям и домой вернулся на костылях. Мать и бабушка встретили его обильными слезами, в которых смешались и радость, и горечь беды, ворвавшейся в их жизнь.

Воробьёв долго осматривался в новой для себя обстановке и думал, как не пропасть в этом мире. На работу его не брали, а на скудную пенсию прожить было невозможно. В городе одно за другим закрывались предприятия, и слово «безработица» стало для многих жителей понятием вполне конкретным и осязаемым. Однако судьба всё же улыбнулась Алексею. Через своих знакомых мать устроила его в сапожную мастерскую, где был хоть какой-то заработок. Теперь Воробьёв был при деле, работа ему нравилась. Она приносила людям пользу и отвлекала от тяжёлых мыслей. Иногда Алексей бросал через окно взгляд на улицу, видел спешащих прохожих и, потрогав рукой обрубок своей ноги, продолжал заниматься старой обувью. Там же в мастерской он познакомился с Татьяной, которая была в числе первых его клиентов. Вскоре они поженились.

С раннего детства Татьяна сполна хлебнула сиротства. Может быть, именно это и подтолкнуло её избрать профессию воспитателя детского сада. Она жалела слабых, а все дети, по её мнению, были слабыми и незащищёнными. В жизни у неё была только одна большая мечта: создать крепкую семью и вырастить детей, которые не повторили бы её судьбу.

Алексей и Татьяна жили дружно, и поначалу всё складывалось удачно. Невестка ладила со свекровью, хотя и жили они в одной квартире. Вскоре Татьяна родила сына – это был самый счастливый день в её жизни.

Гроном среди ясного неба стало для Алексея известие о том, что помещение сапожной мастерской выкупил какой-то предприниматель, чтобы открыть там магазин. Воробьёв остался без работы. Пытался ремонтировать обувь на дому. Чтобы привлечь клиентов, расклеил по городу объявления. Однако из этой затеи ничего путного не получилось.

Как назло вскоре появились проблемы и у жены Алексея. На работе начали задерживать зарплату, которую и деньгами-то назвать было как-то неловко, так как инфляция набирала обороты. Пришлось Татьяне подрабатывать: вечерами и в выходные дни торговала в хлебном ларьке одного мелкого предпринимателя. Платил тот не ахти как, но где заработаешь больше.

Пришла зима, и в ларьке Татьяну стал одолевать холод. Можно было бы поставить мощный электрический обогреватель, но как же его купишь, если он стоит ползарплаты, а денег хватает только на питание. В разговоре с хозяином Татьяна как-то заикнулась о камине; и хозяин сказал, что купит калорифер, но недвусмысленно намекнул, чем за это ей придётся заплатить. Подобные домогательства Татьяна сразу же отвергла и продолжала мёрзнуть, хотя надевала всё самое тёплое, что у неё было.

На появившееся недомогание она не обратила особого внимания, пересиливала себя и шла на работу. Когда слегла, молодой врач скорой помощи не нашёл ничего страшного, а спустя неделю Татьяна умерла от крупозной пневмонии.

Воробьёв совсем пал духом, стал пить, и водка заглушала его душевные и физические муки. Перед глазами маячил годовалый осиротевший сын. Периодически стали появляться мучительные боли в желудке и позвоночнике; от протеза по ночам ныла культя и не давала спать. Душило безденежье. Алексейпил горькую, и ему становилось немного легче.

У Алексея появились друзья, такие же, как и он, неудачники. Он стал пропадать по ночам. Однажды Воробьёв ушёл из дома и не вернулся. Говорили,

что его видели на юге, в одном из курортных городов, на вокзале, в компании бомжей, спившегося и окончательно опустившегося.

Через два года в городской газете появилась публикация следующего содержания:

«Решила написать вам горькое письмо, может быть, поможете нам. Дело в том, что я уже старая, пенсия маленькая и ту задерживают, а мой внук остался без отца и без матери. Мать умерла, а отец бросил своего ребёнка. Внуку моему три годика. Такой красивый ласковый мальчик, чистенький, но мы часто сидим с ним полуголодные.

Сейчас вот все ноги истоптала по милиции, сколько заявлений на сына подала, чтобы его изловили и заставили работать на ребёнка. Правда, сын-то у меня инвалид, да и спился к тому же, где-то бомжом ходит. Жив ли, и сама не знаю. А милиция говорит, что этим заниматься никто не будет. Вот теперь прошу, чтобы сына лишили родительских прав, потому что уже толку не будет. Наша местная власть пообещала устроить дитя в детдом, но всё до сих пор что-то тянут, и никакой помощи.

Помогите мне, добрые люди, отдать внука в хорошие руки на воспитание. Клянусь Богом, искать его не буду. Я сама не могу воспитать. Буду не против, если кто-то из-за границы усыновит.

Не осуждайте меня, люди, за такой мой грех. Ведь я уже старая и больная, и к тому же диабетик. У меня на руках ещё и мать 86 лет. А живу я на первом этаже. Соседи меня то и дело заливают, да и свои краны ни один не работает. Куда только не обращалась. И в жилконторе тоже. А там отвечают, за свой счёт, бабка, всё делай. Много ли на пенсию сделаешь, если порой молока ребёнка не на что купить.

Простите меня, люди добрые. Раиса Ивановна».

Ниже этого письма была пометка о том, что адрес Раисы Ивановны находится в редакции.

ПОЭЗИЯ

Надежда ОХРИМЕНКО

НАДЕЖДА ОХРИМЕНКО

Надежда Николаевна Охрименко – член Союза писателей России и Союза журналистов России. Окончила МВТУ им. Н.Э. Баумана и народный университет рабочих корреспондентов им. М.И. Ульяновой. Автор шести поэтических сборников. Награждена дипломом 1-ой степени и медалью «России верные сыны», памятным знаком «300 лет российской журналистике», почётным дипломом Союза журналистов России, орденом В.В. Маяковского «Светить всегда»; благодарностью Министерства культуры РФ за большой вклад в развитие культуры, многолетнюю плодотворную работу (2016); наградной грамотой с вручением медали «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы», 2020 (МГО СПР), рядом юбилейных медалей МГО СПР и других общественных организаций.

Живёт в Москве.

«Где этот край, дорогой, синеокий...»

Июнь

В июне не бывает тишины,
В нём пенье птиц весёлое, хмельное.
А свет такой струится от луны,
Что хочется её достать рукою.

В июне Солнце, словно лик Творца;
Улыбки у людей добрее, шире.
И кажется, что лету нет конца,
Что по плечу нам всё в огромном мире!

А женщина – какие тут слова! –
Идёт в июнь походкою царицы.
И сколько раз Вселенная права,
Что ей одной поют так звонко птицы!

«Лишние» ветви

Пилят деревья. Кроной высокой
Стали они загоразивать окна.
Выросли больше, чем надо для города.
Этим-то были они мне и дороги!

Плачет пила, та, что пилит их ветки.
Стонут деревья, и стон их по ветру
Громко разносится вечером летним.
Вот и отпилены «лишние» ветви.

Грустно обрубки стволов выступают
В сумерках летних, что долго не тают.
Мне же от этой картины так больно,
Что я кричу тем, кто пилит:
– Довольно!

Жёлтый лист

Очень тихо, тихо и печально
С дерева сорвался жёлтый лист.
Он не спал до этого ночами,
Слушая ветров холодных свист.
Он дрожал испуганно на ветке,
Злой осенний дождь его хлестал,
И собратьев-листьев, как монетки,
Этот дождь, безумствуя, срывал.
Бедный лист не пожалел и ветер:
Оторвал – и бросил прямо в грязь.
И лежит в грязи кто был так светел,
Ничего уж в жизни не боясь.
Знает он, что улететь не сможет
Из холодной лужи – никогда.
Несмотря на это, шлёт прохожим
Тихий свет, как ранняя звезда.

Как мне с вами быть?

Серые глаза и карие,
Как мне с вами нынче быть?
Карие – мне пели арии,
Их никак не позабыть.

Серые – призывно жгучие...
Ох, как трудно устоять!
Но у них любовь колючая,
Уж ни дать, увы! ни взять!

Ах, берёзка, кто же суженым
Будет вскоре, подскажи?!
Но молчит моя подруженька
Среди поля спелой ржи.

Выйду я в луга привольные,
Низко травам поклонюсь.
Полюблю глаза зелёные,
Те, в которых стынет грусть!

Брату

Помнишь, братишка, далёкое детство,
Светлые жизни листы?
Сколько детишек росло по соседству,
Помнишь ли всё это ты?

Снежные крепости, санки и лыжи –
Радости зимних потех!
День ото дня мне дороже и ближе
Детства и слёзы, и смех.

А листопады?! Как чудо природы,
Трогали души всегда.
То, что несутся стремительно годы,
Мы и не знали тогда...

Где этот край дорогой, синеокий,
Где это время, скажи?
Солнце огромное в небе высоком,
Речка, стрекозы, стрижи?!

Нынче ни бабочек нет, ни стрекозок,
В речке – ни щук, ни лещей...
Словно край русских полей и берёзок
Возненавидел Кощей.

Вот потому, когда годы в закате,
Мало, что радует глаз.
Детство далёкое в ситцевом платье
Смотрит с укором на нас.

Расскажи мне про ласковый ветер,
О весенней запевке грачей
И о том, как безоблачно светел
Небосвод после зимних ночей!
О подснежниках, нежных и кротких,
И по-детски весёлых ручьях,
О черёмуховых, о коротких
Опьяняющих майских ночах!
Ты поведай душою поэта
Все цвета и оттенки любви,
О которой поют до рассвета,
Всем влюблённым сейчас соловьи!

ДРАМА

Юрий БОГДАНОВ

Горбун

Драматический этюд

Действующие лица:

№ 222 – Горбун.

№ 333 – Касси (сестра Горбуна).

Майга – Посол Космоса.

№ 666 – (Киллер) приговорён к высшей мере наказания.

№ 665 – (Убивец) приговорён к высшей мере наказания.

№ 444 – Барристер (Адвокат).

№ 999 – Претор (Судья).

Хор пристёжных заседателей.

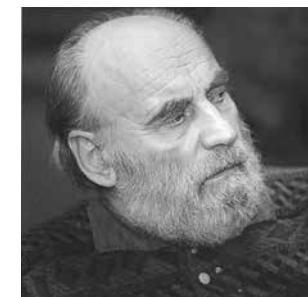
Действие происходит в подземном царстве Критинлэнд, находящемся ближе к ядру планеты. Здесь обнаружена древняя рукопись без указания авторства. Это скорее народная легенда. Она с трудом переведена на современный язык, фрагменты из неё мы представляем читателю.

ПРОЛОГ

В каменном гроте-карцере сидят двое – № 666 (Киллер) и № 665 (Убивец): две мрачные личности – оба приговорены к высшей мере наказания. Скрипят засовы, двери открываются, и охранники вталкивают в карцер небольшого роста горбатого человека. Он испуганно садится в углу.

№ 666

А вот и он... Наслышаны мы, сэр,
О ваших похождениях по жизни...
Такой сморчок, но наш – рецидивист...

Юрий Николаевич Богданов – родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклонуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встань-ка», «Пётр и Февронья», трагедий «Джульетта», «Моррок», «Из-под плинтуса», «Проскурова лажа», «Последний круг» и других. Секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Академик Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

№ 665

А может быть, попал сюда случайно?

№ 666

Случайно не бывает, «корешок»,
Сестрёнку кокнул и во всём признался...

№ 665

И некому придурку подсказать:
Куда слинять, как лечь на дно поглубже...

№ 666

Свой номерок, крысёнок, назови,
А то не дай ты... Можем ошибиться,
Приняв тебя за утку подсадную,
Которую на ужин принесли.

(нависает напряжённая тишина)

Ты что, оглох? Не хочешь отвечать?
Раскальвайся, а не то – заставим!
И будешь петь оглохшим соловьём,
Пуская «петухов» на всю округу.
Встань, подойди к известнейшим людям,
Посмотрим на тебя чуток поближе,
Чтобы запомнить хабало твоё,
Когда висеть ты будешь на удавке...

(№ 222-ой встаёт, выходит в центр карцера, № 665-ой и № 666-ой подходят к нему вплотную)

№ 665

Ну, что молчишь? Язык свой проглотил?
Давай отчёт, как на суде пристёжных...
Ничтожество: расплющ, что клопа!
И как такое ползает по свету?

(№ 222-ой размахивается и даёт затрецину № 665-ому. № 665-ой и № 666-ой оба наваливаются на № 222-го и начинают его избивать. Охранники входят в карцер и уводят № 665-го... № 222-ой лежит на полу, не может подняться и что-то пытается сказать).

№ 222

(шёпотом)

Я слышу оскорбления от них –
Подонков из подонков подземелья,
Но не паду на проклятое дно
И своё имя с грязью не смешаю.

Злословить я преступникам не дам –
Пускай рассудит справедливый Претор:
Я суд без противления приму,
Но перед ними каяться не буду.

(На следующий день приводят № 666-го. Он говорит печальным голосом о том, что вчера повесили № 665-го).

№ 222

(издевательски усмехаясь)

Скотиной будет меньше под землёй...

№ 666

Что ты сказал, несчастный недоносок?
Тебя я смертным боем буду бить,
Пока мозги на место не поставлю.

(№ 222-ой подходит к № 666-му и даёт ему пощёчину, № 666-ой начинает жестоко избивать № 222-го, тот лежит на полу почти как мёртвый. Такая «процедура» продолжается ежедневно, около двух недель.

На 15-й день № 666-ой стоит на коленях перед закрытой дверью карцера и воет, как волк, обращаясь к охраннику).

№ 666

Быстрее, быстрее выпусти, меня:
Сведёт с ума безрогая зверюга.
На виселице легче будет, чем
Претерпевать такие униженья.

(Дверь карцера открывается, и охранник выпускает № 666-го. № 222-ой лежит на полу карцера и впадает в транс. Перед ним проходят разные видения, в том числе, как и в первой картине).

Картина первая

Простая двухкомнатная квартира: за столом сидит №222-ой и что-то пишет, №333-я ходит из комнаты в комнату, исчезает на кухне и всё время говорит-говорит-говорит.

№ 333

А ты, бездельник, всё сидишь в дому?!
Нет пользы от такого человечка,
Что мамочка на свет произвела...
И удавилась, глядя на урода.

№ 222

А кто меня со злости уронил?
Она кричала, что меня не любит,
И ненависть таила на отца,
Да была чем попало без причины!
Горб вырастал, как огненный вулкан,
Боль в мозг впивалась и ломила тело...
Ночами плакал и вопил, что зверь,
Хотелось часто просто удавиться.
Где мой отец, что с нами не живёт,
Не знает он, как жить мне больно, страшно!
Никто не видит горьких слёз моих
И некому открыть больную душу...

.....
А это что? Вошла сквозь двери тень,
Остановилась тихо надо мною,
Повеяло прохладным ветерком,
Зашелестела лёгкими словами:
«Я странница космических миров
Тебя, одна, мой мальчик, пожалею,
Запомни моё имя навсегда
И эхо повторило: Майга... Майга...

.....
Но вновь ворвался в душу, словно гром,
Пронзительный, трескучий голосина:
«Когда, мерзавец, деньги принесёшь?
Пошёл бы в шахту гнусным вертухаем...
Быть может, за доносы не убьют,
Но распрямят изогнутую спину».

.....
Опять, опять, который уже год?
Лет двадцать пять ругательства я слышу –
Они навязли в теле и душе
И жизнь, как ядом смертным, отравили.

Заткнул я уши, но звучат в мозгу:
«Тупой, бродяга, хам и отморозок,
Свинья, бес, леший, гадкий, негодяй,
Урод и дурень, падаль и вонючка...
Всё пишешь, новоявленный баран,
Но эта баба на тебя плевала:
Не нужен ей с одним горбом верблюд,
Сидеть вольготней меж двумя горбами...»

.....
Заклинило мой разум в тот момент,
В мгновение переклинило сознание:
Воткнул в висок ей острое перо,
И тело Касси рухнуло без стоны...

Потом... Потом всё было, как во сне:
Центурионы быстро распознали
И повязали...
Чего мне ждать теперь?
И расплатиться я готов за это...
.....
Что это было? Сон или не сон?
Нарисовались образы реально!
Убил сестру невольной, по злобе,
И смерть за это будет справедливой...

№ 222-ой очнулся, осматривается по сторонам. Он всё ещё остаётся в карцере. Опять скрипят засовы карцера, № 222-ой вздрагивает, двери открываются, входит охранник и выводит № 222-го.

Картина вторая

Зал заседания суда. Полно народа. № 222-ой сидит за решёткой. В центре зала на возвышении сидит № 999-ой (Претор), немного в отдалении, слева стоит № 444-ый (Барристер). Ещё дальше – 13 пристёжных заседателей.

№ 999 (Претор)
(громко объявляет)

Подземный мой, покорливый народ,
Случилось в нашем стане преступление:
Вот этот тип

(показывает в сторону № 222-го)

убил свою сестру
Не из-за денег, а за оскорбленье.
Сейчас должны мы вместе рассмотреть:
Какую меру вынесем убийце –
По нашему закону – смерть – за смерть:
Замуровать живьём или повесить?

№ 444 (Барристер)

Пусть в оправданье что-то говорит,
А суд рассмотрит, в чём была причина.

(в зале народ возмущается):

«Убил сестру за гневные слова!»
«Лишить за это жизни человека?!»

Как адвокат, я людям всё скажу:
Сестра –

(показывает на № 222-го)

его третировала годы,
Несчастливого хотела растоптать,
Изжить его младенческую душу,
И не давала тихо, мирно жить,
Согбенному по злобе материнской...

Унижен был ребёнок навсегда,
А психика травмировалась с детства!
Как ядом, отравлялся слабый мозг,
И приступы с годами стали чаще.
Истерика накрыла, как гроза,
Не помнил, что в секунду сотворилось,
Когда сестра злословила про горб, –
От стресса воспалялись мигом нервы...

.....

(№ 222-ой отвлечённо сидит за решёткой, смотрит на толпящихся людей и невольно бросает взгляд на пристёжных заседателей, считает их: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13; всматривается в лица и вдруг видит, что это одно и то же лицо, и узнаёт в нём Майгу. Почему она здесь и в тринадцати лицах?)

.....

Суду я суть процесса изложил.
Какое наказание назначить?

(голоса из зала)

«Подонку – смерть! Подумаешь, слова...»
«Она братишку гнусно оскорбляла...»
«Несёт он, как проклятье, этот горб...»
«За это каждый с нею б рассчитался...»

№ 444

(вдохновенно)

Все двадцать лет стержовая сестра
Его до сумасшествий доводила,
Старясь страшным словом уколоть,
Физическую немощ опорочить.

Он, как волчонок, ночью подвывал,
И, скорчившись в бесформенный комочек,
Во сне пытался спину распрямить,
Согреть постель горячими слезами.

И кто из вас не в силах сострадать,
Почувствовать израненную душу –
Уже готов послать его на смерть
Во имя справедливости беспечной?

(голоса в зале)

«Нам жалости хватает не для всех...»
«Да-да, да-да мы очень сожалеем...»
«Наверно, он совсем не виноват...»
«Она его могла загнать в могилу...»

Пристёжные, каков же ваш вердикт?

Хор пристёжных заседателей

Мы подтверждаем: он не виноват!
Любой мог оказаться в этой шкуре.
Над ним давно уже витала смерть,
Но лишь её нежданно зацепила...
Его мы предлагаем оправдать,
Судилищ не устраивать неправых.
Здесь ясно всё – поддержим сей вердикт:
Освободить немедленно, сейчас же!

№ 999

А что нам предлагает Барристер?
Он должен согласиться с пристёжными!
Я выношу такой же приговор...

(показывает в сторону № 222-го)

Его освобождаю в этом зале...

№ 222-ой ошарашен данным решением суда и видит, как все пристёжные материализуются в одну Майгу. Она словно подплывает к нему, берёт его за руку, увлекает за собой.

ЭПИЛОГ

Майга

Ловила я флюиды всех земель,
Но услышав просительные стоны
В эфире, засорённом чепухой,
Пришла к тебе, чтобы восстановилась
Та справедливость, высшая в суде,
Не только над тобой, и над другими...

Сейчас пройдем невидимый портал
И полетим в космическом пространстве
В галактику, где страшной смерти нет,
Горб пропадет, и с ровною спиною,
Войдешь в тот мир, как будущий Геракл,
Для радости и жизни бесконечной.

Конец

ПОЭЗИЯ

Виктор КАШКИН

Виктор Михайлович Кашкин – член МГО СП России. Известен по публикациям в газетах, журналах, коллективных сборниках. Автор поэтических книг «Россия дальше Енисея», «Я берега свои искал» и «Всего дороже».

Живёт в Москве.

«Что за поэт, когда не хулиган...»

Тверская улица в июне.
Страстная площадь, где поэт
Поднялся в бронзе накануне
Своих торжеств на постамент.

Без Пушкина – какой же праздник?
В соперничестве двух столиц
Поэта не спасли от казни
Читатели из первых лиц.

Приговорив его к дуэли,
С лорнетом шепчется лорнет.
Всё на французском. Им владели,
Роднее речи будто нет.

А в день рождения помянут
И лицемеров, и друзей.
Цветы по случаю увянут,
Подарят Пушкину музей.

Страстная поменяет тени.
Монастыря в помине нет.
А без него она не в теме,
Когда бы не её поэт.

Поеду к Пушкину, и встречу
В его компании рассвет.
Сценарий прошлого не лечит,
Да мало ли болтает свет.

Пример прощения дарован,
Коль с Божьим именем живём.
Не отлучи себя от Слова,
И казни все переживём.

К Тверской стекается столица,
Где площадь Пушкина. Просил
Поэт меня не суетиться,
Он нас давно уже простил.

День апрельский был,
 день московский.
Ждали в цирке на репетиции.
Позвонили,
 что Маяковский..
Нет,
 не будет его к одиннадцати.
Серым городом
 в серых улицах
Неудачное утро сутулится.
И калошами
 в серых лужицах
Неохотно весна швартуется.
Знаю:
 день тот
 не так начался бы,
На него не легла бы туча.
Но
 с поэтом квитался быт,
Быт любимой,
 любивших муча.
Знаю:
 надо бы в телеграмму
Вмолнить строчку слепящих слов,
Распечатав кардиограмму
Снова
 в лестницу
 жгучих строф.
Знаю:
 пульсом не слабым бился,
Если сам
 он пружинил курок,
Если сам
 он так торопился,
Верю,
 значит, иначе не мог.

И поэтому
 сослагательным
Не закончится день московский,
И всегда
 я в нём
 прилагательным,
Существительным –
 Маяковский.

Заря Серебряного века –
Блок, Бунин, Северянин, Брюсов..
Тут целая библиотека,
У каждого немало плюсов.

Судьба Серебряного века –
И Маяковский, и Есенин..
И здесь имён библиотека.
К примеру, Гумилёв. Не гений?

А Мандельштам? Не та же участь?
Или страдальческие дни
Цветаевой. Кто жил не мучась
Из них? Но только не они.

Закат Серебряного века –
Ахматова и Пастернак.
Хотя и пережив генсека,
Сорвали лишь посмертный банк.

Заря,
 закат,
 судьба поэтов
Спать не давали до утра,
Пока чертил
 автопортрета
Наброски
 росчерком пера.

Что за поэт, когда не хулиган,
Когда его не балуют напитки,
Вот Маяковский пробовал наган,
Есенина браня за пережитки.

И Лермонтов не прятался в шинель,
Когда вопрос о совести и чести,
И Пушкин торопился на дуэль
Не просто из-за ревности и мести.

А мне слабо иметь себе врага
И полагаться в споре на монету,
И если подставлял к лицу наган,
Так чтоб зажечь от дула сигарету.

Большая Садовая, 10

Адрес, где при богемном доме
Москвичом киевлянин стал,
По известности на подъёме,
Кто здесь только не обитал.

Любопытные персонажи
Волей автора шли сюда.
Больше всё с театральным стажем,
Ждущим зрительского суда.

Здесь Коровьев и Бегемот
На ролях плутоватых друзей,
А всамделишный чёрный кот
Честно трудится на музей.

Здесь в квартире Мастера нет
Маргариты, зато она
Сберегла его кабинет
На хорошие времена.

Нехорошей квартиры свет
Полумраком лечил врача,
Что своих не жалел манжет,
О достоинстве хлопоча. *

* «Главное – не терять достоинства» – ...можно сказать, что эта фраза... и выражала кредо всей жизни писателя Булгакова». См.: Л.Е. Белозерская. «Страницы жизни», в книге «Воспоминания о Михаиле Булгакове». Москва, Советский писатель, 1988 г., стр. 229

ПРОЗА

Юрий ПОКЛАД

Бакарди-ром

«Бакарди-ром» – символ роскошной жизни
(из рекламы)

1

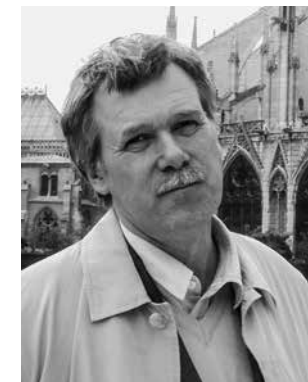
Пансионат на берегу моря строили лет пять или больше. Участок огородили панцирной сеткой, края которой заходили в воду. С деньгами, видимо, были проблемы, стройка иногда замирала, бетонный каркас с неряшливо торчащей ржавой арматурой месяцами мёртво стоял посреди песчаного пляжа.

В начале лета Николаю Терентьевичу Белякову предложили сторожить пансионат, и он согласился: хоть какое-то занятие. Жена давно умерла, сын лет десять назад уехал на заработки в Россию, там и остался, иногда приезжает с женщинами, каждую представляет как жену, но никакие они ему не жёны. Он подарил Белякову сотовый телефон, но звонит только перед приездом. Николай Терентьевич ждёт его звонков, заряжает телефон регулярно, но он молчит.

Беляков дежурил по ночам, к пансионату приходил к восьми вечера, никто его не проверял, но он привык работать по-честному. Неторопливо шёл каменистой тропинкой через камыши к пляжу, переждал поток машин, прежде чем перейти шоссе. От его дома до пляжа недалеко, но он затрачивал на дорогу полчаса, потому что ныли суставки.

Сегодняшний день ничем не отличался от предыдущих. Отопнув замок на воротах и попав на стройплощадку, Николай Терентьевич зашёл в вагончик, в лицо ударил поток душного, нагретого за день воздуха; Беляков распахнул окно. В первый же день работы он привёл вагончик в порядок: отремонтировал стол и стул, принёс из дома электрическую плитку и чайник, сколотил нары, постелил на них старый, с вылезавшей по краям ватой матрас.

Он взглянул мимоходом в осколок зеркала, заткнутый за электропроводку над столом,

Юрий Александрович Поклад – родился в 1954 г. в Свердловской области в семье военнослужащего. С 1961 г. жил в г. Куйбышеве (Самаре), где окончил в 1977 г. нефтяной факультет политехнического института. Работал в геологоразведочных экспедициях глубокого бурения в Крыму и на Крайнем Севере (Ненецкий АО), на нефтяных промыслах Западной Сибири. Строил морские буровые платформы на верфи «Самсунг» в Южной Корее. В 1994–1999 гг. сотрудничал в Объединённой редакции МВД России (обозревателем газеты «Щит и Меч»). Публиковал рассказы и повести в журналах. Рассказы звучали на радио «Русский мир» («Театр у микрофона»). Повести выходили в сборниках издательства АСТ, а также издательства Объединённой редакции МВД РФ.

Живёт в Мытищах.

увидел загорелое, скуластое лицо семидесятилетнего человека: щетина, рубцы морщин на щеках, косматые седые брови. Каждый раз Беляков удивлялся: он казался себе намного моложе.

Николай Терентьевич рассеянно обошёл участок, трогая ногами материальные ценности: кипы досок, арматуру, стянутую проволокой, цемент в мешках, накрытый брезентом. Всё на месте, в точности, как вчера, ничего не пропало. Прилёг на тёплый песок, стал глядеть в море.

Жара спала, но знойная напряжённость оставалась в воздухе, словно в духовке, которую недавно выключили. Небо было густо-синего цвета, оно сохраняло такой цвет всё лето. Лёгкие волны неторопливо полизывали берег, море замерло, словно озеро. Беляков стал рассеянно пересыпать ладонями песок, он приятно грел руки. На пляже к вечеру оставалось немало отдыхающих, некоторые подолгу не вылезали из моря, вода стала слишком тёплой и не освежала. Николай Терентьевич не любил купаться, да и плавок у него не было, а чёрных «семейных» трусов он стеснялся.

Коллектив из трёх девушек и двух парней расположился неподалёку от панцирного забора стройплощадки. На расстеленных покрывалах было расставлено множество красивых бутылок и закусок в одноразовых пластмассовых тарелках. Ребята отдыхали всерьёз.

Николай Терентьевич в последнее время выпивал редко: болел желудок. Носил в кармане пакетик с содой. Когда жжение в желудке становилось нестерпимым, насыпал её в горсть и отправлял в рот, запивая водой. Отпускало.

Беляков принялся наблюдать за молодыми людьми. В высоком и тонком, с гордо посаженной головой парне чувствовался лидер, он громко говорил стоящей рядом девушке:

– Мало ли, что ты хочешь. Мне это неинтересно. Мне наплевать на то, что ты хочешь. Понятно?

Хамство – свойство лидера.

Другого парня, с длинными волосами, схваченными на затылке резинкой, две девушки никак не могли поделить, схватив за руки, тянули его в разные стороны. Вроде бы в шутку, но чувствовалось, что всерьёз. Будь такая возможность, они бы разорвали его. Смеялись нервно и возбуждённо. Парень грубоватыми движениями освободился от докучливых барышень, обогнув по мелководью панцирную сетку, подошёл к Белякову.

– Не помешаю? – прилёг на песок напротив.

Русая щетина на щеках, ещё не ставшая бородой, в левом ухе – серьга, на шее – крестик на толстой серебряной цепи, на левой руке, до самого плеча, непонятные наколки. Несмотря на замысловатый вид, взгляд голубых глаз прост и доброжелателен.

– Что-то ищете? – спросил он.

Николай Терентьевич понял, что парень обратил внимание на пересыпание ладонями песка, и немного смутился.

– Нет, просто так.

– Сторожите?

– Сторожить тут особенно нечего, но сейчас такое время, найдут, что спереть.

– А мы из Москвы. Решили развеяться. Хотели в Африку махнуть, но проект сорвался, на деньг пролетели, пришлось в Крым.

– Чем занимаетесь?

– Продуктами.

– Фабрика, что ли?

– Нет, зачем нам фабрика. Где-то покупаем, где-то продаём.

– Спекулируете?

На сей раз смутился парень.

– Неприличное это слово. Нет сейчас такого слова.

– А какое есть?

– Бизнес.

– Что значит «бизнес»? Продуктов-то от вашего бизнеса не прибавляется.

Парня не устроила эта логика, ему не хотелось верить в бессмысленность своей деятельности.

– Это со стороны кажется, что всё просто: продал, купил, получил прибыль. Надо конъюнктуру спроса изучить, цены, заказчиков найти, транспорт. Вон тот парень у нас директором, голова у него хорошо работает.

Николай Терентьевич понял, что лидера определил верно.

– А девушки, это супруги ваши?

– Какие там супруги. Тут сняли. Мурзилки из Костромы.

Парень пренебрежительно фыркнул.

– Выпить хотите? У нас этого добра сколько угодно.

– Желудок побаливает, – уклончиво ответил Беляков.

Парень, не обратив внимания на увёртку, сбегал за изгородь, принёс большую бутылку светло-коричневой жидкости с яркой этикеткой, минеральную воду и два пластмассовых стаканчика.

– «Бакарди-ром», – гордо потряс он бутылкой, – семьдесят пять градусов. Его, вообще-то, в коктейль добавляют, да уж ладно, и так пойдёт.

– Гера! Гера! – стали скандировать девушки, приглашая собеседника Николая Терентьевича вернуться в компанию.

Гера отмахнулся.

– Зовут, – сказал Беляков.

– Скучно с ними, надоели. Секс да секс, что я, робот, что ли?

Ром был чересчур крепок, он обжёг горло, жарко растёкся по желудку. Беляков, с трудом отдышавшись в кулак, спросил:

– Так и не женились до сих пор?

Собеседник помрачнел.

– Я женат. Штамп есть. Только жена ушла.

– Почему?

– Нашла более достойного поклонника. Она платя рекламирует, на курсах красоты выступает. Модель. Дверью хлопнула, даже вещи не взяла. Что мне теперь с ними делать? Я хотел по-человечески, чтобы дети, и всё такое. А она за фигуру беспокоилась, профессию боялась потерять.

– Может, вернётся?

– Не вернётся. Нервная. И гордая. Каждый день ругались.

– Красивая жена – большая забота, – согласился Беляков. – Другая найдётся.

– Когда-нибудь найдётся. А пока ситуация промежуточная: эта жизнь закончилась, другая не началась.

– Любите вы её, – убеждённо сказал Беляков и вновь принялся пересыпать песок из ладони в ладонь. – И я жену любил, тоже красивая была.

– Ушла? – заинтересованно спросил Гера, ему хотелось узнать подробности.

Но Николай Терентьевич не желал вспоминать своё горькое счастье.

– Ушла. Потом вернулась. Потом умерла, – коротко ответил он.

Размахнувшись, бросил камень в море.

– После Крыма ещё куда-нибудь съезжу, – сказал Гера, – не хочу в Москву. Буду, как ковбой в том анекдоте: никто не может его поймать, потому что никому он не нужен.

Он тоже бросил камень в море.

Солнце, скрываясь за горизонтом, заливало лучами весь залив – от мыса Чауда до мыса Ильи, к берегу пролегла огненная полоса с рваными краями, посвежело.

– Кем раньше работали? – спросил Гера, стараясь увести разговор от печальной темы.

– Бурильщиком. На Севере. Скважины бурил на нефть.

– Нефтянка, хороший бизнес, но разве туда влезешь?

– У меня больших доходов с того бизнеса не было. Я искал нефть, а не продавал. Продавали другие. Её пойдёшь ещё, найди. Геологи колдуют-колдуют, скважину испытаем, а она пустая. Или с водой. Вот, к примеру, Первая Прибрежная, говорили, точно будет с нефтью...

И он рассказал, как бурили Прибрежную, как забуривали её в лютые холода, растапливали воду в ручье горячей нефтью, как подмыли левую, если глядеть от мостков, ногу вышки, и вышка едва не упала, как оборвалась девятидюймовая обсадная колонна при спуске, её ловили два дня, и ему, Белякову, удалость её зацепить, как насмерть замёрзли люди в вахтовой машине, которая поломалась в пургу, не доехав до Прибрежной двадцати километров, как тяжело было работать три месяца подряд, когда не прилетел на вахту сменщик.

Пока он говорил, начало смеркаться, загорелись окна домов, опоясывающих залив, особенно много их возле порта, в центре города. Показался над морем бледный обломок выщербленной луны. Песок остыл, Николай Терентьевич волоком притащил два лежачка, и они с Герой улеглись на них напротив друг друга. В бутылке оставалось больше половины, но Николай Терентьевич чувствовал кружение в голове, давно он не пил так много, но это не мешало ему вспоминать новые подробности бурения скважин в северных краях, чуть привирать, и самому верить в придуманное, оно казалось забавным и достойным.

Забавного в его жизни было немного. Вся она состояла из монотонного, тяжёлого труда, лёгкой работы на буровой не бывает. Беляков старался вспомнить смешные случаи и весёлые розыгрыши, чтобы рассказы не показались собеседнику скучными.

– Один живёте? – спросил Гера.

– Один. Сын летом приезжает, привозит, как вы говорите, мурзилку, а что с них толку? Это ж не семья. Мне внука хочется.

Николай Терентьевич чувствовал себя пьяным, пора было пойти в вагончик и лечь спать, но обрывать разговор с хорошим человеком не хотелось.

– Тяжело в жизни приходилось? – спросил Гера, уловив браваду в рассказах Белякова и пытаясь узнать оборотную сторону.

– По-всякому. Жизнь быстро прошла, кроме работы и вспомнить нечего.

– Ну, а если б была возможность прожить сначала, на второй заход пойти, согласились бы?

Геру, видимо, очень волновал этот вопрос, может быть, прикидывал, не пойти ли самому на второй заход.

У Белякова имелись на этот счёт свои соображения, он не стал спешить с ответом. Встал с лежачка, подошёл к электрощиту на стене, включил прожекторы, которые ярко осветили корпус недостроенного пансионата и лежащие на площадке материальные ценности, в свете прожекторов замечалось несколько летучих мышей. Один из прожекторов осветил крышу ночной дискотеки, расположенной дальше по пляжу. Из дискотеки доносилась музыка: бухал барабан, ревели гитары.

Николай Терентьевич вернулся к собеседнику, Гера ждал его с наполненными стаканчиками. Беляков махом выпил и тут же пожалел об этом. Так однажды на буровой, поторопившись, ударился лбом о нагнетательную линию бурового насоса, расположенную на предательски-низкой высоте. Каска отлетела под манифольд, перед глазами сверкнули молнии, он долго не мог прийти в себя.

– Надо всё-таки разбавлять эту гадость, – сказал он придушенным голосом.

– Так что вы скажете? – допытывался Гера.

Кружение в голове мешало сформулировать мысль, Николай Терентьевич не мог подобрать нужных слов, они ускользали, словно тени летучих мышей.

– Вот, если б я при этом помнил, что со мной в этой жизни случилось, – попытался объяснить он, – если б во мне сразу два человека было, тот и этот, тогда можно было бы попробовать.

Гера язвительно засмеялся. Николай Терентьевич понял, что смеётся он над собой, что идея прожить жизнь заново, более успешно, безнадежная глупость, но Белякову казалось, что он смеётся над ним. Легко ли признать себя неудачником и просить вторую попытку?

Гера снова разлил «Бакарди-ром» и, приподняв свой стаканчик, словно для тоста, сказал, мечтательно сощурившись:

– Вот, если б попробовать...

2

В первом классе за одной партой с Колей Беляковым сидела упитанная девочка с русской косой, Лариса Сергеева. Проведя пальцем границу посередине парты, она строго говорила:

– Чтобы твоего локтя за этой чертой я не видела, понял?

Она была склочной и вредной, эта Лариса, кричала на всех обиженным голосом, хотя никто её не обижал, воровала у Белякова яблоки из портфеля, хотя яблоки на рынке продавались дешево, их можно было даже нарвать даром, если не полениться поехать на велосипеде в ничейный сад за кладбищем.

Коля не обращал внимания на эту подпольную деятельность, раньше – потому, что не хотел ругаться со злобной девчонкой, которая всё равно бы нашла способ выкрутиться, сейчас – потому, что было жаль её.

Теперь он знал её жизнь, она знать её не могла и жила мечтами.

Ларису лишило невинности в восьмом классе двоечник Володя Максимов – длинноволосый, худой оболтус с гнилым запахом изо рта. Произойдёт это на квартире Максимова по молчаливому согласию Ларисы. Несмотря на всю мощь наступательного порыва, юный любовник надежд не оправдал. Он разочаровал Ларису, отвратив её торопливой неумелостью от дальнейших опытов

на два года, до выпускного вечера в десятом классе, где она сама совратила одноклассника, поэта Сашу Попова, в которого были влюблены все девочки в школе. Торопливая ночь с Сашей останется самым ярким воспоминанием в её жизни.

Что хорошего в воспоминаниях об овощных и продуктовых магазинах, где она работала продавцом? О случайных мужчинах, появлявшихся в её жизни до тех пор, пока не встретился Павел, беззаботный водитель междугородного автобуса, весельчак с гитарой, за которого она торопливо вышла замуж из-за беременности?

Женитьба не изменит образа жизни Павла, он продолжит играть на гитаре и болтаться с друзьями допоздна. От Ларисиних упреков будет отмахиваться, называя её «домашней пилорамой», будет петь возмутительные песни: «Ты дуручка, ты думаешь, всё кончилось, отпела, отлюбила, отплясала моя хмельная молодость?».

Дети вымотают душу болезнями. Очереди в поликлиниках, места в яслях и в детском саду, порка за двойки в школе, неподъёмные сетки с продуктами, – всё сама, сама. Дети учились плохо, семью называли «неблагополучной». Павел возвращался из рейсов усталым, ему надо было отдохнуть.

К тридцати пяти годам Лариса подувянет, станет сильно краситься, выпивать после работы, в лице появится одутловатость, на ногах вздуются вены. Ей будет сорок три года, когда Павел разобьётся на автобусе. Через год сына посадят за кражу, дочь родит ребёнка неизвестно от кого.

Если кто-то разбрасывает камни, то кому-то приходится их собирать. Лариса поймёт, что это занятие ей не под силу. Она продолжит бессмысленно ходить на работу, в овощную палатку на рынке, взвешивать грязную морковь, свёклу и картофель, ненавидеть покупателей, стараться не обращать внимания на режущую боль в коленях...

Этого печального финала Лариса не знала и всё толкала, толкала безответного соседа по парте в бок острым локтем, всё воровала на переменах яблоки у него из портфеля.

Белякову захотелось сказать Ларисе что-нибудь хорошее, чтобы она стала добрее, чтобы жизнь пошла по-иному. Доброта способна совершить волшебные превращения. Лариса в такие глупости не верила. Семилетняя девочка, задорно-курносая, с расчёсанными на прямой пробор волосами, с веснушками на полненьких щёчках, не сомневалась: жизнь – это борьба за счастье, место под солнцем нужно завоевывать, мест мало, всем не хватит. Тянуть с этим вопросом не стоит, начать можно хотя бы со щуплого мальчишка, соседа по парте. Да не всё ли равно с кого? Но для того, чтобы ты выиграл, кто-то должен проиграть.

Беляков понял, что все неудачи в жизни коренятся в том, что он вовремя не дал отпор агрессивной девочке. Двинь он ей в бок локтем, она б заплакала и сдалась, а он вырос бы бойцом, в любой момент готовым дать отпор. Но почему-то ему не хотелось уподобляться Ларисе, он не стал её обижать.

3

Воинская часть располагалась неподалёку от огромного цементного завода. Армейскую тоску усугублял насыщенный мельчайшими частицами цемента воздух, вызывающий астматический кашель. Особенно невыносимо было в жару.

С самого начала службы Белякова не оставляло предчувствие беды; раньше он томился неизвестностью, теперь точно знал, откуда её ждать. Ещё не ясно, что тяжелее: незнание в прошлой жизни, или уверенность в этой.

К тому, что армейская служба полна идиотизма и унижений, он был заряжен терпением на два года, знал, что перенесёт армейские невзгоды, но в Лиде уверен не был. Он писал ей беспримерные по проникновенности письма, для безнадёжного троечника это был подвиг.

В школе Лида училась намного лучше Белякова, много читала, играла на пианино. Коля опасался, что ей скучно с ним, увлечь её рассказами о занятиях в конькобежной секции не удавалось. Лида слушала с терпеливым вниманием воспитанного человека. Коля понимал, шансов у него немного. Но они были, потому что имели существенный, прочный фундамент. Однажды, всего однажды, он не верил, что это произошло наяву, Лида вдруг предложила ему остаться у неё до утра, когда её родители были на даче. Трудно сказать, почему так случилось, возможно, её измучило любопытство, она так много читала и слышала о том, что происходит между женщиной и женщиной, и решила на этот шаг, подражая героиням Мопассана, Золя или ещё кого-то.

И Лида, и Коля так испугались происшедшего, что эксперимента больше не повторяли. Коля был уверен, что сам факт близости – гарантия верности Лиды.

Первые полгода службы в увольнительные не пускали. Белякову не терпелось позвонить, и он, вместе с другом, Володей Пичуриным, решил на самоволку. Измучившись подозрениями, что Лида встречается с кем-то другим, Коля обо всём рассказал ему.

Городок возле воинской части был жарким и чахлым, ни единого деревца на узких улицах, вместо пыли ветер мёл по асфальту сероватые частицы цемента. В таких местах с беспросветной быстротой вянут последние надежды.

Володя сразу же ринулся к пивному ларьку, запотевшие на дикой жаре кружки, выглядели соблазнительно. Беляков не стал пить пива, он весь извёлся, пока Володя с наслаждением, глоток за глотком, высосал три кружки. После длительных расспросов прохожих удалось разыскать убогое, приземистое здание переговорного пункта.

В единственную будку междугородного телефона томила очередь. Беляков стоял в духоте тесного помещения, боясь отлучиться даже на секунду. Люди говорили подолгу, болтали всякую муть, ради которой и звонить-то не стоило. Особенно взбесила толстая тётка. В будке, напомилавшей парную, тётка истекала потом, она размазывала его ладонью по румяным щекам и мощной шее, но продолжала монотонно вымогать дурацкую информацию: «А картошка почём у вас? А помидоры? А на сахар подняли цену? И соль подорожала?»

Ожидание становилось невыносимым, в части могли обнаружить их отсутствие, мог появиться воинский патруль, проверить документы и забрать на гауптвахту, да мало ли какие последствия могла иметь отлучка с места службы. Володю после пива интересовал туалет, только об этом он и говорил, а когда справил надобность в ближайших кустах, принялся нудить, что пора возвращаться в часть.

Но Беляков решил дозвониться во что бы то ни стало. Мужчина в белой рубашке навыпуск, несомненно, был военным, он говорил по телефону

чеканными фразами: «Так точно. Вчера прибыл. Всё будет исполнено». Но времени у него ушло почти столько же, как и у тётки. Когда подошла его очередь, Беляков уже перегорел, ему не столь остро хотелось услышать голос Лиды, да и времени на длительную беседу не оставалось.

Мать Лиды, Ольга Христофоровна, ответила так, словно попрощалась только вчера:

– Да, Коля, слушаю тебя. Лиды нет, где-то гуляет. Не могу точно сказать, когда придёт, не знаю. Позвони часа через два.

– Передайте ей привет.

– Хорошо, передам.

Ночью, лёжа в темноте казармы, Беляков снова и снова оценивал интонации Лидиной мамы, в них чудилась недоговорённость, она не хотела его расстраивать. Ольга Христофоровна была приветлива к Белякову, но на проводах в армию настояла, чтобы Лида в десять часов вечера отправилась домой, хотя ей хотелось остаться. Когда стало ясно, что Ольга Христофоровна не отступит, Лида обняла Колю и поцеловала. Мама сделала вид, что этого не заметила.

Следующим летом, через год, он получит от Лиды письмо, которому вовсе не обязательно было быть таким подробным. Суть дела излагалась в одной строчке, на этом письмо следовало закончить и не тянуть ко́та за хвост на четырёх страницах. Разве играют роль причины, по которым человек принимает решение? Когда бросают с пятого этажа вниз головой, бессмысленно стелить на асфальт коврик.

В ту самоволку Беляков пошёл со звенящим отчаяньем в душе, не боясь ничего. Письмо лежало в правом кармане гимнастёрки и жгло грудь так, словно было пропитано концентрированной кислотой. Они пили с Пичуриным водку, вино, опять водку, убегали от патруля проходными дворами, опять что-то пили в грязной забегаловке возле рынка. Потный и пьяный Пичурин допытывался, заглядывая Белякову в глаза:

– У тебя всё с ней было?

– Какая разница?

– Очень даже большая разница.

Разницы не было, планы рушились, жизнь, на которую рассчитывал Беляков, не получилась. Ничего получиться и не могло, не сложатся кубики так, как хочется, хоть пять раз проживай эту жизнь, а если пытаться сложить их насильно, конструкция будет шаткой и непременно развалится. Он не мог стать мужем Лиды. Нужно было хорошо учиться в школе и поступать в университет, играть на пианино, а не гонять допоздна во дворе в футбол, читать много книг, чтобы Лиде было о чём с ним говорить. Единственная ночь «любви из любопытства» не могла стать веским аргументом для замужества, Ольга Христофоровна не допустила бы голодранца в семью. Одолеть жестокую справедливость жизни невозможно.

Через много лет Беляков разыщет Пичурина, директора металлургического завода, позвонит ему, но секретарша не станет соединять руководителя, у которого каждая минута на счету, с непонятным «армейским другом», и Беляков запишется на приём.

Пичурин удивится и встревожится: люди приходили к нему исключительно для того, чтобы что-то просить. Белякову нечего было просить, ему хотелось вспомнить, как напились они в запылённом цементом городе, как ходили, обнявшись по улицам, как искренне Володя его успокаивал; вспомнить эти дни, заполненные отчаяньем, когда Володя разделил его горе.

Пичурин так и не поверил, что Беляков пришёл из-за такой ерунды, ждал, что он примется что-то просить. Беляков пожалел об этом визите.

4

Саша Попов писал стихи, но не это было самым главным для Белякова. Многие в их классе писали стихи, тайно обмениваясь тетрадками. Не из-за них тянуло Белякова к Саше, словно металл к магниту.

Саша был уверен, что пишет превосходные стихи, и выступал с ними на школьных вечерах. У него были густые, светлые волосы, он тщательно зачёсывал их назад, обнажая прекрасный, высокий лоб. Руки – с длинными, нервными пальцами, он магически жестикულიровал ими, когда читал стихи. Походка – неторопливая, полная достоинства; подбородок вздёрнут, спина прямая. Говорил он мало, но веско.

Коля ничего не мог понять в его стихах, молчал, когда их хвалили. Беляков гордился дружбой с Сашей, не вполне понимая, чем же мог её заслужить. Теперь ему было ясно: Саше нужен был преданный почитатель, оруженосец Санчо Панса, на которого можно в любой момент опереться, который, не перебивая, выслушает любые Сашины откровения и не будет соревноваться с ним в уме.

Может быть, лучше было бы иметь друга менее одарённого и обаятельного, но с другими Белякову казалось скучно и неинтересно.

Саша был непостоянен: мог приходиться каждый вечер и сидеть у Белякова допоздна, но мог не появляться неделю, две, и не замечать Колю на школьных переменах, затаив обиду непонятно на что. Одаривая дружбой, он требовал высокой оценки этого дара.

Его стихотворение появилось в городской газете под рубрикой «Творчество наших читателей», стихотворением восхищались все, даже учителя. Беляков прочитал его раз двадцать: чистые воды реки с медленной водой, склонённые ивы, омуты, пороги, трудный путь реки к устью.

О чём это всё? К чему? Никаких омутов в городской речке-Вонючке не было, о чистой воде и говорить нечего. В Вонючке даже рыбу ловить запретили. Пороги были, но из нагромождений мусора.

Но стихи напечатали в газете, значит, что-то талантливое в них есть, что попало печатать не стали бы, Беляков был горд за друга.

Сашины произведения напечатали в московском журнале. Саша принёс журнал Белякову, невзначай положил на стол, открыв на нужной странице, он был особенно горд этой публикацией. Коля стал читать: поезда, уходящие на рассвете, дальние дали, к которым устремляется душа, дорога жизни, прожитая колёсным перестуком, любимая девушка, встречающая поезд на дальней таёжной станции.

– Тебе понравилось? – спросил Саша.

Коля не понимал, что тут может нравиться, но сама мелодия стихотворения завораживала, он сказал об этом другу. Саше хотелось более детального разбора, но Беляков на него способен не был.

– Много заплатили? – спросил он.

После окончания школы Саша поступил на филологический факультет университета, Коля пошёл в армию. Саша написал стихи: «И друга провожаю я, как в бой», читал их на проводах, Коля чуть не плакал.

Встреча после демобилизации оказалась странной: Саша сразу же попросил денег. Прозвучало это так, словно Коля давно пообещал ему, но забыл. Саша изменился, говорил торопливо, стараясь не смотреть в глаза. О службе расспрашивать не стал, хотя Беякову хотелось рассказать о многом.

Саша взял деньги и ушёл. Подразумевалось, что он вскоре вернёт, но он не вернул, долг постепенно забылся, напоминать было стыдно. Беяков стал работать вахтовым методом, на Севере, платили хорошо.

Саша заведовал отделом коммунистического воспитания в областной комсомольской газете, в местном издательстве у него вышла книга стихов. Придя в гости и вновь попросив денег, Саша мимоходом сообщил о выходе сборника, но подарить почему-то забыл. Беяков купил книгу в магазине, прочитал и опять ничего не понял.

Несколько раз Саша приглашал Беякова на поэтические вечера, где выступал в числе других поэтов. Читал Саша с большим достоинством, сдержанно и убедительно. Но слушали его невнимательно, перешёптывались, обсуждая какие-то свои проблемы. У Коли в ушах рифмы звенели с барабанной нарочитостью, смысл ускользал. Коля думал о том, что Саша с ним едва поздоровался, был возбуждён, суетлив, выглядел немного пьяным, но алкоголем от него не пахло.

Он слушал Сашино выступление, ощущая собственную обыкновенность, бесталанность, и не столько завидовал, сколько обижался на себя: ну, почему бы не иметь ему хоть какой-нибудь талант, не обязательно в поэзии, в чём угодно? Почему так не везёт?

Саша то делился с Колей личными проблемами, был предельно искренен, то пренебрегал, насмешничал. Коля не обижался, он знал, наступит время, и Саша придёт не для того, чтобы просить денег, но чтобы задать полный глупого смысла для них обоих вопрос:

– Коля, ты меня уважаешь?

И этот вопрос из дурацкого анекдота не покажется смешным. Беяков не сможет ответить: уважает ли Сашу. Уважение и зависть в одной берлоге не живут.

Саша скажет:

– Пожалуйста, больше не давай мне денег. Я и так пропал.

Он не даст ему денег, но Саша вернётся ночью с угольно-чёрными, страшными глазами:

– Мне надо уколоться, иначе умру.

Изменить ситуацию Беяков не мог и не пытался. Он следил за последними судорогами друга, ловил себя на злорадном чувстве и презирал себя. Саша умирал, но это не выглядело победой Беякова, он всё равно ему завидовал и не мог объяснить почему.

– Больше не приду, честное слово, – каждый раз уверял Саша, торопливо пряча деньги в карман.

Беяков не пришёл на его похороны, сказавшись больным.

5

Мать умерла мгновенно: вышла во двор покормить кур, упала и умерла. Отец долго болел, недуг изгрызал его, всё не мог справиться с крепко вцепившимся в жизнь, жилистым телом. Беяков работал вахтой месяц через месяц, за отцом нужен был уход.

Уколы отцу делала медсестра Надя, говорливая, приветливая, лет двадцати семи. Высокие грудки белый халат топорщат, брови ниточкой выщипанные, глаза зеленоватые, бедовые. Разговаривала всё как бы с усмешечкой: «Да, Николай Терентьевич!», «Нет, Николай Терентьевич», «Я думаю, так будет лучше, Николай Терентьевич».

Несуразное отчество Беякова дребезжало, словно пустая консервная банка по асфальту. Беяков предложил ей приглядывать за отцом, других кандидатур не было. В деньгах не поскупился, думал, что Надя будет удивлена значительностью суммы, но она кисло скривила губы. Беяков знал, что в поликлинике она зарабатывает гораздо меньше.

Обязанности Надя выполняла на совесть, отец хвалил её. Приезжая с Севера, Беяков сердечно благодарил девушку, дарил то духи, то конфеты, то плюшевые игрушки, до которых она была большой охотницей. Постепенно Надя стала вести себя в доме как хозяйка.

Николаю Терентьевичу шёл сорок четвертый год, кожа на лице потемнела, выдубилась от мороза и ветра, щёки ввалились, скулы торчали, словно скалы. Он давно собирался жениться, но всё некогда было. Женщин, в общем-то, хватало, но женой ни одну из них он представить себе не мог.

Надя вызывала в нём непреодолимый соблазн. Её шутки, улыбки, подтрунивания он воспринимал, как сигнал к активизации действий, иногда пытался, вроде бы в шутку, обнять её, прижать ладонями грудки. Надя выскальзывала, грозя пальцем: «Насчёт этого мы не договаривались!»

Всё произошло гладко, как по нотам: день рождения отца, застолье с вином, душевный разговор на веранде, прямые вопросы, уклончивые ответы, настойчивость Николая Терентьевича, кокетство Нади, демонстрация женской слабости, бурная ночь, утренние слёзы, торопливая свадьба.

Можно было посомневаться в искренности Надиного поведения, заподозрить её в тонкой игре, Беяков не стал этого делать: у Нади на руках оказалось слишком много козырей. Не пара был ей этот старик, она – молодая, обольстительная, просто его пожалела. Жалость – это снисхождение, когда жалеют – не полюбят.

На тот момент других вариантов замужества у Нади не было, а замуж хотелось. И не так уж плохо всё получилось: дом с приусадебным участком, муж с хорошим заработком. Его отец болен и скоро умрёт.

Николай Терентьевич понимал, что теперь он будет перед Надей в вечном долгу, но согласился на это уродливое счастье, потому что устал быть один, потому что любил её.

Надя рассчитала семейную жизнь здраво: шизофрении частых ссор можно избежать благодаря вахтовому методу работы Николая Терентьевича, за месяц разлуки ссоры забывались, их причины растворялись в глубинах памяти, и пока новые обиды накапливались, проходил период относительного спокойствия, штиля.

Родился Алёша, жизнь приобрела другой ракурс: Надя совершала подвиг, Николай Терентьевич имел возможность расслабиться, уезжая каждый месяц на вахту.

Измученная тяготами материнства, Надя ходила по дому растрёпанная, с опухшими от слёз и недосыпаний глазами. Когда Николай Терентьевич приезжал с работы, она либо глядела укоризненными глазами раненой косули,

либо орала срывающимся от бешенства голосом. Беляков был готов на всё, чтобы успокоить её. Этого она и добивалась.

Когда Алёша подрос, Надя стала сдержанней, но общая расстановка сил сохранилась. Наде не давала покоя тоска по упущенному счастью: то, что она имела, считать за счастье было уже невозможно.

Николай Терентьевич стал ожесточаться, терять терпение. Он находился в постоянном ожидании нападения, взаимоотношения сформировались в форме «холодной войны», военные действия возобновлялись неожиданно, вспыхивая пламенем из-под тлеющей золы.

Может быть, ненависть и переходит в любовь, Беляков не был в этом вполне уверен, но в том, что любовь переходит в ненависть, не сомневался.

Было больно и непереносимо мириться, пытаться соединить две половины, не совпадающие и никогда не совпадавшие по контурам. Утраченной и невозполнимой оказывалась не только любовь, но и вся жизнь. Единственной ценностью в ней оставалась его любовь к Наде, до тех пор, пока она была. Когда он вычел эту любовь, жизнь стала напоминать орех, в котором нет сердцевины.

Дальнейшие события вполне вписались в логический рисунок семейной драмы Николая Терентьевича.

Беляков ревновал Надю, звонил при каждой возможности с Севера, не застав её вечером дома, злился, не спал ночами, рисуя картины одна хуже другой.

– У подружки задержалась, – нервно оправдывалась Надя, – неужели я должна дома сидеть?

– Дома, между прочим, ребёнок.

– Уложила спать и пошла. Я и так кроме ребёнка ничего не вижу.

Беляков подозревал, что Надя врёт, он был уверен, что врёт, оставалось уличить её. Задача оказалось не слишком сложной: «бегать к подружке» она стала даже, когда Николай Терентьевич не на вахте. Беляков бесился, не находил себе места, двенадцатилетний Алёша с грустью наблюдал за отцом; сын давно знал настоящую причину отсутствия матери.

Беляков унился до слезки. Было стыдно, но пересилить себя не смог. Крался вслед за Надей в парк, таясь за деревьями. Надя нагло виляла бёдрами в белой юбке. У Николая Терентьевича сжимались кулаки: сорок лет скоро, куда ж тебя носит?

Что ожидал увидеть Беляков в парке? Что ожидал, то и увидел.

Сидел на корточках в кустах, Надя прогуливалась по аллее вдоль клумб, помахивая белой сумочкой, явно кого-то ждала. Подружку? Как бы не так!

И вот он появился – горбоносый красавец в жёваных джинсах. На ходу курил сигарету, густо сплёвывал, словно верблюд. Николай Терентьевич с жадностью его разглядывал: он был моложе Нади лет на пять, низколобый, с короткой стрижкой, с рельефной мускулатурой, с манерной походкой орангутанга.

Она привычно поцеловала его в щёку. Не в щёку, в морду она его поцеловала. И он привычно поцеловал её. Что там с ума сойти, Беляков посчитал бы за счастье с ума сойти, тогда бы он с чистой совестью вцепился бульдожьей хваткой орангутангу в горло, и никто б его не оторвал. Но он не сошёл с ума, сидел в кустах, укоряя Надю:

– Как же ты не понимаешь? Уйдёшь к нему, через год вернёшься, как дворняжка побитая. У меня горло перехватит, слёзы потекут. Сказала бы: «Коля, я хочу с тобой жить», и я бы всё простил. Нет, ничего не сказала.

Как проходила жизнь после возвращения Нади, Белякову вспоминать не хотелось: Надя стала неуклонно угасать, как угасает костёр, в котором нечему больше гореть. Куда делась бедовость глаз, насмешливая улыбка? Врачи подозревали у неё страшную болезнь, искали её, но не смогли найти. Надя болела нежеланием жить, против этой болезни нет лекарств.

Умирала она долго, тяжело и безропотно. Страшную болезнь у неё, в конце концов, отыскали. Надя не вставала с постели, мучаясь болями в позвоночнике. Беляков научился делать уколы, Надя шептала: «Спасибо», и эти дрожащие губы остались в памяти Николая Терентьевича навсегда.

6

Барон относился к Наде душевно, старался не замечать её постоянного недовольства мужем, называл «Барбарисочкой». Надя смеялась, удивляясь странному прозвищу.

Барон жил по соседству, напротив. Вообще-то его звали Владислав, но этого никто не помнил. Барон да Барон, как прозвали в школе, так и осталось навсегда. Он был толст и беззлобен, приходил каждый вечер к Белякову, курил с ним на кухне. Выпивали. Больше молчали, чем говорили. Надя, злобно фыркая, захлопывала кухонную дверь, чтобы дым не шёл в комнаты.

Когда страна распалась, стало плохо с работой, Барон упросил Белякова устроить его помощником бурильщика на Севере.

Барон стал работать в вахте Белякова. Николай Терентьевич понял, почему нежелательно иметь в подчинении родственников или близких друзей: любой упрёк будет казаться им несправедливым. Барон был туповат, обидчив и ничего не смыслил в бурении. Николай Терентьевич мог поручить ему лишь самое простое: чистить приёмные мерники из-под глинистого раствора, разгружать машины с химическими реагентами, протаскивать сквозь обсадные трубы шаблон на проволоке и ещё нечто подобное. Барон быстро уставал, часто усаживался перекурить, бросая оскорблённые взгляды на друга, ему казалось, что Беляков заставляет его работать больше других. К концу месяца он едва таскал ноги, мучила одышка, поднималось давление, зато в аэропорту от радости напивался и засыпал, где попало, порой в самом неподходящем месте, например, на унитазах в туалете. Беляков несколько раз вызволял его из милиции. Барон воспринимал хлопоты как должное, у него было своё представление о дружбе. Через год мучений он скопил деньги на подержанную иномарку, о которой давно мечтал.

Барон сочувствовал семейным неурядицам Белякова, то ли дело его Варвара Васильевна, шести пудов весом, слова поперёк не скажет, молчит, улыбается, да семечки щёлкает.

Атмосферу добросердечности, которую, сам того не подозревая, создавал Барон, Беляков ценил, возле друга он отдыхал душой и многое за это прощал ему. Тихий, сипловатый его говорок умиротворял и грел душу после истерических криков Нади.

Барон погиб морозным апрельским днём, когда пробуждающееся после долгой зимы северное солнце светило уже ослепительно ярко, ещё не

пригревая, но всерьёз обещая заняться этим вопросом. Скважина стояла на промывке перед каротажем¹, поэтому Беляков пошёл в балок, где находилась рация, чтобы сделать записи в буровом журнале. Барон увязался следом, он при каждом удобном случае старался находиться возле друга, стараясь в чём-нибудь ему помочь. Белякова это сопровождение раздражало, и он иногда говорил Барону:

– Ты бы пошёл, занялся чем-нибудь.

Позвонил по рации начальник ЦИТС², приказал запустить в работу скважину номер 253, соседнюю с 254-й, которую бурил Беляков. Буровая установка передвигалась по рельсам после окончания очередной скважины. 253-я находилась в сорока метрах от 254-й. Чтобы пустить скважину в работу, нужно было открыть задвижку на трубном выкиде. Барон предложил:

– Коля, я сбегу и открою. Я помню задвижку, которую ты в прошлый раз открывал.

Николай Терентьевич сначала согласился, невелика задача, открыть ту самую задвижку, которую они с Бароном открывали три дня назад, но потом сработала привычка, усвоенная им ещё с армии: исполнять приказ в точности, без всякой самостоятельности. Приказано открыть ему – значит именно он и должен открыть.

В буровом журнале оставалось дописать две строчки, Беляков сказал Барону:

– Иди, я тебя догоню. Только сам ничего не делай.

Сколько времени нужно для того, чтобы дописать две этих злополучных строчки, потом надеть телогрейку, каску, ватные рукавицы и выйти из балка?

Когда Беляков вышел, Барон был уже далеко, у него не болели ноги так, как они болели у Николая Терентьевича, поэтому он оказался возле 253-й очень быстро. То, что произошло дальше, Беляков запомнил с точностью до секунды, эта картина повторялась потом в его мозгу сотни, а может быть, и тысячи раз. Барон не послушался Белякова и стал открывать задвижку сам: сначала ослабил штурвал с помощью специального «рогатого» ключа, потом стал вращать штурвал. К скважине вела узкая тропинка, протоптанная в снегу, Беляков хромал по ней, поминутно отступаясь и проваливаясь в свежий снег. Барон открывал задвижку слишком быстро, Николай Терентьевич успел крикнуть ему:

– Не спеши, куда ты гонишь? Помедленней.

Беляков был метрах в двадцати от скважины, когда раздался взрыв, словно рванул мощный снаряд. Когда Николай Терентьевич очнулся, он обнаружил себя лежащим в рыхлом снегу, возле низкорослых деревьев, он абсолютно ничего не слышал, в голове стоял равномерный, низкого тембра, гул. Он попытался встать, но ничего из этого не получилось, тогда он сел в снег, пытаясь понять, что же случилось. Он увидел торчащую из снега фонтанную арматуру с куском разорванной «по-живому» обсадной трубы.

– А где Барон? – спросил он, не слыша себя.

Он уже догадался, что Барона убил этот страшный, непонятно откуда возникший взрыв, но поверить в это не мог, потому что поверить в это было невозможно.

Беляков лежал в больнице, через две недели поправился и вышел на работу, хотя голова всё ещё кружилась. Его допрашивали следователи, в вину ему ставили то, что не он открывал задвижку, а Барон. Он не спорил, не пытался оправдаться, он признавал свою вину, следователи не понимали, что Беляков чувствует свою вину в гибели Барона, признает её. Барон ценой своей жизни защитил его. Добрый, отзывчивый, всегда готовый к сочувствию, он поплатился за свою излишнюю услужливость, но Беляков не мог себе простить его смерти.

Николая Терентьевича должны были судить, и он спокойно, как к должному, относился к этому, но нашёлся грамотный эксперт, который всё разъяснил и разложил по полочкам.

В трубе в скважине 253-й была ледяная пробка, когда Барон, быть может, чересчур быстро, открыл задвижку, пробка сорвалась с места и устремилась к устью скважины. В какой-то момент в устье на какие-то доли секунды, создано нечто вроде цилиндра дизельного двигателя, в котором произошёл взрыв газа от сильного сжатия. Взрыв был такой силы, что разорвал обсадную колонную и отбросил фонтанную арматуру далеко от скважины.

Беляков выслушал эту версию с любопытством, ему хотелось понять, что же произошло в скважине, отчего случилась эта страшная авария. Судить его не стали, но к этой удаче он отнёсся равнодушно. Добрый дружище Барон исчез навсегда, и Беляков старался не встречаться с его Варварой Васильевной на улице, потому что в глаза ей ему глядеть было невозможно. Он не был виноват и понимал это. Барон погиб, потому что не послушался его приказа не трогать задвижку, но если б послушался, они бы погибли оба. И, наверное, это было бы справедливой.

7

Николай Терентьевич проснулся ранним утром от холода. Мертвенно-бледная Луна ещё маячила над морским горизонтом, дул ровный, прохладный ветер. Пустая бутылка из-под «Бакарди-рома», два белых пластмассовых стаканчика, в которые за ночь надуло песка, пустой лежак напротив. Беляков вспомнил события вчерашнего вечера, в особенности, свой сон, который им не был.

Он увидел, как от ночной дискотеки унылым караваном движется вчерашняя компания. Первым – директор, напряжённо-прямой, гордый. Следом – понурая стайка из трёх девушек, последним – Гера. Даже издали было видно, как ему плохо, он шёл, глубоко засунув руки в карманы, ссутулив плечи, чувствовалось, что ему хочется упасть и не двигаться длительное время, лучше всего, до вечера.

Беляков догнал компанию, тронул Геру за плечо, тот обернулся и некоторое время глядел на Николая Терентьевича мутными страдальческими глазами, не понимая, чего он хочет.

– Вот вы спрашивали, согласен ли я на второй заход, так я не хочу, не нужно мне вторых попыток.

– Вы о чём, отец?

– Ну, вчера вечером, помните, мы разговаривали?

Гера напрягся, попытавшись сложить в памяти обрывки вечера и ночи в единое полотно, и не смог.

– Неужели не помните?

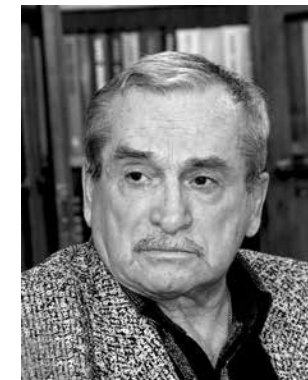
¹ Каротаж – геофизическое исследование скважины.

² ЦИТС – центральная инженерно-технологическая служба.

– Вы, вообще-то, кто?
– Сторож. Вот этот пансионат караулю. Мы с вами «Бакарди-ром» вчера вечером пили.
Что-то дрогнуло в усталых глазах.
– Ром помню. И сторожа. Это вы?
– Не хочу на второй заход, – повторил Николай Терентьевич, отчего-то ему было важно, чтобы Гера об этом знал, – не согласен. Второй раз я всего этого не вынесу.
Гера задумался, опустив голову.
– Я тоже не хочу. Никому это не нужно.
Он хотел что-то добавить, но, махнув рукой, побрёл дальше, увязая ногами в песке. Николай Терентьевич проводил его взглядом, потом пошёл в душный вагончик, завалившись на нары, заснул тяжело и беспокойно. Ему снова снилась прошедшая жизнь, от неё захватывало дух, как от крепкого «Бакарди-рома», но прожить её вновь не хотелось.

*Пётр Георгиевич Гулдедава – член МГО СП России и Академии российской литературы. Автор четырнадцати книг поэзии и прозы. Дипломант и лауреат московских и всероссийских конкурсов.
Живёт в Москве.*

«Любовь – это повод для вечного спора...»

Хмурая осень

Что толку трудиться, не глядя на ругань,
И биться за правду дерзать,
Но вдруг убедиться, что доброй подруге
Амбиции застыт глаза?

Усвоить не сложно, я смолоду знаю:
У каждого правда – своя,
Но вряд ли возможно запальчивой бранью
Заставить молчать соловья...

Она в эмпиреи ушла от реалий,
И радости нам «не грозят»:
Мы стали добрее, но в ссоре застряли...
И вряд ли вернёмся назад.

Зимний вечер

Натянуты были нервишки, как вожжи,
А ныне свободно висят.
И некому стуком в окно потревожить
Заснеженный мой палисад.

Я рад бы по-прежнему ждать под рюмашку,
Как музыкой снег заскрипит,
Но мёрзнет былая душа-нараспашку
В остуде вчерашних обид.

Возможно, обиды забудутся скоро,
На струнах страстей поиграю...
Любовь – это повод для вечного спора,
Где каждый по-своему прав.

«УХОДИТЬ В НОЧЬ...»

*Уходить в ночь,
Выходить в тёмное утро.
В промежутке – любовь...*

Татьяна Летнева

Что песня? Это просто текст и ноты.
Бумажный лист ценою в медный грош,
Когда б не муки пламенной работы,
И голос сердца, приводящий в дрожь.

И песня тихим ручейком струится,
И в ожиданье безнадёжных стуж
Журчит о сокровенном, что таится
В зашторенных потёмках наших душ.

А чувственная искренность певицы
Приоткрывает шторку на парад,
Где дорогие улицы и лица,
Как вспышки старой памяти, горят.

Пусть эта память ожигает хлёстко, –
Любимый образ, сколько ни зови,
Затерян на развилке перекрёстка
Былой – и ожидаемой любви.

Пускай отпели наши соловьи,
Но никогда не позабыть поэтам,
Как всполохи пылающей любви
Перетекали к розовым рассветам.

И мы сжигали всё, что в нас горит,
Не помня ни отечества, ни отчества,
Не зная, что судьба приговорит
Не раз изведать холод одиночества.

И пусть никто в горячке не заметил,
Кто высек искру: ангел или бес...
Но – посмотри, какой прекрасный пепел
Слетает нам на головы с небес!

С чего начинается Родина?

Зимние сумерки. За окном тихо падает снег. В комнате на диване сидят бабушка и её внук Федюшка семи лет. Бабушка медленно перелистывает старый альбом с фотографиями, а внучок уютно устроился рядом. Бабушка не зажигает света, она знает фотографии наизусть, да и Федюшка видел их много раз. Он молчит, понимает, что в такие моменты бабушку лучше ни о чём не спрашивать: она общается с давно ушедшими родными и близкими людьми.

Вдруг взгляд мальчика падает на очередную фотографию, и он решается прервать молчание:

– Ой, бабушка, кто это? Какая интересная на нём шапочка!

– Это твой прапрадедушка.

– Какой же он дедушка? Он совсем молодой!

– Думаешь, дедушки не были молодыми?

Сфотографирован он совсем юным, ему тут лет 17, не больше. Фотографии этой больше ста лет. А шапка действительно интересная. Называется «будёновка». Хочешь, расскажу?

– Конечно, хочу! Ты всегда так интересно рассказываешь!

– Ну, слушай.

То было очень беспокойное, тяжёлое для нашей страны время. В 1914 году началась Первая мировая война, а в 1917 году произошла революция, к власти пришли большевики. Была Россия царской, а стала советской. Но не сразу. Россия – страна огромная, и новую советскую власть поддерживали не все. В 1918 году из-за этого Первая мировая война переросла в гражданскую.

– А что такое гражданская война?

– Ох, внучек, это самое ужасное, что может произойти. Одни люди считают, что точно знают, как управлять страной, какие решения принимать. Другие с ними не согласны. Договориться между собой они не могут и начинают воевать. Государство, в котором шла гражданская война, откатывается назад в своём развитии. Требуется

Евгения Васильевна Полякова – родилась в Москве. В 1982 г. окончила МГПИИЯ им. М. Горького. Работала переводчиком, преподавателем. Замужем, имеет двух дочерей. Живёт в Москве.

очень много сил и времени, чтобы восстановить хозяйство страны.

Прапрадедушка твой, когда началась Гражданская война, учился в гимназии. Учился хорошо, на «отлично». Был он от природы сильным и смелым мальчиком, жизненная сила в нём бушевала. А тут внезапно умер его отец. Остались мать и младший брат. В городе, где они жили, проходили бесконечные митинги, на которых разные люди высказывали свои мысли о том, как жить дальше. Но все они призывали воевать против своих противников. Видимо, дедушка наслушался таких мыслей на этих митингах и решил пойти воевать. Это ему показалось интереснее и важнее учёбы и мирной жизни. Было ему в ту пору неполных 13 лет.

– Как же ему разрешили бросить учёбу и пойти воевать?

– Он тайком сбежал из дома. Записался добровольцем в Красную Армию. Это была новая армия, и ей требовалась новая форма. Ты ведь знаешь, что у каждой армии должна быть своя форма, чтобы не путать её с армиями других государств. Ни времени, ни денег на пошив нового обмундирования не было. Армию ведь надо ещё вооружать, кормить, а это очень большие затраты. И тут вдруг нашёлся неожиданный выход.

Ещё до начала Гражданской войны для прежней царской армии были изготовлены эскизы новой формы. Принимали в этом участие выдающиеся художники Васнецов, Билибин и другие. Помнишь, в Третьяковской галерее мы видели с тобой картины Васнецова?

– Конечно, помню, бабуля.

– Какая тебе больше всего запомнилась?

– «Богатыри».

– Ну ясное дело. И Васнецов, и Билибин были знатоками русской старины. Они изображали сцены из русских народных сказок, легенд, преданий. А в то время интерес к русской истории был очень высок. Шла Первая мировая война, и людям надо было откуда-то черпать силы, чтобы победить врага. Вот посмотрим на эту шапочку, как ты её называешь, и подумай, что она тебе напоминает?

– Не знаю... Башенку какую-то...

– Ну, вспомни картину «Богатыри»!

– А, точно, она похожа на богатырские шлемы.

– Молодец, правильно! Художники взяли за основу древние доспехи русских витязей. Каждый солдат, надев такой шлем, должен был чувствовать, что он – продолжатель традиций славного русского воинства. Шлем поначалу и назывался «богатырка». Кроме шлема художники нарисовали ещё гимнастёрки и длинные шинели. В них тоже использовались детали одежды древних русских воинов.

Некоторые историки считают, что новое обмундирование уже было изготовлено и лежало на складах. В новые длинные шинели и шлемы планировали

одеть русских воинов для участия в парадах по случаю победы России в Первой мировой войне. Ведь все думали, что Россия победит в этой войне. Но события развивались совсем по-другому. Большевики, что пришли к власти в октябре 1917 года, создали новую армию, но воспользовались уже имеющимся обмундированием.

Символом новой Красной армии была пятиконечная звезда. Её и стали нашивать на эти шлемы. Причём были эти звёзды разного цвета у разных родов войск: у пехоты – малиновые, у кавалеристов – синие, у лётчиков – голубые, у пограничников – зелёные. Артиллеристы носили оранжевые звёзды, а инженерные войска – чёрные.

Впервые новое обмундирование попало в войска под командованием Михаила Васильевича Фрунзе, выдающегося полководца. Шлемы стали называть «фрунзевка». Потом новую форму получили и бойцы Первой конной армии под командованием Семёна Михайловича Будённого, и головной убор стал называться «будёновкой». Под этим названием он и распространился по всей Красной армии и вошёл в историю.

– А в ней удобно было воевать?

– Ты знаешь, не очень. Существовали два вида будёновок: зимний, более утеплённый, и летний. Но оказалось, что зимний недостаточно греет, а в летнем слишком жарко. Всё-таки художники создавали свои эскизы для парада, а не для участия в военных действиях. Их главной целью было показать отличие русского войска от войска остальных государств и подчеркнуть связь поколений русских воинов. Постепенно Красная армия перешла на пилотки, фуражки и шапки-ушанки. А будёновка осталась символом молодой Красной армии.

Федюшка долго сидел молча, обдумывал всё, что рассказала ему бабушка. Потом спросил:

– А красноармейцам не обидно было воевать в форме, которая создавалась для царской армии?

– Тогда об этом почти никто не знал. Выдали форму – и хорошо. На шлемы нашивали звёзды, а потом на звёзды прикрепляли ещё звёздочки с символом нового государства рабочих и крестьян – серпом и молотом.

А вообще ты прав. Удивительная вещь получилась. Большевики провозгласили новую эру, а форму использовали старую, которая напоминала не только о царском времени, но и о древних князьях-военачальниках: Александре Невском, Дмитрии Донском. Получается, что красноармейцы, воевавшие за мировую революцию, на самом деле защищали своё Отечество, как это делали их славные предки.

– А прапрадедушка долго воевал в Красной Армии?

– Несколько лет. Потом его отправили в Москву на учёбу, а потом он стал моряком-полярником. Участвовал в нескольких полярных экспедициях, побывал даже в Антарктиде. Воевал в Великую Отечественную войну. Потом строил ледоколы, осваивал Северный морской путь. Он очень много сделал для страны, так что будёновку носил недаром.

Бабушка встала и пошла на кухню готовить ужин. Включила радио.

*С чего начинается Родина?
С окошек, горящих вдали,
Со старой отцовской будёновки,
Что где-то в шкафу мы нашли... –*

послышалось из радиоприёмника. И она вдруг подумала, что в словах этой песни открылся новый неожиданный смысл.

ПОЭЗИЯ

Тамара ПОТЁМКИНА

Тамара Викторовна Потёмкина – родилась в Иркутской области, член Союза писателей России, член Клуба писателей Центрального дома литераторов, кандидат исторических наук, доцент. Автор шести сборников стихов, двух книг прозы и двух музыкально-поэтических альбомов. Победитель литературных конкурсов МГО СПР (2014–2020), Фестивального движения русского мира «Осиянная Русь» (2017), лауреат Всероссийских конкурсов «Герои Великой Победы» (2016) и «Парад литератур» (2018 и 2019), Международной Бунинской премии (2017). Обладатель литературных наград.

Живёт в Москве.

Переключка времён

Москва – моя подруга

Москва для каждого свой образ создала:
Кому-то – воин стойкий, без испуга,
Кому-то – матушка и храмов купола,
А мне она – любимая подруга.

Мы стали близкими в далёкие года,
Когда приехала я жить в столицу,
Свою любовь здесь повстречала навсегда,
И наша дружба вечно будет длиться.

Меня учила ты любить свою страну,
Быть честной, милосердной, сильной, смелой,
Прощать обидчиков, не помня их вину,
И к Богу указать мне путь сумела.

Мы с ней промчимся по Садовому кольцу,
И не спеша пройдемся по бульварам.
Театры, выставки музеев ей – к лицу.
Хоть много лет, Москва не будет старой.

Москва! Она всегда у каждого одна:
Страны столица и столица мира:
Оплот свободы, справедливости, добра,
Тебе навеки сердце подарила!

Переключка времён

Дорогая Москва!
Звёзды и купола –
Древний город, где юные лица.
Ты свободна, сильна,
Пред врагом никогда
Головы не склоняла столица.

Колокольный твой звон –
Переключка времён
От посадских домов и до Сити.
Парк культуры, Арбат,
Александровский сад...
Охраняет от зла нас Спаситель.

Сердце русской страны
Память предков хранит,
И в едином строю в день Победы
Полк бессмертный идёт,
Свято верит народ:
Снова живы отцы их и деды!

Петербургский вальс

Здравствуй, город Петра, как люблю я твою красоту,
Строгость улиц и храмы, где Пушкин молился когда-то,
Где ценили превыше всего чистоту, доброту,
И за Родину жизнь никогда не жалели солдаты.

Мы поклонимся низко твоим дочерям и сынам,
Что в блокаду тебя сохранили ценой своей жизни.
В лютый холод они без еды, без питья и без сна
Все богатства твои сберегли для любимой Отчизны.

Для любви настоящей и дружбы здесь души открыты,
Никогда не порвётся традиций священная нить.
Пусть живёт на века Петербург – Ленинград – просто Питер.
Этот город был, есть и, надеюсь, всегда ему быть!

Крым. Предчувствие встречи

Здравствуй, Крым! Ты воочию мне не знаком,
Не вдыхала твой сладостный воздух свободы,
Не бродила по пляжам морским босиком,
Услаждая свой взор красотой природы.

Наяву не встречались, но наш виртуальный роман
 Длится долго, наверное, целую вечность.
 С тех времён, как фамилию нашу узнал,
 А граница уходит его в бесконечность.
 Я как будто бы помню, как скудную почву
 Превращали заботливо предки в сады,
 Как геройски сражались они днём и ночью,
 Крым спасая от зла, от врагов, от беды.
 Представляю дворцы твои и колоннады,
 Пылко в море влюбляюсь, в небесную синь,
 И не ведаю, как описать мою радость,
 Что ты – дома опять, рядом с нами – в России.
 Жизнь стекает песчинкой в песочных часах.
 Всё сильнее ощущается лет быстротечность,
 Только я не грущу, и неведом мне страх,
 И не очень стремлюсь в ту, грядущую, вечность.
 Мне тебя ещё надо узнать наяву,
 В твоих нежных объятьях забыться под вечер.
 Назначай же, мой милый, скорей рандеву,
 Так надеюсь на нашу счастливую встречу!

Евгений Иванович Хаванов – родился в 1935 г. в Ульяновской области в семье агронома и учительницы. В Сызрани окончил нефтяной техникум, в Новокуйбышевске работал на нефтеперерабатывающем заводе. Четыре года проходил военную службу (Амурская флотилия, Тихоокеанский флот). Работал в прессе (газеты «Волжский комсомолец», «Волжская коммуна»). Окончил Куйбышевский пединститут, учился в Академии общественных наук, аспирантуре, в Федеральной академии государственного управления при МВД ФРГ. Доктор исторических наук. Доктор бизнес-управления (США). Профессор Московского государственного педагогического университета. Автор книг и статей по проблемам молодежи, антифашистского Сопротивления, общественных движений. Заслуженный работник Высшей школы РФ. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Россия, встань и иди!

Смотреть в невидимые дали

*И пал ниц к ногам Его, благодаря Его;
 и это был Самарянин... И сказал
 ему: встань, иди; вера твоя спасла
 тебя.*

(Лк 17:16, 19)

Смотреть в невидимые дали
 Через миры, через века...
 Себя вы в том не испытали?
 А даль не столь и далека.
 А я вот выбрал себе дело.
 И знаете, кто мне помог?
 Не пташка, что мне песни пела.
 Помог мне чуть ли не сам Бог.
 Не будем же уж слишком строги,
 Но чья-то двигала рука,
 Когда писал вот эти строки
 Святой евангелист Лука.
 Он уважаем, почитаем.
 Таких, кто строже, больше нет.
 Что он писал, то мы читаем,
 Считаю уже две тыщи лет.
 И ещё юношей безусым

Искал он свет в крошечной мгле.
 Не с кем-то – вместе с Иисусом
 Шагал по горестной Земле.
 Мог с ходу распознать иуду,
 Но жаждал жизни и огня
 И неизменно верил в чудо,
 Чем заразил вот и меня.
 Листаю книгу на столе я.
 Вот Иисус. Лука был с ним.
 Самария и Галилея
 И близко Иерусалим.
 А вот, то ль болен, то ли ранен,
 Собравший весь остаток сил.
 То прокажённый самарянин
 Его о помощи молил.
 Смертельным недугом сражённый,
 Услышать из Христовых уст
 Что жаждал этот прокажённый?
 И что ответил Иисус?
 А он сказал всего два слова,
 Но тех, что из самой груди,
 Что значили сначала, снова.
 Всего два слова: ВСТАНЬ, ИДИ.
 И что же? Вдруг такая сила.
 Совсем не лёгок, не тяжёл.
 Но как на крыльях подхватило.
 Он встал – и надо же! – пошёл.
 Вот это подлинное чудо!
 Все уходящие туда
 Не возвращаются оттуда.
 А он пришёл. Вот это да!
 Да разве только самарянин?
 Вот Родина – моя страна.
 В истории своей на грани
 Бывала – и не раз – она,
 Монголы, ляхи, немцы, тюрки
 На нас в атаках – в полный рост.
 А то и внутренние турки
 Порой хватали нас за хвост.
 Громили, рушили, топтали,
 Держали где-то позади.
 Но прорывался к нам из дали
 Зовущий голос: ВСТАНЬ, ИДИ.
 И всякий раз страна вставала
 И шла, и шла, и шла, и шла,
 Миры народам открывая,
 Верша великие дела.
 И если вдруг заклинит сердце

Или застынет кровь в виске,
 И никуда уже не деться,
 И всё висит на волоске,
 Я верю – не порвётся волос,
 Свет не погаснет впереди,
 Когда услышим этот голос:
 Так ВСТАНЬ, РОССИЯ, И ИДИ.

У них такое искусство

Вот так они жили и были,
 Кто плох был, а кто хорош.
 Быть может, друг друга любили.
 Сейчас уже не поймёшь.
 Он – с хваткой Наполеона,
 Успеха в науке гарант,
 Известный историк-учёный.
 Она же – его аспирант.
 И жизнь, и наука вместе.
 Хоть годы – играет и кровь.
 Как в светлой и доброй песне –
 С наукой пришла и любовь.
 Ревность – на сердце ранка.
 На ранке – тупая соль.
 Юная аспирантка –
 Тупая, щемящая боль.
 Нет, может, не стал идиотом –
 Нормальный вроде мужик.
 Но совершилось что-то
 В самый короткий миг.
 Не усидел на стуле.
 Откуда-то взял пистолет.
 И вот уже пули, пули.
 И вот уж любимой нет.
 А дальше вдруг мозг заработал:
 Что делать – не делать... Увы...
 Спрятать что-то во что-то
 И выбросить в волны Невы.
 Не почерк ли идиота?
 Иль совершенный дебил?
 Ведь было в руках не что-то,
 А то, кого он любил.
 Или совсем уж пусто,
 И вот пустоты печать.
 У них есть такое искусство –
 В тиши расчленять, расчленять.
 Отброшу я взгляды косые.

Нам это идёт – не идёт?
Но кто расчленяет Россию,
Я знаю, – тот идиот.

Опыт – внуку

Какая жизнь тогда была?
Ругать её нам не пристало.
Да, вот стипендия мала –
Всегда на что-то не хватало.
Всё весело и всё общо,
Иди и грудь свою не выпячь.
Но что-то хочется ещё –
Сходить в кино и даже выпить.
Всё ярко – мы же молодёжь.
Но мыслили предельно узко.
На сотку, может, и найдёшь,
Но не хватало на закуску.
Таким вот было естество.
Вот как пришли – вот так и сели,
Так не понявши, отчего
Так быстро мы с тобой косели.
Дарю я внуку опыт лет
Поры моей безусовой.
Когда идёт он на банкет,
Я говорю: «Закусывай!»

Два рассказа

Пионерское лето

Пионерское лето... Сколько эмоций вызывает это словосочетание! Тем, кто не провёл хотя бы один летний месяц в пионерском лагере, не понятна эта дрожь, когда на открытие смены под звуки горна поднимают флаг. Медленно гусеницей ползёт он по шесту на глазах у всех ребят. Глядя на него, некоторые хотят, чтобы смена скорее пролетела, в то время как другие мечтают о том, чтобы она длилась вечно.

Ангелина первый раз попала в пионерский лагерь в двадцать лет. Не пионеркой, конечно, а вожатой. Росла она домашним ребёнком и летние каникулы проводила на даче с бабушкой и Евой, своей двоюродной сестрой. Разница в возрасте у девочек была просто смешотворная – один год. Но в детстве это очень много. То, что можно старшей, не разрешают младшей, а за то, что младшей с рук сойдёт, старшую обязательно накажут. Вот этот год и был их основным камнем преткновения.

Заступив на почётную вахту в начале лета, бабушка в течение трёх месяцев не только строго следила за соблюдением внуками режима сна и отдыха и приучала их к труду, но и постоянно разнимала. Характеры у обеих были «не приведи Господи», так что дрались они в кровь с раннего утра до позднего вечера. Из-за чего только не возникали ссоры: из-за велосипеда и блинчиков, прогулок до ворот и прополки грядок, игры в карты и внимания мальчиков... И так до бесконечности.

Зачинщиком ссор сестры выступали по очереди, так что бабушка об отдыхе могла только мечтать! Да, роль незавидная: в семье детей никогда не били, так что отшлёпать девочек она не могла, а слова и уговоры до них не доходили – в разгар очередной драки обе кричали так, что не только бабушку, они себя не слышали. Вот и найди тут подход. Спасала только житейская мудрость, ведь по-другому с детьми нельзя!

Юлия Геннадиевна Александрова – преподаватель английского языка, доцент Всероссийской Академии Внешней Торговли. Поэт, прозаик, член МГО СПР с 2009 г. Печатается в газете «Московский литератор», журналах «Великороссы» и «Свет столицы», альманахах «Академия поэзии», «У Никитских ворот». Автор семи сборников лирических стихотворений и четырёх сборников городских рассказов. Награждена дипломами за верность служения отечественной литературе с вручением ордена «В.В. Маяковский» и медалей «М.Ю. Лермонтов» и «И.А. Бунин».

Живёт в Москве.

Всё это Геля вспомнила, когда оказалась в пионерлагере. В отличие от своих сокурсниц была она человеком неопытным, вот и поставили её на самый младший отряд. Предстояло сорок пять дней возиться с ребятишками девяти-десяти лет. Блеск! Когда они с сестрой были в этом возрасте, как с ними мучилась бабушка на даче! А теперь Геле самой предстояло найти с детьми общий язык и заставить их слушаться. Как тут не вспомнишь бабушку!

Лагерь находился на берегу Чёрного моря в курортной зоне города Евпатории, но погода, как назло, стояла ужасная. Температура воздуха выше 18 градусов не поднималась, а вода и подавно прогревалась в хорошие дни лишь до 15 градусов. Если бы вы только знали, насколько это безрадостно: быть у моря и не иметь возможности искупаться! Пришлось на полную катушку включить всю свою фантазию, чтобы развлечь детей. Геля постоянно снимала мальчишек с шелковиц, куда они лазили за ягодами, разнимала драчунов, играла в пионербол, ставила маленькие отрывки из пьес, пела песни и читала книги до хрипоты. Купались они за смену всего три раза. И то не без приключений, ведь не все ребята умели плавать. Так что изолятор был излюбленным местом особо активных членов десятого отряда.

Геля так выматывалась, что выходной день, который был положен пионервожатым раз в десять дней, казался ей Манной небесной. В Евпатории у неё жили дальние родственники, и она ездила к ним... спать. Поспав днём часика четыре и насладившись домашней едой, Геля возвращалась в лагерь, где её ждали тридцать пять архаровцев, для которых надо было быть и нянкой, и сестрой, и товарищем.

Когда смена закончилась, некоторые однокурсницы остались ещё на полтора месяца, а Геля, к сожалению, сорвала голосовые связки и по состоянию здоровья не могла дольше оставаться. Но, уезжая из лагеря, она даже представить себе не могла, какое испытание её ждёт впереди.

Возвращались они поездом, и всех пионервожатых и воспитателей распределили по вагонам для сопровождения ребят. Конечно, всем им были даны инструкции, что делать на перроне по прибытии в Москву. Каждый сопровождающий должен был сдать ребёнка встречающему взрослому под роспись. Потом эти списки сдавались ответственному лицу, всё-таки лагерь был от Министерства обороны. И только после этого для сопровождающих смена заканчивалась.

Геля в силу своего характера сделала всё быстро и точно и радостно помчалась навстречу встречающим её родителям. Дома её ждал праздничный ужин. Похудев за смену на пять килограммов, она за обе щеки уплетала разные вкусности, приготовленные бабушкой, и подробно рассказывала о своей жизни в пионерском лагере.

В середине её рассказа в дверь позвонили. Папа пошёл открывать. На пороге стояла женщина, которая фурией ворвалась в дом и с криком: «Где мой ребёнок?» начала заглядывать под все кровати и диваны. Папа решил пресечь вторжение незнакомки, усадив женщину на стул и заставив членораздельно объяснить, что произошло. Выяснилось следующее: мама одного мальчика из Казахстана заболела и попросила свою родную сестру встретить его на Курском вокзале, отвезти на Павелецкий и посадить на поезд, следующий в Алма-Ату. Когда она приехала на вокзал, Олега уже забрали. Напротив его фамилии стояла чья-то подпись. За этот список отвечала Геля. Узнав домашний адрес вожатой, она примчалась сюда.

Гелин папа позвонил в секретариат Министерства обороны и объяснил ситуацию. Секретарь быстро вошёл в положение и по своим каналам выяснил, что мальчик уже едет в поезде домой. Дело в том, что Олежкина мама перестаралась. Она боялась, что сестра, которая в то время была в командировке, не успеет встретить Олега, и поручила сделать то же самое своей близкой подруге. И тут Геля вспомнила, что когда Олега приехала встречать не его мама, она поинтересовалась, знает ли он эту женщину, и тот спокойно и с улыбкой сказал, что это тётя Таня, мамина близкая подруга.

И тогда женщина успокоилась. Её напоили чаем, накормили пирожками, и она, радостная, уехала.

Когда папа закрыл за ней дверь, Геля вдруг подошла к своей бабушке, поцеловала её и прошептала: «Спасибо тебе и прости меня за всё!» Бабушка всё поняла и, погладив её по голове своей худенькой рукой в синих прожилочках, тихонько сказала: «Да, ладно тебе, рыжик! Давай лучше на пирожки налегай. Специально для тебя испекла твои любимые, с капустой».

Султан

Ульяна с детства боялась собак. Когда ей было лет пять, её покусала собака. Это был соседский той-терьер, девочка, по кличке Муха. Что сподвигло Муху на столь безрассудный поступок, никто не мог объяснить, даже сама Муха. Уля с бабушкой возвращались с прогулки и ждали лифт. Когда двери лифта открылись, то оттуда выбежало чёрное пучеглазое существо на тонюсеньких ножках и бросилось на девочку, укусив её за голень. Стояла ранняя весна, и на Уле были ненавистные рейтузы, которые, к счастью, её спасли, иначе не избежать бы ей укулов в живот.

Этот случай открыл серию нападений на девочку, которая начала панически бояться собак. Теперь и породистые, и беспородные бросались на неё и норовили укусить то за руку, то за ногу. С годами эта кинофобия не исчезала, а лишь усугублялась. И Уля, будучи уже барышней на выданье, очень стеснялась этого в свои двадцать лет. Знали об этом не только её родители, но и молодой человек.

Уля уже давно встречалась со своим бывшим одноклассником. Они часто ходили в кино, театры, просто гуляли. Им было интересно вместе. Но недаром же говорят: в любой паре один любит, а другой позволяет себя любить. Уля считала Славу хорошим другом, а он был влюблён в неё. Намерения у Славы были самые серьёзные, так что он решил познакомить девушку со своими институтскими друзьями.

Близился Первомай. Погода на дворе стояла просто отвратительная. Вот уже неделю без перерыва шли дожди. Москвичи поглядывали на небо с мольбой о солнышке, ибо многим хотелось уехать на выходные за город. А какой интерес торчать на даче в дождь?! Но мечтам не дано было осуществиться. Праздник выдался холодным и дождливым. Поэтому Улины родители остались дома. А у Ульяны были другие планы. Они со Славой отправились в гости к его друзьям – близнецам Юре и Паше.

Жили те в одном из престижных районов Москвы. И это было не удивительно, ведь их отец проработал много лет послом в одной из стран Латинской Америки. Ульяна очень переживала и всю дорогу расспрашивала Славу об этой семье, но он ничего ей толком не рассказал, ведь общался, в основном, с ребятами, а не с их родителями.

Когда Слава позвонил в дверь, Уля вдруг услышала собачий лай. У неё мгновенно затряслись колени, ведь Славка не предупредил её, что в доме есть собака. Да ещё какая! Когда дверь открылась, к ним навстречу бросился огромный пёс породы афганская борзая по кличке Султан. Уля вжалась в дверь, на глазах выступили слёзы. И как ни приглашала хозяйка Улю в дом, она ни за что не хотела проходить, пока один из парней не отвёл собаку в комнату.

Мать ребят поприветствовала Улю и Славу, а затем сказала: «А рабочая сила – туда», показав Уле на дверь, ведущую в кухню. Ульяна опешила. У них дома гостей никто не заставлял работать, на то они и гости, а тут такое! Но, как известно, со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Она осторожно открыла дверь и вдруг увидела нескольких девушек, которые сидели вокруг кухонного стола и лепили пирожки. «Здравствуйте! Меня зовут Уля. Я подруга Славы!» – сказала Уля робко. «Да ты не робей! – ответила ей одна из девушек, – бери фартук, садись к столу и вливайся в процесс!». Уля обалдела. Но делать нечего – присоединилась к «работницам». Девушки вскоре нашли общий язык, и за неспешной работой одна тема начала плавно перетекать в другую. Девушки учились в разных институтах и рассказывали о своей студенческой жизни.

Прошло минут двадцать, дверь открылась, и на пороге появилась хозяйка дома. Оглянув противень с пирожками, она вдруг спросила: «А кто лепил этот пирог?» и показала на Ульянина первый пирожок. Дело в том, что он получился чуть больше, чем у других. Улин папа любил говорить: «Большому куску и рот рад!» Желания отца были законом, поэтому маленьких пирожков никогда не лепили. Уля очень старалась, глядя на девочек, но первый блин, то есть пирожок, как всегда вышел комом.

У Ульяны внутри всё сжалось. Ей показалось, что это конец, что сейчас её опозорят и выгонят с треском из этого дома. Но девочки решили проявить солидарность и сказали: «Да откуда же мы знаем?! Лепим и кладем сюда. Вот и всё!» «Старайтесь делать ровнее!» – произнесла хозяйка и вышла из кухни. Пружинка разжалась, и у Ульяны на глазах заблестели слёзы. «Спасибо, девочки!» – сказала она. «Да будет тебе!» – ответил ей кто-то.

Вскоре работа была сделана, и девушки, сняв фартуки (всё-таки они были в нарядной одежде) и вымыв руки, смогли присоединиться к юношам, которые всё то время, пока они батрачили на кухне, мирно попивали аперитив и разговаривали о глобальных проблемах, стоявших перед человечеством. Ну а как же иначе?! Это была золотая молодёжь, студенты МГИМО, которых ждало великолепное будущее со множеством заграничных командировок.

В комнате был накрыт стол. Ульяна думала, что будет сидеть рядом со Славой, но этого не произошло. Они оказались по разные стороны стола. По какому принципу рассадили хозяева дома своих гостей, так и осталось загадкой. Она весь вечер просидела рядом с людьми, которых не знала и стеснялась. Это был первый облом. Вторым обломом было огромное количество вилок, ложек и ножей, лежащих по обеим сторонам её тарелки. Конечно, пользоваться вилок и ножом она умела, но какие приборы для чего используются, она просто не знала, ведь ей не приходилось раньше бывать в высшем обществе. Вспомнился фильм «Москва слезам не верит», где героиня, не зная, какой вилок есть рыбу, говорит: «Я рыбу не ем. У меня на неё аллергия».

Ульяна боялась сделать то, что противоречит этикету. Поэтому за время всей трапезы съела пару ложек какого-то салата, запив всё это минеральной

водой. А пирожком пришлось поделиться с Султаном, который зашёл в комнату и лёг под столом прямо у её ног. Так и сидела она за столом, боясь пошевелиться, чтобы Султан её не укусил, а пёс и не думал уходить, восплавав к ней любовью.

К девяти часам вечера страдания её достигли апогея. Она мечтала лишь о том, чтобы приехать домой, набросить любимый халатик и с наслаждением выпить чашку чая на кухне. Но мечта её сбылась только к одиннадцати часам. Она вернулась домой, переоделась, села за кухонный стол и жалобно попросила: «Мам, покорми меня, пожалуйста!» Мама всплеснула руками и, сказав: «Ну и ну! Из гостей ведь пришла!», достала из холодильника котлеты и поставила их разогревать.

После этого светского приёма Ульяне стало ясно, что они со Славой никогда не смогут быть вместе. Рядом – да, но не вместе. У них была разная социальная среда.

Психологи считают, что, если ты не знаешь человека, нужно познакомиться с его друзьями. Практика показывает, что, если люди дружат, значит, у них есть много общего. Бывает так, что и противоположности сходятся, но если внимательно присмотреться, то за внешними отличиями скрывается одинаковое отношение к жизни. В той среде, в которой вращался Славка, антураж был очень важен, а Ульяна не соответствовала этому, поэтому до брака у них дела не дошло.

С тех пор прошло много лет. И у Ули, и у Славы своя жизнь, но они по-прежнему дружат. Их дружба выдержала проверку временем и многочисленными испытаниями. Но однажды Слава сказал: «Я в жизни сделал одну очень большую ошибку. Не нужно было ходить в гости к Султану – тогда и жизнь сложилась бы по-другому!» Уля в ответ промолчала. Она уже давно не боялась собак.

ПОЭЗИЯ

Сергей Юрьевич Газин – родился в 1953 г. Полковник. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Член Союза писателей России. Автор более десяти книг стихотворений. Лауреат московских областных литературных премий им. Ярослава Смелякова и Евгения Зубова, премии МОО СП России «Золотое перо Московии» и др. Решением МГО СП России награждён орденом «За вклад в литературу России XXI века», а также Наградной грамотой с вручением медали «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы». Кавалер Золотой Есенинской медали. Член-корреспондент Академии Российской словесности.

Живёт в Москве.

Сергей ГАЗИН

К золотым небесам

В поздний час

В поздний час я не знаю покоя,
О тебе шепчет сердце, не сплю,
И в стихах заклинанье простое
Вновь и вновь повторяю: «Люблю!..»

Я не сказочник и не волшебник,
Но могу сотворить чудеса –
Принесу ясноликий подснежник,
Чтоб твои заблестели глаза.

А захочешь, фиалку живую
Разыщу на Луне для тебя,
И душою в момент возликую,
Если ты улыбнёшься, любя.

Полусонный брожу, как лунатик,
Сочиняю стихи в тишине...
Нет, в поэзии я не фанатик,
Но весною – волшебник вполне!

В исполненье твоих ожиданий
Я творю чудеса из любви –
Пусть сгорят в звездопадах признаний
Все сомненья и страхи твои...

Сосулька

Отломив под стрехою сосульку
С ярким лучиком солнца внутри,
Подарю я тебе не бирюльку,
А признание сердца, смотри!

Ты возьми каплю света живого
Из ладоней горячих моих –
Ощутишь радость счастья земного
И любви восхитительный миг!

Сладкий миг обратится судьбою,
Ты в апреле не зря родилась, –
Свет звезды над твоей головою –
Это Овна сердечная власть!

Так возьми же сосульку простую –
Видишь, тает по капле она...
Нежно-нежно тебя расцелую,
Пусть заплачет от счастья Весна!

Звон весенний

Пусть пока холода... Мы идём через замать...
Но синички поют, согревая сердца,
От тепла на душе льдинки начали таять –
Скоро снова услышим ещё и скворца.

Нам легко от улыбок весеннего солнца,
Зажигается свет огоньками в глазах,
Наше счастье любви, как вино, жарко льётся,
И мечта оживает в горячих сердцах.

Вновь в любви признаюсь дорогой мне богине,
Что с Весною пришла в мой заснеженный дом,
Я в хрусталь на столе наливаю мартины,
И фужеры звенят, загораясь огнём.

К золотым небесам

Звёздоносное небо кострами
Зажигается по вечерам,
И сердца оживают мечтами,
Что зовут к золотым небесам.

И Луна серебрится всё ярче,
Чтоб дорожку свою, будто нить,
Протянуть прямо к звёздам... и дальше,
Где любви можно вволю испить.

Мы пройдем по неведомым тропам,
Внеземным озаряясь огнём,
То по узким, а то по широким –
Шаг за шагом с тобою вдвоём.

Благовестное небо откроет
Вековечные тайны свои –
Нас живыми лучами омоет
Звёздосветной счастливой любви!..

Горное эхо

Мы гуляли вдоль озера Рица
И купались в холодной воде...
Как плыла ты тогда лебедицей,
Я не видел дотоле нигде.

Мне казалась ты павою дивной,
Грациозно скользящей в волнах –
И глядел, и глядел неотрывно
На явление чуда в горах.

Я боялся, исчезнешь бесследно
В синем мареве жаркого дня,
Воспарив в небеса безответно,
Одиноким оставив меня...

Обернулся я лебедем белым,
Чтоб любви ты слышала зов,
И всё озеро эхом запело –
Горным эхом, понятным без слов!..

ПОЭЗИЯ

Ине́сса ИЛЬИ́НА-
ФЕ́ДОРОВА

Ине́сса Ильина-Фёдорова – поэтесса, прозаик, актриса. Член Московской городской организации Союза писателей России и Академии Российской литературы. Окончила ГИТИС им. Луначарского. Автор книг поэзии и прозы: «И оживёт мой сон», «Маски», «Сны о Лемурии», «Сказки из бабушкиного сундука». Публикуется в газете «Московский литератор» МГО СП России; в журналах: «Великоросъ», «Новые витражи», «Московский Парнас» и в других периодических изданиях. Лауреат и дипломант литературных конкурсов и премий. Награждена медалями: А.С. Грибоедова, М.Ю. Лермонтова, И.А. Бунина, А.А. Ахматовой, А.А. Блока, «Родина мать зовёт». Кавалер ордена «Трудовая доблесть России».

Живёт в Москве.

«Весенний праздник, неба синева...»

Мечта о тепле

Холодная весна.
Безрадостен пейзаж.
Природа не желает
пробуждаться

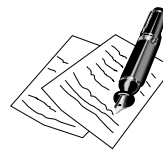
От годового сна.
Белила да гуашь.
Не тает снег, и солнца
не дожидаться.

Томителен рассвет,
А солнца снова нет.
Бессонницы медлительные
птицы,

Как дым от сигарет,
Растают в вихре лет,
Чтоб вновь ко мне под вечер,
возвратиться.

Обманщицу весну
Мне надоело ждать,
Войду сама в волшебные
порталы:

На яркую блесну
Хочу мечту поймать,
Уплыть в Венецианские
каналы.

ПАМЯТЬ

Нина БОРИСОВА

Спокойная вода –
Лазурь, аквамарин.
Волной играют солнечные
блики.

Там каждый день среда.
Там правит Лоэнгрин.
Парящих чаек раздаются
крики.

На картину неизвестного художника

Художник, сам того не зная,
Нам подарил ключи от рая.
Для чуждых глаз – пейзаж, гуашь.
Для нас – алмаз, любовь, шалаш...

Зовёт Венеция с картины,
Являя духа именины.
Гондола-лебедь на волне
Плывёт, нечаянно, ко мне!

Так близко, руку протяни,
Играют солнечно огни
И жарят, устали не зная,
Цветы на стенах распуская.

О, боже мой, какие виды,
Словно «Сады Семирамиды»...
И мы с тобой в гондоле плыли.
Гордись и помни: мы там были!

Мимоза

Мимозы веточка отломлена от детства.
Весенний праздник, неба синева.
Весёлых птичек звонкое соседство,
И мамыны душевные слова.

Бойтся снега, ветра и мороза,
Пушится в вазе с тёплой водой,
Не так роскошна, как пион и роза,
Пронзительна отвагой молодой:

Не вянуть, не чернеть, стоять – не гнуться!
Ведь отломиться – это полбеда.
Ей снится дом, в который не вернуться,
Абхазских гор мимозные сады.

Встречи на дороге к храму

Что для вас означает Родина? – однажды спросили меня. Родина! Какая она? Одинаковая для всех или для каждого своя?

Родители учили меня тому, что на Руси «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» передаются с молоком матери. А преемственность времён – это традиция, эстафета поколений. Духовная жизнь народа находится в её историческом развитии.

Послевоенные годы, раннее детство я провела без родителей в деревне на Днестре у родной тётушки Ефросинии Спиридоновны. Украинская мазанка, работы на рыбалке живущих в деревне стариков, выпас деревенских коров, овец, разлив Днестра после зимнего ледяного панциря, огонь в печи, рыбные борщи, деревенская детвора – с них начиналась моя Родина.

А ещё Родина начиналась для меня со сказок Пушкина, стихов Марины Цветаевой, Сергея Есенина, Осипа Мандельштама. В 3–4 года я их стихи читала со своего маленького стульчика, требуя аплодисментов.

Потом последовала школа, послевоенные отрочество, юность, любовь. И как бы трудно ни было семье (а трудно в стране было всем, практически до конца пятидесятых годов), в доме читали «Евгения Онегина», «Пугачёва», «Мёртвые души».

Родина моя включала в себя Гончарова, Фета, Никитина, Тютчева, Толстого. Были Куприн, Мельников-Печерский, Некрасов, Блок, Маяковский. Перечислять талантливые имена можно до бесконечности. И это только имена писателей и поэтов. А сколько художников, композиторов, зодчих, сколько гениальных учёных! И все они – моя Родина. В ней так много заключено! Родная природа, родная история, культура. С раннего детства в моей жизни были сказки, предания, пословицы, поговорки, былины. И вот она – моя Родина! От богатыря Ильи Муромца, от тридцати трёх богатырей Пушкина до героев Отечественной войны, героев Космоса.

Нина Яковлевна Борисова – врач анестезиолог-реаниматолог, кандидат медицинских наук, изобретатель, Ветеран Труда, член МГО Союза писателей России. Награждена медалью им. А.И. Бунина за «верное служение художественной литературе» и орденом «За вклад в литературу России XXI века». Закончив (по возрасту) заниматься профессиональной деятельностью, начала проявлять себя на поприще художественной литературы. Автор книг: «Судьбоносные встречи и дороги к храму», «Письма в Италию», «Человек в Мироздании». Публикуется в Международном литературном альманахе «Притяжение», «Зелёный крест» и др.

Живёт в Москве.

Родители возили меня по городам и весям. Я посещала храмы, монастыри, лавры. За лаврами последовали русские города: Новгород, Псков, Рязань, Ростов, Курск, Тверь, Астрахань, Архангельск, Холмогоры, Соловки, Валаам, Киев. И ежегодно: Ленинград, Эрмитаж, Русский музей, Царское село, Петергоф, Гатчина, Ломоносов, Пушкиногорье.

Откуда у семьи скромных учёных возможности познакомить дочь со своей Родиной?

После войны некоторое время мама преподавала русский язык и литературу в железнодорожной школе. Поэтому билеты на железнодорожном транспорте предоставлялись бесплатные. И я с первого своего осознания получала представление о Родине. С 8-10 лет, помимо Родины, я ещё понимала, что такое «Высший Разум», «Абсолют», «Бог». Я понимала что такое «Грех», «Долг». Я знала о том, что Пророк Моисей на высокой горе Синае получил у Бога заповеди и передал их всему человечеству. Эти заповеди каждый должен знать и выполнять (родной дед по отцу был православный священник).

Я знала, что есть народы, нации. Все они разговаривают на своём родном языке. Я была знакома с Грузией, Арменией, Дагестаном, Азербайджаном, Украиной, Молдавией, на территориях которых приходилось жить моей семье по службе отца. Однако с родительским духом я впитала то, что моя культура – культура Великой Руси, России. Мой язык – русский. Он великий и могучий. На этом языке говорили Ломоносов, Пушкин Достоевский, Тургенев. На моём русском языке говорили Чайковский, Глинка, Бородин, Рахманинов. Мой русский язык был языком Рокотова, Венецианова, Брюллова, Васнецова, Нестерова. На моём языке говорили великие русские скульпторы, архитекторы, зодчие, философы, учёные. Их очень много. И все они – моя Родина! В этом слове для меня сосредотачивается всё: великие русские имена, родители, школа, театры, храмы, русские города, сёла, музеи, ярмарки, фестивали и даже домашняя библиотека.

Позднее к слову «Родина» я присоединила походы по родному краю, путешествия по Северу, по Сибири, на Дальний Восток. Я проникалась чувством большой признательности, любви, гордости за свою сопричастность к русской земле, её культуре, вере.

1957 год. В Москве, в ЦДРИ проходила первая, персональная выставка молодого художника Ильи Глазунова.

На выставке представлены посвящения художника «Ф.М. Достоевскому», «Городу», «Образам России».

Естественно, являясь дилетантом – ценителем искусства или в искусстве, я понимала: молодой художник Илья Глазунов ещё не значит ни в залах Третьяковки, ни в залах Русского музея. Однако он являет мне правду русской жизни, его картины мне понятны и близки. А ещё он знакомит меня с незнакомыми деятелями России: её монархи, философы, художники, писатели прославили мою Родину. О некоторых из них я ничего не знаю, не знаю о своей русской истории в современном мире. На полотнах художника была моя Россия, моя Родина, знакомая и незнакомая.

Шли годы. Выставки Ильи Глазунова вызывали много шума, споров, согласных с ним зрителей и несогласных. Но они, эти выставки, завоёвывали всё больше и больше поклонников, которые часами выстаивали в многотысячных очередях, чтобы посмотреть работы художника, художника самобытного и национального.

В одной из Московских Военных Академий, в которой учился мой сын, я занималась общественной работой. В данной Академии её руководством было решено: слушателей и профессорско-преподавательский состав познакомиться с творчеством художника Ильи Глазунова.

Получаю ходатайство руководства Академии и отправляюсь к Зурабу Константиновичу Церетели. Президент Всероссийской Академии художеств решил по такому случаю в Военной Академии провести выездной Президиум. Илья Сергеевич Глазунов в это время был уже академиком, ректором Российской Академии живописи, ваяния и зодчества, которую основал.

Предстоящая выставка художника Ильи Глазунова в Военной Академии требовала моего с ним знакомства.

Казалось, я много знала и о творчестве, и о самом художнике Глазунове. Однако встреча с Ильёй Сергеевичем перевернула всё моё представление не только о художнике и его творчестве, но и о русской истории, русской культуре, о государственности России, её царях, её талантах. Я общалась с образованнейшим человеком, интеллектуалом, философом, большим патриотом России. Глазунов любил Россию в прошлом, любил Россию в будущем, был убеждён, уверен в её величии. Я внимательно слушала Илью Сергеевича и понимала: передо мною стоик, человек сильного русского духа. А сколько трудного было в его жизни! Блокадный Ленинград, потеря родителей, «Ладожская дорога жизни», жизнь и работа в отрочестве в новгородской деревне, голодные годы, возвращение в Ленинград, художественная школа, Академия художеств. Илья Сергеевич был очень русским, неотделимым от Руси, от России, от Родины.

После первой выставки Глазунова в ЦДРИ я собирала репродукции его иллюстраций к произведениям Достоевского, Некрасова, Гончарова, Мельникова-Печерского, Блока, Островского. В его иллюстрациях представала вся моя Россия.

Некоторые мои знакомые – противники творчества Глазунова – спрашивали меня: «А где у твоего Глазунова современная жизнь? Всё, что ты собираешь – это русская художественная литература, глазуновская графика, но не живопись».

«Однако это прошлое моей России, основа моей культуры. На данной основе художник являет настоящее, сегодняшнее», – оправдывалась я.

«А что твой Глазунов сегодня являет? Коллаж, аппликацию, мистирию, аттракцион».

Я расстраивалась. Вокруг Ильи Глазунова в авторитетных газетах, журналах было много негативной критики. И несмотря на охаивание творчества художника в прессе, на выставках – полчища поклонников, километровые, многочасовые очереди. Стало быть, нравится народу художник. А как может не нравится у художника «Князь Игорь», идущий против сил тьмы, как может не нравится «Русская красавица» в русском расписном наряде, в жемчужном кокошнике, как живая выглядывающая из оконца? А картина «Два князя» – время становления Русской державы. Вот она – преемственность поколений, ибо нет будущего без прошлого. А каков Борис Годунов? Он получил шапку Мономаха, но перед зрителем царь жалок и духовно сломлен.

Для меня Глазунов всегда являл гимн России, гимн моему Отечеству. Художник был моей Родиной.

10 марта 1998 года в Военной Академии (о ней упоминалось) состоялась встреча с художником Ильёй Глазуновым. Я вела программу вечера, который удался. В заключение зрители посмотрели замечательный документальный фильм о жизни и творчестве художника. После официальной части у руководства Академии состоялся «приём», на котором я получила приглашение художника посетить его мастерскую, пообщаться.

Мастерская художника, что в Калашном, мне показалась музеем. Иконы, прялки, русская вышивка, кокошники, самовары, наличники воссоздавали мир богатого русского терема.

«А каким образом вы, Нина Яковлевна – врач-учёный, начали рассказывать и объяснять смертным, что есть искусство, живопись, творчество, начали организовывать выставки, проводить эти выставки?» – спросил меня Илья Сергеевич.

«Ради сына. С заведующим кафедрой культурологии и искусства данной Военной Академии полковником Назаровым Александром Николаевичем организовали в Академии Университет культуры. Вот и знакомим смертных с красотой».

«Это же нелёгкая общественная работа», – продолжал Илья Сергеевич. «Необходимо договориться с художником, отобрать его картины, изучить творчество художника, представить данное творчество публике, хлопот много», – размышлял Глазунов.

«Всем этим я занимаюсь с любовью, а разбираться в живописи помогает мне искусствовед Всероссийской Академии художеств – Нина Ивановна Горянина, с которой я дружу, у которой я учусь».

«Я вам сделаю подарок – альбом репродукций картин художника Глазунова. А у вашего сына нет наклонностей к живописанию? А то обучим», – предложил Глазунов.

«К сожалению, нет. С компьютером, иностранными языками ладит. Иных наклонностей пока не наблюдаю», – поведала я.

В тот вечер рассказывал мне Илья Сергеевич о России, о том, как нуждается она в преданном служении, в любви, как много ей предстоит преодолеть, как много вокруг неё предательства, русофобов.

«Вы посмотрите, Нина Яковлевна, сколько их, этих русофобов внутри России! Россия разворовывается, растаскивается, и всё туда – на Запад, в

Европу. А Родина – это не просто земля, на которой живёшь. В ней, в этой земле, история народа, его прошлое и будущее, в его седых камнях бьётся древнее и вечно юное сердце русского народа».

Прошло время. Однажды я была приглашена на вечер в Храм Христа Спасителя. В сопровождении служителя Храма поднимаюсь по лестнице в трапезную и останавливаю внимание на большой картине на стене вдоль лестницы. Картина великолепная, на библейскую тему. Называется картина «Распи его». Присматриваюсь: кто же автор? Читаю: Иван Глазунов. Стоящий со мной рядом священнослужитель объясняет: «Картина нового направления – русского духовного реализма».

Действительно, зритель является участником предстоящей трагедии – распятия Христа. Ненавистью, злобой переполнены лица. Чернь требует: «Распи его! Распи!». Перед Понтием Пилатом стоит Сын Человеческий – Христос. Он красив, спокоен, величественен. Он понимает, какой сейчас приговор объявит Понтий Пилат.

Говорят – талант от Бога. Однако гены, заложенные в человека, также очень важны.

Предки Ивана Ильича Глазунова уходят в славянскую древность, и связаны они с королевой – основательницей Праги – Любушей. Среди предков Ивана Глазунова значится К.И. Арсеньев – основоположник русской статистики, замечательный русский географ и историк. Вместе с поэтом В.А. Жуковским принимал участие в воспитании императора Александра II. Прадед Ивана Глазунова – Ф.А. Глазунов – почётный гражданин Царского Села.

Мать – Нина Александровна Виноградова-Бенуа происходила из известного рода А.Н. Бенуа. Он прославленный художник и историк искусства России. Его сын в течение тридцати лет был главным художником театра Ла-Скала. Прадед Ивана Ильича – Леонтий Бенуа – гениальный архитектор, до 1917 года – ректор Петербургской Академии художеств. Ещё один Альберт Бенуа создал общество «Акварелист», был любимцем Александра III и Николая II.

На одной из выставок меня познакомили с Иваном Ильичом Глазуновым. Мы разговорились. Художник мне преподнёс альбом репродукций своих картин с такой надписью: «Нине Яковлевне на добрую память с благодарностью за всю её добрую работу. С уважением, Иван Глазунов».

Мир Ильи Глазунова на его картинах – это его Родина, родной народ, его история, его духовность, его философия в конкретных лицах, образах. Через творчество художника осознаёшь и собственную любовь к своему Отечеству, к России.

Иван Глазунов принял от отца эстафету. Его храмы, монастыри, иконы, всё его творчество – также Великая Россия. Она выражает, в том числе, и моё представление о Родине, и мою преданность Русской земле, её национальной культуре, вере.

ПОЭЗИЯ

Элла КУЗНЕЦОВА

ЭЛЛА КУЗНЕЦОВА

Элеонора Валентиновна Кузнецова – родилась в Москве. Член Союза писателей России. Автор книги стихотворений «Солнечный дождь» (Москва, НП «Литературная республика», 2020 г.). Публиковалась в журналах «Поэзия. Двадцать первый век Новой эры» и «Великороссь», Антологии одного стихотворения «Золотое перо Московии», в альманахах «Москва поэтическая», «Казачка» и др., а также в авторском сборнике религиозной лирики «Лепта на храм» и газете «Московский литератор». Лауреат литературной премии МОО СП России «Золотое перо Московии». Решением МГО СП России награждена орденом «За вклад в литературу России XXI века», а также Наградной грамотой с вручением медали «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы».

Живёт в Москве.

Многоцветье нежности

Коснуться вышины

Дорожкой парковой вечернею,
Гулять любили мы с тобой –
И месяц с радостью весеннею,
За нами плыл над головой...

Покрыв вуалью лунной светлою
Листву деревьев на лету,
Купался он с улыбкой щедрою
Загадочно в ночном пруду.

И веяло прохладой сонною
На берегу от камышей,
Мы любовались гладью водною,
И звонко пел нам соловей.

А пруд глядел на нас бездонными
Глазами тёмной глубины,
Но мы тропинками шли звёздными –
В мечтах коснуться вышины!..

Закатная вуаль

Небесная вуаль – лучей теченье,
Закат лиловый кажется вином...
И речки необычное свеченье
Зовёт испить отрады перед сном.

Над горизонтом вязь багряных перьев
Кольшет в небе лунный ветерок...
Ты дышишь красотой, в чудо веря,
И чувствуешь любви живой поток!

Луна и солнце

Сияли звёзды в небе жарко,
Ночная растворялась мгла,
Луна светила ярко-ярко,
К себе дорожкой звала...

И приглашала нас к беседе –
На душевный разговор...
Стихи слагались в звёздном свете,
В сердцах пылая, как костёр.

В безвёсельной воздушной лодке
Мы плыли будто бы во сне,
Но таял лик Луны-красотки
В предутренней голубизне...

Под птичий хор в рассветной власти
Рождалась новая заря,
И Солнце пело в нежной страсти,
Нам свет из Космоса даря!

Венок желаний

Вновь проснулось солнышко в космосе безбрежности,
Кисточкой художника водит озорно...
Удивляя, радует многоцветьем нежности –
Огненной энергией всё озарено!..

Босиком по травушке, по сырой муравушке,
Восхищаясь утренней неба синевой,
В сарафане ситцевом я бегу к дубравушке –
На опушке цветики манят желтизной.

Маленькие солнышки дарят мне сияние,
В каждом одуванчике лучик золотой!..
В свой венок заветные я вплету желанья,
Нимбом заиграют над русой головой!

Взмывая ввысь

Любуюсь небом, зрю его голубизну...
Оно влечёт к себе высокой далью –
Душою пылкой ощущаю новизну
И наполняюсь светлою печалью.

В потоке тонких чувств нахлынувшей волны
Полёты птиц ловлю горящим взором,
И мысленно я с ними, где они вольны,
Лечу под нежным солнечным призором.

И ты со мною в свете радужных колец –
Летим крыло в крыло... Какое счастье!..
И музыка любви из пламенных сердец
Взмывает ввысь в потоках восходящих...

Море

Захватывает дух величьем моря,
Когда лазури гладь поёт в просторе!..
Переключаясь с солнцем вечной новизной,
Оно ласкает сердце щедрой красотой.

Не насмотреться мне на это диво,
Что так зовёт, зовёт меня игриво,
Своим спокойствием чарующе маня...
И я бегу к воде, песком златым звеня.

Горячему не прекослова чувству,
Ныряю, потакая безрассудству, –
Я телом ощущаю моря доброту,
Всю глубину его и соль волны во рту.

Но если шторм, то красота иная...
Любуюсь я, как бьёт волна лихая,
И страстный шум прибоя радует мне слух,
Я счастлива вполне – и мой в восторге дух!..

ПРОЗА

Галина БУРДЕНКО

Потеря

– Ань, ты сегодня просто Мисс Уныние!
– Да всё хорошо...

Игорь в первый раз пригласил Аню к себе. Родители улетели на неделю в Грецию, этим приятным обстоятельством глупо было не воспользоваться. С Аней он учился в одной группе, девушка давно ему нравилась. Аня приехала из Твери и жила в общежитии. Но это был единственный её недостаток.

Пока ехали в метро, Игорь пытался разгадать тайну женской логики – Аня почему-то решила, что он хочет познакомить её с родителями. А он-то, наоборот, полгода ждал, пока до родителей дойдёт, что им срочно требуется отдых. И вот сейчас он вынужден скрывать факт отъезда предков в Грецию, потому что непонятно, не свернёт ли Аня с полдороги, если узнает правду. Девушки очень загадочны.

Аня спрашивала всякую ерунду про родителей, Игорь удивлялся её волнению. Ему казалось, Аня думает не о том. Какой смысл волноваться, понравится она им или нет? Тем более что их даже дома нет. Игорь никак не ожидал, что будет чувствовать себя обманщиком. Но про Грецию надо было или сразу сказать, или молчать до конца. Он выбрал второе.

Они вышли из вагона поезда, поднялись по лестнице и прошли через турникет.

– Теперь два раза повернуть направо, наш выход в самом конце, – предупредил Игорь, чтобы Аня чувствовала себя увереннее.

Народу было совсем мало. Игорь придержал для Ани первую дверь и увидел на полу кожаную перчатку, а впереди – быстро удаляющегося молодого человека. Игорь поднял перчатку, потом придержал для Ани вторую дверь и окликнул парня. Тот не обернулся и даже прибавил шагу. Игорь успел заметить, что у парня наушники, кричать громче не имело смысла.

– Ань, ты иди потихоньку, а я его догоню, хорошо?

Галина Бурденко – родилась в 1970 г. в Тульской области. Стихи и рассказы публиковались в периодике, в т.ч. в переводе на сербский и итальянский языки, а также на литературных веб-сайтах и порталах *Textura*, «Вторник», «Артбухта», «Зарубежные задворки», «Игра в классики», «Белая скала», «Фабрика Литературы», в сборниках «Заповедник сказок. 2017», «Поезд идёт на восток», «Загадай желание», «На восток. Антиутопии», «Ковчег Лит». Лауреат международных литературных фестивалей «Интеллигентный сезон» (г. Саки, Крым), «Степная лира» (ст. Новопокровская, Кубань), «Седьмое небо» (п. Николаевка, Крым), «Генуэзский маяк» (Генуя). В 2019 г. окончила Высшие литературные курсы Литературного института имени А.М. Горького, семинар прозы Е.А. Попова. В 2020 г. вышла первая книга «Стоп-кадры».

Живёт в Москве.

Аня обречённо кивнула. Роль жертвы ей не шла. Прежняя уверенная и насмешливая Аня ему нравилась гораздо больше.

Игорь попытался догнать парня быстрым шагом, но в первом переходе не смог этого сделать, только в следующем, за стеклянными дверями и поворотом. Он хлопнул парня по плечу и спросил: «Твоя?» Он мог бы и не спрашивать, потому что был уверен, что его, чьей же ещё и быть. Парень обернулся, посмотрел на перчатку и, нахально улыбаясь, вынул руки из карманов куртки. Руки были в трикотажных перчатках. Игорь растерялся и сказал: «Ну, извини!» Парень, улыбаясь и кивая головой, как китайский болванчик, сделал несколько шагов назад, потом развернулся и убежал.

– Псих какой-то! – сказал Игорь вслух.

Не зная, куда деть перчатку, чтобы не выглядеть перед Аней дураком, сунул её в карман.

В дверях никто не показывался. Игорь подождал немного и пошёл Ане навстречу, удивляясь, как могут теряться в трёх соснах девушки-провинциалки. Он повернул за угол и увидел, что в переходе нет ни души. Аня как будто испарилась. Мысль, что она решила его испугать, показалась абсурдной: кто другой мог бы, но не Аня. Может, передумала со страху? Игорь набрал её номер. Абонент недоступен. Ну, это обычная история в переходе! Игорь зашёл в метро, спросил женщину в будке, не входила ли девушка – красный вязаный шарф, очень симпатичная. «Откуда мне знать, я что, за всеми тут слежу?» – раздражённо ответила женщина. Потом он поднялся наверх по другой лестнице, надеясь, что Аня забыла указания. Но и там Ани не было. Телефон по-прежнему не отвечал. Непонятный страх подкрался вместе с ощущением, что ситуацию нельзя исправить, всё плохое уже случилось. Ничего не оставалось, как пойти домой одному, позвонив соседке Ани по комнате, чей телефон у него, к счастью, был. Соседка пообещала перезвонить, как только Аня вернётся. «Вся Греция коту под хвост», – сердился Игорь.

В два часа ночи соседка перезвонила. Но только чтобы сообщить: Аня так и не пришла, и надо звонить в полицию.

Звонок в полицию для Игоря был тягостен, как для любого человека. Однако он собрался с духом, позвонил и описал ситуацию. Трубка сказала, что его звонок записан, но признаков криминала нет, и вообще, полиция не занимается поисками девушек, передумавших идти в гости. А если девушка действительно не найдётся, от Игоря требуется приехать и подать заявление.

На следующий день кошмар перешёл в новую стадию. В институте первый же знакомый спросил, что случилось.

– Откуда знаешь? – дрогнувшим голосом ответил Игорь вопросом на вопрос.

– Да ты на себя в зеркало посмотри!

Игорь коротко рассказал. Новость быстро облетела и знакомых, и незнакомых. Многие подходили услышать подробности из первых уст. Игорь повторял снова и снова, ловя себя на мысли, что он как будто пересказывает сюжет триллера. И вдруг он осёкся под взглядом Оксаны – близкой подруги Ани, девушки в группе всегда держались вместе. Весь ужас случившегося опять навалился на Игоря. Он оставил девушку всего на пару минут, а теперь её нет, будто никогда и не было.

Оксана дала номер городского телефона в Твери:

– Позвони, вдруг она уехала домой? Может, что-то случилось...

Игорь позвонил и услышал Анин голос:

– Да, слушаю.

– Аня? – обрадовался Игорь.

– Нет, не Аня, это её мама.

– Аню можно к телефону?

– А кто её спрашивает? Аня же в Москве.

Игорь представил, как будет объяснять ни о чём не подозревающей женщине, что её дочь исчезла среди бела дня, и закончил разговор:

– Это её знакомый. Извините.

Приехав после занятий домой, Игорь увидел злополучную перчатку, из-за которой он упустил Аню из виду. Вчера он так и не выбросил её, притащил в квартиру и кинул на тумбочку вместе с ключами. Он взял перчатку и внимательно рассмотрел: не новая, но из хорошей кожи. Потому-то он и захотел вернуть её владельцу. Хорошие перчатки всегда жалко терять. По краю шёл небольшой аккуратный шов, сделанный от руки. Игорь долго смотрел на шов, потом, сам себе говоря, что это полный бред, достал из коробки с катушками старое лезвие и распорол шов. Внутри перчатки был зашит маленький, свёрнутый в трубочку, жёлтый клочок бумаги. Игорь волновался, руки дрожали. Он, чертыхаясь, развернул листок и прочитал странное стихотворение, написанное красивым почерком:

*Чужую потерю нашёл ты, дружок.
Но только тебе не пойдёт она впрок,
Твоя же потеря (и это хитро!)
Тебе будет часто казаться в метро.*

Прошёл год – худший год в жизни Игоря. Изменилось всё. Родители взяли в привычку любой разговор сводить к тому, что с Игорем что-то не так. Будто он не такой же человек, как все люди, а нечто сомнительное, на что нельзя рассчитывать. Игорь возмущался, убеждал, даже умолял. Они соглашались, но неизменно в следующий раз прибегали к одному и тому же доводу: «Оставь тебя на неделю одного – и найдёшь в ящике повестку». Хождения в отделение полиции тоже не добавляли оптимизма. Игорю казалось, ему задают одни и те же вопросы, чтобы поймать его на лжи, только и ждут, чтобы он сорвался и сказал, куда спрятал тело. Однако самым страшным испытанием была встреча с родителями Ани. Они его ни в чём не обвиняли, но было件нятно, что других виновных в исчезновении дочери они не видят. Анина мама, сняв чёрные очки, всего один раз посмотрела Игорю в глаза, после чего он твёрдо решил не заводить детей, чтобы никогда их не терять. Как ни тяжело ему было на своём месте, он не хотел бы поменяться местами с этой женщиной, говорившей голосом Ани, не хотел прятать своё горе за чёрными очками.

Он не понимал, что произошло в тот день. Не понимал, виноват ли. И если виноват, то в чём именно? Скажи он Ане, что родителей нет дома, изменило бы это что-нибудь? У Игоря не было ответов, а вопросы без ответов самые мучительные.

Метро из средства транспорта превратилось для него в некий мистический объект. Игорь потратил немало сил, чтобы найти и подружиться с диггерами, он внимательно читал любые их истории, даже самые невероятные. Но истории не приближали его к разгадке стихотворения из перчатки. Он в самом деле часто видел Аню, особенно, когда садился в последний вагон. Пока поезд набирал скорость, нужно было внимательно смотреть на дверь, сквозь надпись «Не прислоняться». В последние мгновения, пока поезд не влетал в

тоннель, на платформе можно было заметить растерянную Аню в неизменном красном шарфе. Даже если в вагоне было жарко, как в бане, Аня выглядела тем же замёрзшим снежирём, каким он её запомнил. Их взгляды успевали пересечься, пока темнота тоннеля не обрывала кошмар.

В первый раз такое свидание очень напугало Игоря. Если бы он увидел в метро зелёного монстра, он не смог бы испугаться сильнее. Глупые стихи оказались совсем не розыгрышем. Временами это так мучило Игоря, что он пересаживался в первый вагон. Потом начинал терзаться тем, увидит ли Аню ещё раз или нет, и тогда опять ездил в последнем вагоне, собирая статистику, где чаще всего появляется Аня. У неё были свои любимые станции. На «Битцевском парке», где розовое панно с «расчленёнными» лошадьми и всадниками всякий раз наводило Игоря на мысли о маньяке, Аню можно было встретить почти всегда. Любила она и «Достоевскую».

Один диггер как-то сказал Игорю, есть такая секретная статистика, из которой следует, что в метро всегда находится намного больше людей, чем проходит через турникеты. И любой человек может увидеть «детей подземелья» и опознать их по землистому оттенку лица. Надо только быть внимательнее к людям. Но внимательных мало, остальные же не видят ничего, кроме спины впереди идущего. И чем больше пассажиров топчется у эскалатора, тем больше среди них подземных жителей. Те любят толпу и живут в толпе.

Общение с диггерами давало Игорю слабую надежду, что ещё не всё потеряно. Он научился замечать мелочи. И однажды, в тысячный раз вспоминая подробности того кошмарного дня, он вдруг ясно увидел, что парень, отказавшийся от перчатки, прекрасно понимал, от чего отказывается! Можно же было сразу догадаться! Ведь парень был в наушниках, он даже не потрудился их снять, потому что знал, что именно говорит ему Игорь. Ещё и продемонстрировал руки в перчатках. Хотя смысла надевать перчатки на бегу, в переходе, да ещё и прятать руки в карманы не было никакого. С чего бы такая тяга к теплу? А всё просто – парень заранее подготовился, чтобы поскорее отделаться.

Игорь достал перчатку, которую хранил в нижнем ящике стола. О ней не знал никто. Для всех была только одна версия, лишённая мистики: Игорь догнал парня и вернул ему перчатку, потом ждал Аню, но она не появилась. Все на него косились и без того. Рассказать о нелепых стихах из перчатки – и его отправят к психам. К психам совсем не хотелось. Он ещё раз перечитал стихи, которые, впрочем, знал наизусть, свернул их трубочкой, поместил внутрь перчатки и зашил. Получилось не очень аккуратно. Ну, как получилось...

Игорь плохо представлял себе, как лучше потерять перчатку. Потому решил: надо обставить дело так же, как в день её нахождения. Только уронить перчатку в толпе, чтобы никто не видел, что именно он её уронил. Не хотелось смотреть в лицо человека, который по доброте захочет вернуть ему перчатку, не подозревая, чем это обернётся для него.

Утро и день Игорь запомнил плохо. Оно и понятно, каждые пять минут он представлял себе, как именно надо поступить, раз за разом прокручивая всю сцену, так что уже начинало тошнить от одной мысли о перчатке.

Вечер Игорь запомнил до мелочей. Он едет к себе домой, вагон почти полный, многие собираются выходить вместе с ним. Игорь выходит, на платформе слегка выталкивает перчатку из кармана и с лёгким сердцем идёт дальше. Никто его не окликает. Он идёт не оглядываясь. Дома не находит себе места. Всё должно измениться! В глубине души оживает надежда, что ему удастся

вызволить Аню из подземелья. Все будут счастливы, а к нему вернётся потерянный покой. Почему бы и нет? Если записка не оказалась розыгрышем, то можно всё исправить! Звук пришедшей смс заставил чаще биться сердце. Послано с номера Ани. Он читает текст:

*Перчатка упала, увы, на пути.
Не поднял никто её, ты уж прости.
Свой поиск напрасный, дружок, прекращай.
Игра завершилась. Гейм овер. Прощай.*

Больше он Аню никогда не видел, сколько ни всматривался.

ПОЭЗИЯ

Татьяна ЦАРЁВА

Татьяна Царёва – родилась в Москве, стихи пишет с детских лет, окончила МЭСИ, по образованию инженер-экономист. Член Союза писателей России (МГО СПР), член Союза литераторов России (СЛРФ, секция «Старая школа»). Автор нескольких поэтических сборников, соавтор песен (стихи), публиковалась в различных коллективных поэтических сборниках и альманахах.

Живёт в Москве.

«И чуда ждать...»

Я балансирую на призрачной струне,
Протянутой через миры и звёзды,
Там, где взлететь казалось очень просто,
Зачем-то крылья обрубил мне...
И я под тяжестью земных оков
Одна бреду над пропастью веков.

Я чувствую себя канатоходцем,
И шест для равновесия держу,
От страха я бледнею и дрожу,
А подо мной Вселенские колодцы,
И чёрных дыр разверстые глаза,
Но мне уже не повернуть назад...

Вверх посмотреть недостаёт мне сил,
А глянуть вниз – кто это превозможет?
О если бы спасительную лонжу
Мне с неба кто-нибудь сюда спустил!
Но нет страховок на моём пути,
И никогда с него мне не сойти...

Я балансирую на призрачной струне,
Беззвёздной ночью я видна немного –
Как сожаленье или выдох Бога,
Что уж давно поставил крест на мне...
Но доберусь куда-нибудь. Потом.
Лишь этим сохраняема крестом.

ТАТЬЯНА ЦАРЁВА

Ждать...

Забыть, что есть добро и зло,
Распятъ себя на сером небе,
На снега грязного отрепья
Смотреть сквозь мутное стекло,

И смерти ждать, как ждут весну,
Как ждёт больной выздоровленья,
И душу жечь, как жгут поленья,
И прятать слёзы в тишину.

И жизни ждать – как ждут любви,
Как долгожданного свиданья,
Где на двоих – одно дыханье,
Где Alter ego vis-à-vis*.

Забыть, что зло и что добро,
Всех равнодушных, чёрствых, строгих,
Простить обидчиков убогих,
Что в пули плавают серебро...

И чуда ждать. Как ждут дождя,
Как смерти, и весны, и жизни,
Как свадьбы, поминальной тризны...
Так, как всегда ждала тебя.

Паяц

Развесёлым беспечным паяцем
Я жонглирую жизнью и смертью,
И доколе уже мне кривляться,
Забавляясь в земной круговерти?

Я за жизнь не цепляюсь нисколько,
Удержать её – просто нелепо,
Вот она, апельсиновой долькой,
Подлетает под самое небо,

Я её провожаю глазами,
Как же этот мой жест безрассуден –
От меня моя жизнь ускользает
В суматохе потерянных буден!

* *Alterego* (альтерэго, лат.) – другое я; *vis-à-vis* (визави, франц.) – лицом к лицу.

Да и смерть не даётся мне в руки –
Приобнимет тихонько за плечи,
Усмехнётся и, будто со скуки,
Исчезает в бескрайнюю вечность...

Плакать мне? Или впору смеяться?
Ни тому, ни другому не верьте!
Обречённым и дерзким паяцем
Я жонглирую жизнью и смертью,

И увидеть уже невозможно
Боль под солнечным клоунским гримом...
Я поэт, лицедей, я художник!
Продолжаю свою пантомиму!

Что же рвёт без конца мою душу?
Отчего же везде я – изгоем?
Жизнь и Смерть как случайной игрушкой
Постоянно жонглируют мною.

Два рассказа

Краюха хлеба и футбол

У каждого человека, перевалившего за пятьдесят, есть свои детские картинки-воспоминания. Шестидесятые.

Карибский кризис. Первые полёты в космос. Хунвейбины. И уверенность в светлом «коммунистическом будущем».

Было и многое другое.

Но нам, мальчишкам от пяти до десяти лет, важнее были другие вещи. Хотя... Почти каждое утро ждали торжественную мелодию и голос Левитана: «...Работают все радиостанции Советского Союза...» И далее об очередной победе СССР – нашей Родины – в космосе. Но главное – Лето! Каникулы!

Наша компашка чинно сидит на лавочке во дворе и обсуждает наиважнейший вопрос: во что будем играть?

Один из нашей компании, назовём его Сашкой, немного обиделся, что все его предложения были отвергнуты, и побрёл к арке дома.

Почти дойдя до неё, он увидел кусок чёрного хлеба, размером с четвертушку буханки. Кусок хлеба был чёрствый и весь в песке.

Сашка пнул его раз. Кусок отлетел ближе к арке. Пнул ещё. И увлёкся игрой в футбол, где в роли мяча был хлеб.

Лихой удар, и краюха летит точно в «ворота», точнее в арку.

Из арки выходит мужчина. Для нас старик – лет сорока. Явно рабочий человек. Сильно поношенный, но чистый костюм, не слишком чистые рабочие ботинки. Слегка небрит и с усталыми глазами.

Этот «старик» поднимает кусок хлеба. Сдувает с него пыль и песок. Бережно неся в руках, подходит к Сашке.

– Что ж ты делаешь! Щенок! Это же хлеб!

Виктор Геннадьевич Мосенков – родился в 1960 г. в городе Смоленске. Исполнял интернациональный долг в ДРА. Историк. Преподавал в школе, вузе. Служил на оперативных должностях в уголовном розыске, затем в налоговой полиции. Пенсионер. Писатель. Прозаик. Публицист. Автор романа «Новый Мир». В настоящее время готовится к публикации роман-сага под общим названием «Странник». Приключенческая фэнтези (4 книги). Сборник рассказов, эссе «Встречи с победителями» о советских воинах, принимавших участие в Великой Отечественной войне и исполнявших интернациональный долг в ДРА. Член Союза писателей России (МГО СПР). Лауреат, победитель нескольких литературных конкурсов.

Живёт в Москве.

Ещё не договорив, мужчина даёт хлёсткую затрецину нашему товарищу. Тот, исполнив «полёт шмеля», приземляется на землю.

Сашке больно, но ещё более обидно. Как! Его! И чужой дядька! Он подхватывается и с рёвом бежит домой. Дома мама. Ей необходимо пожаловаться! Она защитит.

Мужчина, положив многострадальный кусок хлеба в карман, устало идёт своей дорогой. Но далеко уйти не успевает.

Мы сидим тихо, забыв обо всех наших проблемах, и наблюдаем за событиями.

Из подъезда вылетает мама Сашки, на ходу поправляя фартук.

Мама Сашки: ткачиха на льнокомбинате. Кулак у неё такой, что шапка пятьдесят пятого размера садится на него плотно. На лицо смотреть страшно. Её! Ребёнка! Кто-то посмел обидеть!

Ох! Не позавидуешь этому мужику! Убьёт ведь, ненароком!

Она подбегает к мужчине и легко разворачивает к себе лицом. Мужчина удивлён и ничего не понимает.

– Ах! Ты! Гнида! Кто тебе позволил МОЕГО ребенка обижать?!!! – ревёт она в лицо ошарашенного мужчины.

– Я его не обижал, – спокойно отвечает мужчина. – А ваше дитятко не объяснило, за что он получил подзатыльник?

– Нет, – сбавив тон, смотрит на сына, который стоит неподалёку. И, обращаясь уже к Сашке, говорит: – Рассказывай.

Сашка оглядывается, будто ища поддержки, вытирает сопли и слёзы.

– Он... Я... Я ничего такого не делал...

– Ничего? А хлеб кто пинал? ХЛЕБ! По земле! Как мусор какой-то! – с неподдельным негодованием говорит мужчина.

– Что? – почти спокойно, тихо спрашивает его мать. – Это правда?

– Ну-у-у-у... Да... А что? Он валялся на земле...

– Простите... И... спасибо, – извиняющимся тоном говорит Сашкина мать.

Поворачивается к сыну и отвечает ему материнскую затрецину. И ещё вопрос, чья затрецина сильнее, её или мужчины.

– Домой!!! – паровой сиреной ревёт она Сашке, который выбирается из кустов шиповника. – Дома поговорим... А вы уж простите меня. Я не знала.

Мужчина, кивнув головой, разворачивается и уходит.

Сашки во дворе уже не видно.

После того, как его мать скрылась в подъезде, мы испуганно переглянулись.

И тут дом вздрогнул... Послышался вопль Сашки. И всё стихло... И тишина длилась до того момента, пока с работы не пришёл его отец...

Только через несколько дней Сашку выпустили гулять. Он был наказан. Самым страшным наказанием, какое мы могли себе представить – ему запретили выходить на улицу целую неделю.

На наши вопросы, что было, когда пришёл отец, он отмалчивался.

Вскоре этот случай забылся, но на всю жизнь осталось – к ХЛЕБУ нужно относиться с уважением!

«Пьянчужка»

В нашем дворе жил мужичонка, никакой, да ещё часто напивался и зачастую, не добравшись до квартиры, спал там, где падал. Мелкий, невзрачный, с изрезанным морщинами лицом.

Мы, дети, смеялись над ним, брезгливо обходили стороной. Когда он напивался, пахло от него... От иного бомжа амбре лучше.

А вот жена была у него молодая и красивая.

Она почти всегда знала, что муж напьётся, и старалась караулить его. Находила, волокла домой. А на следующее утро он, чистый и опрятный, шёл на работу.

За глаза вся детвора дома называла его «пьянчужка».

Всё изменилось в одночасье.

9 мая. Праздник.

Наша гоп-компания сидит во дворе. Обсуждаем свои важные детские вопросы. И тут... Из подъезда выходит совершенно трезвый «пьянчужка»... В праздничном костюме!

Совсем недавно в интернете увидел фотографию генералов КНДР. Наверняка многие видели её. Генералы, как новогодняя ёлка, все от погон и до колена, в медалях и орденах. Не могу судить, может, это заслуженные награды.

Я специально отвлекся – для наглядности.

У нашего соседа по дому наград было не намного меньше. Ткани на груди пиджака не было видно от наград. И это были не медали типа: «С днём рождения», «За заслуги перед... (сами можете подставить: друзьями, охот. обществом и т. п.). Это были боевые награды!

Мы долго рассматривали их, а сосед стоял. Смущался. Краснел от нашего интереса. Молчал.

Из подъезда вышла его жена и «спасла» от нас, разогнав одним взглядом.

Взяла мужа под руку и повела гулять.

С того дня, кто бы из нашего двора ни увидел соседа пьяным, валяющимся, звали друзей и, взвалив его на себя, тащили домой.

Для нас было главным, что ОН заслужил это.

Два рассказа

Прогулка

Елена спешила. Не то, чтобы дома её ожидали «трое по лавкам: мал-мала-меньше» или горы неглаженного белья да невымытой посуды... Нет, дети давно выросли и разлетелись по разным краям и весям большой, немного безалаберной, но тем не менее горячо любимой страны прирастать собственными семьями и историями жизни. Дома ждали только любящий супруг и пушистый сибирский кот Баська, но и к ним ей не терпелось поспать побыстрее. В уютное тепло маленькой квартирки на окраине Москвы, в нежные объятия своего дорогого пенсионария, как ласково именovala она мужа. С продлением пенсионного возраста – самой Елене Николаевне выход на пенсию светил не скоро, а вот её мужу повезло, и он успел, так сказать, заскочить в последний вагон исчезающего бесследно в тумане поезда пенсионной реформы. Дни становились короче, а работы всё больше. В общем, пришлось сильно задержаться в офисе, ещё автобуса, как назло, долго не было. И, махнув рукой на вечные пробки и промозглую погоду, она решила сократить дорогу к метро через железнодорожные пути.

В нескольких шагах впереди припозднившейся женщины, вдоль насыпи прогулочной походкой шёл пожилой мужчина. С первого взгляда было件ятно, что он никуда не торопится. Просто гуляет. Единственное, что настораживало – это место, выбранное для прогулки... Конечно, понятно: осень в городе, приличных мест в окружающем пространстве промзоны мало, да о чём я? Вовсе отсутствуют. В лесопарк ехать далеко, по-видимому, не особо и хочется. А воздухом как-никак подышать надо. Но опять-таки, не пропахшим же мазутом и другими не менее техногенно-удушливыми ароматами? Ну, да Бог с этим. Наверное, ему просто так захотелось. И Елена перестала ломать голову над побудительными причинами вечерней прогулки прохожего вдоль железнодорожных линий.

Наталья ПУНИНА-ОРЛОВА

Наталья Ростиславовна Пунина-Орлова – родилась в 1968 г. в Москве. По образованию математик-программист. В настоящее время работает ведущим специалистом отдела информационного обеспечения в страховой компании. Поэт. Прозаик. Публицист. Член Союза писателей России (МГО СПР). Издано четыре авторских сборника (стихи, сказки, повестирассказы). Третья книга (сказки в стихах) удостоена звания «Лучшая книга года 2017–2019 гг.» МГО СПР. Редактор интернет-портала Яндекс-Дзен (авторский канал). Награждена дипломами и медалями Союза писателей России.

Живёт в Москве.

И тут её внимание привлёк шум неподалёку. Смеркалось, и Елене Николаевне пришлось напрячь зрение, несколько подсевшее после рабочей смены, чтобы разглядеть причину этого шуршания. То была огромная ворона, вальяжно шествующая вразвалочку аккуратно за прогуливающимся гражданином. Складывалось впечатление, что птица так же неспешно прогуливается, копируя темп и даже походку (хозяйина, чуть не сказала себе удивлённая женщина). Но остановилась всё же на термине «попутчик». И так, ворона шаг в шаг шествовала за прогуливающимся мужчиной, время от времени недалеко отпрыгивая вправо и влево, чтобы поживиться чем-то или просто удовлетворить своё воронье любопытство. Эта забавная пара напомнила Елене прогулку человека с... собачонкой. Недоставало только поводка в руке прохожего и изредка его окриков: «Тузик, ко мне!»

Елена Николаевна рассмеялась от всего сердца. Как же хорошо, подумалось ей, что она не разучилась подмечать пикантные моменты, которыми так щедро одаривает нас мир вокруг!

Доброе слово

Наш отдел бесперебойного обеспечения системами информативного воздействия (сокращённо БОСив) расположен на третьем этаже административного здания. Ниже размещается столовая, а в цокольном этаже – технические службы, подсобки и прочие хозяйственные помещения, в которых мирно уживается разномастное кошащее племя.

Зима. Конец дня рабочей недели, и офисный планктон уже успел раствориться в безбрежном вечерне-туманном океане городского пространства. Тишина. Белоснежная красота, словно и не город это вовсе, а сказочный лес – настолько невесом лёгкий снежок, настолько выигрышно смотрятся наши три ели, чудом уцелевшие в большом внутреннем дворе предприятия, по прихоти природы одетые сейчас в белые пуховые пелерины с нежным отливом серебристого сияния. Сотрудница информационного отдела Надежда, несколько задержавшаяся на работе и возможно оттого немного рассеянная, неспешно выходит из подъезда и кидает, не глядя, в специальную кошащую мисочку остатки обеда. Поворачивается спиной, чтобы отправиться домой, как вдруг слышит:

– Спасибо!

Она замирает на полушаге. Пустой двор. Все уже разбежались по домам, и в подвале никого кроме кошек быть не может. Не должно быть в принципе! И вдруг эта неожиданная благодарность. Что это? Кто? Неужто и вправду кошки?! Говорить выучились? Конечно, памятью сообразительность этих созданий, не особо удивительно, хотя... если брать за основу речь курящей у офиса толпы работников умственного труда, довольно-таки странный выбор слова. Уместнее было услышать «Да пошла ты!» или хотя бы «Что ты кидаешься?». Опять же, кошки... Не собаки, однако. От собак ещё ожидаемо было бы услышать слова благодарности. Но эти милейшие создания?!

Надя в недоумении, скорее в крайней степени оторопи, подходит поближе к цоколю и присаживается на корточки. Она практически уже готова ответить: «Пожалуйста, милые пушистики!», как вдруг, подняв голову, видит

в окошке второго этажа столовой улыбающуюся повариху, также подзадержавшуюся на работе или, что вероятнее, оставшуюся покормить мяукающую сворку.

– Спасибо, – снова повторяют из окошка тем же тембром голоса. И Надюша сначала расплывается в широкой понимающей улыбке, а потом начинает безудержно смеяться, чем несколько смущает приветливую работницу общепита.

Но её день удался! Надя теперь точно знает: для вас у Вселенной всегда найдётся благодарность за доброе дело. Хотя бы в виде кошачьей признательности.

